

ГБУК НСО «НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ЮНОШЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

БОЙ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ – УЧАСТНИКИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

НОВОСИБИРСК
2015

**ББК 83.3(2Рос) + 74.200.50
Б770**

Ответственный за выпуск:

Терентьева Т.Н.

Составитель:

Ковалёва О.В.

Технический редактор:

Гребенкина О.В.

Дизайн обложки:

Анищенко Н.Ю.

Б770 Бой глазами очевидцев. Русские писатели – участники боевых действий: литературная панорама / ГБУК НСО НОЮБ; сост. О.В. Ковалёва. – Новосибирск: ГБУК НСО НОЮБ, 2015. –200 с.

Предлагаемый материал представляет собой литературную панораму творчества русских писателей – непосредственных участников боевых действий с древнейших времён.

Издание предназначено широкому кругу читателей и может служить компактным справочником художественных произведений военно-патриотической тематики и быть востребовано для организации патриотической работы среди школьников, для проведения своеобразных литературоведческих исследований, поисковой работы, оформления книжных выставок.

Приложением к изданию являются военно-биографические очерки об известных писателях и поэтах прошлого.

**ББК 83.3(2Рос)
74.200.50**

БОЙ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ. РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ – УЧАСТНИКИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

...Зло войны и благо мира до такой степени известны людям, что с тех пор, как мы знаем людей, самым лучшим пожеланием было приветствие «мир вам».

Л.Н. Толстой

Указом Президента 2015 год объявлен Годом литературы в России. Предполагается, что это позволит существенно повысить интерес российских граждан к классической и современной литературе и чтению. Показательно, что это событие происходит в юбилейный год Победы в Великой Отечественной войне.

Лучшие умы человечества в противоположность апостолам человекоистребления мечтали о том времени, когда люди будут жить в мире. «Человек создан природой для мира, а не для войны, рожден для радости и наслаждения всеми плодами и растениями», – писал великий гуманист Ф. Рабле. Великая историческая роль в пропаганде идей мирной жизни принадлежит передовой русской литературе. Война и мир – самые общие и самые важные её темы. Не случайно в трагедии «Борис Годунов» летописец Пимен называет их первыми: «Описывай, не мудрствуя лукаво, все то, чему свидетель в жизни будешь: войну и мир...». Сам Пушкин показывает, к каким трагическим последствиям приводит война. В годы Великой Отечественной войны Алексей Николаевич Толстой писал: «Казалось бы, фронт войны должен заглушать голос поэта, упрощать, укладывая её в узкую щель окопа. Но воюющий народ, находя в себе всё больше и больше нравственных сил в кровавой и беспощадной борьбе, где только или победа, или смерть, всё настоятельнее требует от самой литературы больших слов. И советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа...».

Героическая тема является одной из основных в отечественной литературе. Значение ее в познании прошлого нашей Родины, в патриотическом воспитании юного поколения велико. Трудно найти во всей многовековой истории отечественной литературы хотя бы одного из её истинно талантливых представителей, который бы не способствовал формированию патриотического сознания. Есть какая-то связь между этими, казалось бы, относящимися к разным сферам жизнедеятельности явлениями: талантом и

патриотизмом, гражданственностью. Вероятно, дело в том, что корни их питаются родниками народности, традиций, заветов.

Страстно мечтая о мирной жизни, лучшие русские писатели в годы народных бедствий, когда земля наша подвергалась вражеским нашествиям, были вместе с народом. Они были солдатами, офицерами. Среди них было немало и таких, чья жизнь достойна служить примером воинской чести и доблести. Своими произведениями они воспитывали любовь к отечеству, укрепляли ратный дух, вдохновляли на подвиг. И тем ценнее были их произведения от того, что были написаны непосредственными участниками военных событий, знавшими о тяготах войны не понаслышке. Поистине – «слова, пришедшие из боя».

Предлагаемый материал представляет собой литературную панораму творчества русских писателей – непосредственных участников боевых действий с древнейших времён.

Таблица «Бой глазами очевидцев» может служить компактным справочником художественных произведений военно-патриотической тематики и быть востребована для организации патриотической работы среди школьников, для проведения своеобразных литературоведческих исследований (например, сравнительный анализ произведений, относящихся к одному периоду), поисковой работы (заполнение пустот в таблице, поиск произведений, не упоминающихся в справочных изданиях), оформления книжных выставок («Войну опишем просто и правдиво», «Слова, пришедшие из боя», «В бою рождённая строка, в огне написанное слово», «Порохом пропахшие страницы», «Русская военная история в русской литературе»).

Внутренняя структура материала включает в себя информацию о писателях и поэтах, которые принимали непосредственное участие в военных событиях, степень этого участия и произведения, посвящённые пережитому или увиденному. Поэтому рядом с фамилией Л.Н.Толстого указаны только Севастопольские рассказы и нет «Войны и мира», так как в войне 1812 года Лев Николаевич, конечно же, не участвовал.

Военные корреспонденты также имеют право на место в таблице. Как писал Константин Симонов,

Там, где мы бывали,
Нам танков не давали —
Но мы не терялись никогда.
На пикапе драном
И с одним наганом
Первыми въезжали в города.

Многие из писателей, бывших в годы войны военными корреспондентами, имели боевые ордена. Это было не только в годы Великой Отечественной войны, но и во время афганских событий.

Материал выстроен в хронологической последовательности исторических событий, в каждом разделе принят алфавитный порядок упоминания писателей. Если автор более известен под псевдонимом, например, А. Платонов, в скобках приводится настоящая фамилия (Климентов). Даты рождения и смерти даны через косую черту, если по каким-либо причинам не совпадают в различных источниках.

Не раз предпринимались попытки назвать имя автора «Слова о полку Игореве», отождествить его с определённым историческим лицом, известным по историческим источникам конца XII – начала XIII в. Автор «Слова о полку Игореве», как считают многие исследователи, был дружинником и, скорее всего, участником похода Игоря, но ни одна из точек зрения не может считаться окончательно доказанной. Высокие художественные достоинства «Слова» дают возможность с абсолютной уверенностью говорить о его авторе как о профессиональном поэте, книжнике, обладающем большим литературным талантом, хорошо знающем книжные памятники своего времени, а также народную и дружинную поэзию. Он прекрасно осведомлён об истории Руси, политической обстановке описываемого времени, о родовых связях князей, разбирается в военных вопросах.

XIII-XIV века – трагическое время нашествия Орды на Русь и ордынского ига. Никто не сможет точно подсчитать, сколько тысяч и тысяч человек было убито или уведено в Орду, сколько памятников культуры было уничтожено, сколько книг сгорело. Однако древнерусская литература не погибла. По горячим следам событий создаётся прекрасная и печальная «Повесть о разорении Рязани Батыем» в 1237 году, «Повесть о Калкском сражении», «Сказание о пленении Русской земли от Батыя», «Слово о гибели Русской земли».

В XIII веке был повод сказать и о военных успехах в борьбе против немецких рыцарей и шведских феодалов, что и получает отражение в «Житии Александра Невского», сочинённом в 1282–1283 гг. и повествовавшем о битве на Неве в 1240 г. и Ледовом побоище на Чудском озере в 1242 г. Победа на Куликовом поле в сентябре 1380 г. дала мощный толчок для дальнейшего развития русской литературы. Об этой победе русских над ордынцами рассказывается в известной летописной «Повести о Куликовской битве». Этому событию посвящены ещё два известнейших произведения XV века – «Задонщина» и «Сказание о мамаевом побоище». Но, к сожалению, ни авторы,

ни время их создания точно неизвестны, поэтому они не внесены в предлагаемую таблицу, хотя автор «Сказания о Мамаевом побоище» использовал много письменных и устных источников, касающихся Куликовской битвы, в том числе «Задонщину» и не дошедшее до нас «Слово о Мамаевом побоище Софония Рязанца».

Только в XVII веке в России формируется тип профессионального писателя: при царском дворе стали жить и работать люди, занимавшиеся писательским трудом по преимуществу. Поэтому можно говорить о конкретном авторстве. Например, поэтическая «Повесть об азовском осадном сидении» написана в 1642 г. казачьим войсковым дьяком Фёдором Порошиным с использованием традиций документальных казачьих «отписок» и поэтично изображавшей сцены борьбы казаков с осаждавшим их бесчисленным турецким войском. Но в военных событиях эти люди не участвовали, поэтому указание в таблице на конкретных литераторов начинается с конца XVIII века. Список открывает князь Иван Михайлович Долгоруков (Долгорукий), русский поэт, драматург, мемуарист из рода Долгоруковых.

В петровское время распространение получает газетный жанр. Газета «Ведомости» начинает выходить в 1702 г. Она сообщает о ходе войны со Швецией. Из ведомостей №22 за 1704 г.: «Из Нарвы пишут августа в 21 день. Нынешнего августа в 9 день славный и крепкий город Нарва с божиею помощию воинством благочестивейшего нашего государя взят в три четверти часа приступом, хотя неприятель подкопом наших некую часть и подорвал, однакож солдатом тем утешить не мог, потом в другую, старую крепость неприятель вбежал и бил шамад (сдачу), дабы окорд (договор) или хотя бы пардон (милость) получить, но солдаты наши того и слышать не хотели и в тот час и в оную крепость ворвались, а потом и в самый замок, где неприятелю такой трактамент (потчевание) учинили, что и младенцев немного на сей свет пустили. Сей штурм милостию вышнего дивно окончился, потому что наших на всем штурме меньше трёхсот человек упало. А чего колько в сем городе завоёвано и колько неприятельских людей побито, и о том будет впредь ведомость».

Пётр сам отбирает материалы для публикации, редактирует их, нередко сам пишет. Так известие о полтавской битве, напечатанное в «Ведомостях» (1709, №11), было написано им в день победы над шведами. «Сего дня, – писал Пётр, – на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армиею конною и пешею атаковал, которая хотя зело по достоинству держалась, однако ж принуждена была уступить, токмо с великим убытком неприятелю».

Но встречным наступлением наши войска неприятеля «тот час с поля сбили и пушек множество взяли...»

Такие репортажи с места событий составят в последующем значительную часть русской военной литературы.

Литература не сразу отразила, что подлинным героем войн, решающих общенациональные задачи, являются простые люди, народ. Хотя поэты и писатели прошлого, быть может, подсознательно иногда и понимали, что в конечном итоге все зависит от народа, но из-за существующих канонов и традиций не отводили народу в своих произведениях должного места. Так, например, в произведениях эпохи классицизма носителями героического начала, как правило, оказывались цари, полководцы, вельможи, а народу отводилась второстепенная роль. Народ был как бы безликой массой, на фоне которой совершали подвиги эти «герои». Русский классицизм придавал особое значение «высоким» жанрам: эпической поэме, трагедии, торжественной оде. Например, большое впечатление на современников произвело «Похвальное слово о преславной над войсками свейскими победе» Феофана Прокоповича (1709).

Создателем жанра русской оды, соединявшей лирику и публицистику, стал М.В. Ломоносов (1711–1765). Примером может служить его «Ода блаженной памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года».

За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов сдирает;
Но чтоб орлов сдержать полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие степи — равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.

Пускай земля как понт трясет,
Пускай везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут;
Но вам не может то вредить,
О россы, вас сам рок покрыть
Желает для счастливой Анны.

.....
Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Анин лик
Над звездны вечность вносит круги;
И правда, взяв перо злато,
В нетленной книге пишет то,
Велики коль ее заслуги.

Ода «Пётр Великий» прославляет «дела петровы»:

Пою премудрого российского Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну;
Смирил злодеев внутрь и вне попрал противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных;
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.

Но коль сам Михаил Васильевич Ломоносов участником боевых действий не был, его описания носят лишь общий характер.

У Михаила Матвеевича Хераскова (1733–1807), крупнейшего представителя русского классицизма, поэма «Чесмесский бой» (1771) посвящена современной ему теме – сражению русского и турецкого флота в 1770 году. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Россия не имела ещё флота на Чёрном море. И для поддержки сухопутной армии русские корабли совершили переход из Балтийского в Средиземное море и открыли военные действия в Греческом архипелаге. 24 июня 1770 г. русский флот под командованием А.Г. Орлова нанёс поражение турецкому в Хиосском проливе.

О брань! погибельны везде следы твои.
Преобразилося пространно море адом,
Покрылись корабли свистящих пульей градом,
Несущи ядра смерть по воздуху гремят,
И гаснет тамо жизнь, куда они летят.
Смерть зрится на судах, и смерть в морской пучине;
Ближайший тамо шаг поспешный шаг к кончине;
Повсюду вопль и стон, не слышно там речей,
Единый слышен треск, гром пушек, звук мечей.
Тут ратник ратника увидел пред очами;
Сразились копьями, ударились мечами,
Уставили они противу груди грудь,

Разят и грудой тел ко славе стелют путь.
Не успевает ад преисполняться жертвой,
Кто пал там, пал уже не раненый, но мертвый.
Тот в ярости пронзить мечом врага хотел,
Но сам стрелой убит, на месте онемел.
Иный не ведает о ранах попеченья
И только чувствует, что он среди сраженья,
Там вплоть отрубленна с мечом рука падет,
Но сим мечом врагу еще удар дает.
На саблю налетел там воин, штык имея,
И движется по ней достигнуть до злодея.
Как вихрь подьется мгновенно от земли,
Так быстро воины на мачты потекли;
Там стрелы их грудей и копья досягают,
Они зажженные орудия свергают.
Горящий пламенем и смертоносный град
Поспешно обращал Гассанов флот назад;
Но тщетно он из рук российских вырывался,
То к берегу спешил, то выше подавался;
Как зверь, запутанный в расставленных сетях,
Иль голубь, у орла биющийся в когтях,
Не может Бей-Гассан от россов отцепиться.
Ах! для чего он в понт сей час не погрузится!
Сберитесь, облака, вокруг дерзких кораблей;
Воздвигни понт, Нептун; Юпитер, дождь пролей!

Описание дано человеком, боя не видавшим, да ещё выпускником Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Хотя Михаил Матвеевич подчёркивал, что его произведение точно соответствует реальным событиям. Херасков писал в одном из примечаний к первой песне: «Покорение Архипелага всему свету известно; храбрость наших героев всякие похвалы превосходит; и должно один раз для всего моего сочинения сказать, что всё в нём написанное есть живая истина, исключая стихотворных украшений, которые всякий благоразумный читатель легко отличить может. Весь остаток расположен по точным известиям, полученным из самых вернейших рук, и по самым словам, которые сочинитель счастье имел слышать от воспеваемых им героев». Турецкий флот укрылся в Чесменской бухте и через два дня был здесь почти полностью уничтожен русскими.

С 70-х годов XVIII века в литературе возникает новое направление – сентиментализм. Писатель внимательно всматривается в действительность, изображает её более правдиво. Но непосредственных участников военных действий среди писателей в этот период не нашлось. И только князь Иван Михайлович Долгоруков (Долгорукий), внук И.А. Долгорукова, наперсника Петра II, и Н.Б. Шереметевой, поэт, драматург, мемуарист, не закончив курса Московского университета, вступил прапорщиком в 1-й Московский пехотный полк (3 июня 1780), участвовал в походе гвардии в Финляндию (1789–1790), где вёл ежедневный журнал военных действий «Записки Шведского похода», включённые в мемуарные и автодокументальные записки «Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни».

Далее участие писателей и поэтов в военных действиях становится более активным. Носили кто мундир солдата, кто офицера известные поэты и писатели XIX века. Великие патриотические заветы передовых писателей прошлого были восприняты и продолжены советскими литераторами. Среди советских писателей старшего поколения было много участников Великой Отечественной войны. Эстафету подхватили писатели и журналисты конца XX века. Афганская война – это целая эпоха, это юность более чем полумиллиона мальчишек, отправленных в далекую мусульманскую страну. Авторы книг серии «Афган» – исключительно ветераны-«афганцы», служившие «за речкой». Книги написаны очевидцами событий, и потому потрясают горькой и беспощадной правдой. Но романы, повести и рассказы, представленные в серии, не только исключительно правдивы, они еще и необыкновенно интересны.

На протяжении веков своими произведениями русские писатели воспитывали любовь к Отечеству, укрепляли ратный дух, вдохновляли на подвиг. К сожалению, изучение художественной литературы о героическом прошлом еще не привлекло к себе должного внимания исследователей. Литературоведы обращались к ней чаще всего тогда, когда небо заволакивало черными тучами войны. Это не могло не отразиться на характере их исследований. До сих пор нет книги, рассматривающей роль и значение героической темы в общем процессе развития русской литературы. А именно сейчас эта тема очень актуальна, тем более в год 70-летия Победы над фашизмом.

Приложением к таблице являются военно-биографические очерки об известных писателях и поэтах прошлого.

БОЙ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ. РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ – УЧАСТНИКИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Литературная панорама

АВТОРЫ	УЧАСТИЕ В ВОЕННЫХ СОБЫТИЯХ	ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1185 Поход князя Игоря Святославича на половцев		
Имя неизвестно	По одной из версий литературоведов автор (скорее всего черниговец или киевлянин) – участник похода князя Игоря, вместе с ним находился в плену.	«Слово о полку Игореве»
1788–1790 Русско-шведская война		
И.М. Долгоруков (Долгорукий) 1764–1823 Поэт, прозаик, драматург	Не закончив университетского курса, вступил прапорщиком в 1-й Московский пехотный полк (3 июня 1780) и был прикомандирован ординарцем в штат В.М. Долгорукова-Крымского, а в 1782 перевелся тем же чином в Петербург, в Семеновский полк. В 1790 г. получил чин капитана гвардии и назначение в Шведский поход. После похода гвардии в Финляндию (1789–1790) он вышел в отставку с чином бригадира.	Ежедневный журнал военных действий «Записки Шведского похода», мемуарные и автодокументальные записки «Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни»
А.С. Шишков 1754–1841 Прозаик, поэт, критик	Участник Гогландского (июль 1788) и Эландского (июль 1789) сражений. За участие в последнем был произведен в чин капитана 2-го ранга. Весной 1790 года назначен командиром 38-пушечного гребного фрегата «Святой Николай», с которым присоединился к эскадре вице-адмирала А.И. фон Круза у мыса Стирсуден. В составе эскадры А.И. Круза «Николай» под командованием Шишкова участвовал в	Стихотворение «Бард на поле битвы» (1828)

	Красногорском сражении 23-24 мая (3-4 июня) 1790 года против шведской эскадры герцога Зюдерманландского. Сражение закончилось отступлением шведской эскадры вглубь Выборгского залива. 30 мая (10 июня) 1790 года сдал командование фрегатом, став флаг-офицером командующего флотом адмирала В.Я. Чичагова. Участвовал в Ревельском (2 (13) мая 1790) и Выборгском (22 июня (3 июля) 1790) сражениях. Отличившись в последнем из них, был послан к императрице Екатерине II с сообщением об успехе, достигнутом над шведами. За такое донесение и отличие в храбрости был награждён императрицей золотой саблей с надписью «За храбрость» и золотой, осыпанной бриллиантами табакеркой.	

1805–1807 Русско-прусско-французская война

К.Н. Батюшков 1787–1855 Поэт, прозаик	Участвовал в Прусском походе. Сотенный начальник милиционного батальона. В сражении под Гейльсбергом был тяжело ранен (пуля задела спинной мозг).	«Воспоминания 1807 г.»
Д.Н. Бегичев 1786–1855 Прозаик	Участник похода в Австрию и сражения под Аустерлицем (1805). В 1808 г. вышел в отставку в чине штаб-ротмистра. Кавалер ордена Св. Владимира 4-й степени и Королевско-Прусского ордена «За заслуги».	Роман «Ольга»
Ф.В. Булгарин 1789–1859 Журналист, прозаик, издатель	Окончив в 1806 г. Сухопутный шляхетский кадетский корпус, определился в уланский Государя Цесаревича полк, принял участие в кампании 1806–1807 г., был ранен в живот под Фридландом и получил на саблю аннинский темляк (награждён орденом Святой Анны 3-й степени).	

Ф.Н. Глинка 1786/84–1880 Поэт, прозаик, драматург, журналист	В 1805—1806 годах состоял адъютантом при генерале М.А. Милорадовиче, участвовал в битве при Аустерлице.	«Письма русского офицера»
Д.В. Давыдов 1784–1839 Поэт, прозаик	Гусарский полк, где служил Давыдов, участия в сражениях с французами не принимал. Молодой кавалерийский офицер добился отправки в действующую армию. Был назначен адъютантом к генералу П.П. Багратиону и с 24 января 1807 г. участвовал в боях с французами. В сражении при Прейсиш-Эйлау один из боёв, по мнению Багратиона, был выигран только благодаря Давыдову. Он в одиночку бросился на отряд французских улан и те, преследуя его, отвлеклись и упустили момент появления русских гусар. За этот бой Давыдов получил орден Святого Владимира IV степени, бурку от Багратиона и трофейную лошадь. Всегда отличался исключительной храбростью, за что был награжден орденами и золотой саблей.	«Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау», «Тильзит в 1807 г.»
Н.А. Дурова 1783/88–1866 Прозаик	В мужском платье добралась до кавалерийского Коннопольского уланского полка (где бород не носили) и попросилась на службу, назвавшись Александром Васильевичем Соколовым, сыном помещика. Зачислена в полк товарищем (чин рядовых дворянского происхождения). Участвовала в битвах при Гутшадте, Гейльсберге, Фридланде, всюду обнаруживала храбрость. За спасение раненого офицера в разгар сражения была награждена солдатским Георгиевским крестом и произведена в унтер-офицеры. Первая русская женщина-офицер.	«Записки кавалерист-девицы»

1808–1809 Русско-шведская война

К.Н. Батюшков 1787–1855 Поэт, прозаик	Прапорщик лейб-гвардии егерского полка.	«Из писем русского офицера в Финляндии»
Ф.В. Булгарин 1789–1859 Журналист, прозаик, издатель	В 1808 году участвовал в шведской кампании.	
Д.В. Давыдов 1784–1839 Поэт, прозаик	Зимой 1808 г. состоял в русской армии, действовавшей в Финляндии, прошёл вместе с Кульневым до Улеборга, занял с казаками остров Карлоэ и, возвратясь к авангарду, отступил по льду Ботнического залива.	

1812–1814 Отечественная война,граничные походы

Г.С. Батеньков 1793–1863 Поэт-декабрист	21 мая 1812 года был выпущен прапорщиком в 13-ю артиллерийскую бригаду. Участник Отечественной войны 1812 года и граничных походов. 17 декабря 1813 года за отличие произведён в подпоручики. 20 января (1 февраля) 1814 года награждён орденом Св. Владимира 4 степени с бантом — за отличие в бою при селении Ларотьер. В сражении при Монмирале 30 января (11 февраля) 1814 г. был ранен (получил 10 штыковых ран) и попал в плен, в котором находился до 10 (22) февраля 1814 г.	
К.Н. Батюшков 1787–1855 Поэт, прозаик	Штабс-капитан. Участник граничного похода, адъютант генерала Н.Н. Раевского.	Стихи, очерки («Чужое – моё сокровище», «Воспоминание мест, сражений и

		путешествий», «Путешествие в замок Сирей»)
П.А. Вяземский 1792–1878 Поэт, критик	Вступил в дворянское ополчение, участвовал в Бородинском сражении в чине поручика. На поле боя спас раненого генерала А.Н. Бахметева, за что получил орден Святого Владимира 4-й степени с бантом.	
Ф.Н. Глинка 1786/84–1880 Поэт, прозаик, драматург, журналист	В 1812 году поступил в армию адъютантом к Милорадовичу и находился в походе до конца 1814 года. Участвовал в боях при Смоленске, Бородино, Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Дорогобуже, при Баутцене. За храбрость награждён золотой саблей.	Стихи («Москва», «Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии», «Солдатская песнь. Сочинённая и петая во время соединения войск у города Смоленска в июле 1812 года» и др.), дополненные «Письма русского офицера», рассказ в стихах «1812 год»
Д.В. Давыдов 1784–1839 Поэт, прозаик	В начале войны 1812 года состоял подполковником в Ахтырском гусарском полку и находился в авангардных войсках генерала Васильчикова. Один из организаторов партизанского движения, участник заграничного похода. По всей Европе о храбрости и удачливости Давыдова слагали легенды. За бой при подходе к Парижу, когда под ним было убито пять лошадей, но он вместе со своими казаками всё же прорвался сквозь гусар бригады Жакино к французской артиллерийской батарее и, изрубив прислугу, решил исход	Стихи, элегии («Бородинское поле»), военные записки («Мороз ли истребил французскую армию»), «Дневники партизанских действий».

	сражения, получил чин генерал-майора. Под Ляховым вместе с другими партизанами взял в плен двухтысячный отряд генерала Ожеро; затем под г. Копысь уничтожил французское кавалерийское депо, рассеял неприятельский отряд под Бельничанами и, продолжая поиски до Немана, занял Гродно. Наградами за кампанию 1812 года Денису Давыдову стали ордена Св. Владимира 3-й степени и Св. Георгия 4-й степени.	
Н.А. Дурова 1783/88–1866 Прозаик	Командовала полуэскадрой. Участвовала в сражениях под Смоленском, Колоцким монастырем. При Бородине защищала Семеновские флеши, где была контужена ядром в ногу, и уехала для лечения в Сарапул. Позднее была произведена в чин поручика, служила ординарцем у Кутузова, который знал, кто она. В мае 1813 г. снова появилась в действующей армии и приняла участие в войне за освобождение Германии, отличившись при блокаде крепости Модлина и взятии города Гамбурга.	«Записки кавалерист-девицы»
В.А. Жуковский 1783–1852 Поэт, переводчик	10 августа 1812 г. в чине поручика зачислен в Московское народное ополчение, затем служба в штабе М.И. Кутузова. В Бородинском сражении находился на поле боя, но в резерве. После оставления Москвы участвовал в кутузовском марше-маневре, завершившемся Тарутинским сражением. В начале ноября 1812 г. был привлечён к составлению известий о сражениях, печатавшихся в бюллетенях походной типографии. После тяжёлой болезни вышел в отставку в чине штабс-капитана.	Мемуарное письмо «Бородинская годовщина» (1839), «Певец во стане русских воинов» (1812), ряд поэтических произведений («Подробный отчёт о луне», «Вождю победителей», «К Ермолову» и др.)

М.Н. Загоскин 1789–1852 Прозаик, драматург	Записался в Петербургское ополчение. Офицер корпуса Витгенштейна. В боях под Полоцком был ранен в ногу. Орден Анны 3-й степени за храбрость.	«Рославлёв, или русские в 1812 году»
П.А. Катенин 1792–1853 Поэт, драматург, критик, переводчик	Участник Бородинской битвы, отличился в сражениях под Кульмом и Лейпцигом. Вместе с Преображенским полком дошёл до Парижа.	
И.И. Козлов 1779–1840 Поэт, переводчик	Один из организаторов обороны Москвы, состоял в Комитете, который ведал собиранием московской военной силы.	
И.И. Лажечников 1792–1869 Прозаик	В 1812 году бежал из родительского дома и вступил в русскую армию. Участник последнего этапа Отечественной войны и европейских походов 1813–1814 и 1815 годов.	«Походные записки русского офицера» (1817-1818 гг.)
А. Погорельский (А.А. Перовский) 1787–1836 Прозаик	В 1812 г. вопреки воле отца ушёл добровольцем в действующую армию. Участвовал во многих сражениях войны (в том числе партизанских отрядах) и Заграничного похода. До 1816 служил в оккупированной союзниками Саксонии адъютантом князя Н.Г. Репнина.	
В.Ф. Раевский 1795 – 1872 Поэт, публицист	Участник Бородинского сражения, заграничных походов. За отвагу, проявленную при Бородино, награждён золотой шпагой с надписью «За храбрость».	«Песнь воинов перед сражением»
К.Ф. Рылеев 1795–1826 Поэт	В феврале 1814 г. после выпуска из 1-го кадетского корпуса определён прапорщиком в 1-ю конную роту 1-й резервной артиллерийской бригады. С весны 1814 года участвовал в заграничных походах русской армии. Побывал в Польше, Саксонии, Баварии, Франции и других странах.	

П.Я. Чаадаев 1794–1856 Публицист	Лейб-прапорщик. Участвовал в Бородинском сражении, ходил в штыковую атаку при Кульме, был награждён русским орденом Св. Анны и прусским Кульмским крестом. Участвовал в сражении под Тарутином, при Малоярославце, Люцене, Бауцене, под Лейпцигом, брал Париж.	
А.А. Шаховской 1777–1846 Драматург	Командовал дружиной Тверского ополчения и одним из первых вошёл в оставленную французами Москву.	Поэма «Москва и Париж в 1812 и 1814 гг.»

1817–1864 Кавказская война

М.Ю. Лермонтов 1814–1841 Поэт, прозаик, драматург	За дуэль с сыном французского посла переведён в Тенгинский полк и отправлен в действующую армию на Кавказ. Участвовал в постоянных стычках с горцами, в кровопролитном сражении при реке Валерик. Проявлял отчаянную храбрость, удивлявшую даже ветеранов.	Стихотворение «Валерик»
Л.Н. Толстой 1828–1910 Прозаик, драматург, критик	Осенью 1851 г. поступил юнкером в 4-ю батарею 20-й артиллерийской бригады, стоявшей в казачьей станице Старогладовской на левом берегу Терека, под Кизляром. Оставался на Кавказе два года. Как фейерверкер четвёртого класса участвовал во многих стычках с горцами, возглавляемыми Шамилем, и однажды чуть было не погиб в татарском плену. Имел право на Георгиевский крест, однако в соответствии со своими убеждениями «уступил» его сослуживцу-солдату, посчитав, что существенное облегчение условий службы сослуживца стоит выше личного тщеславия.	Рассказы «Набег», «Рубка леса», «Разжалованный»; повести «Казачи», «Кавказский пленник»

1853–1856 Крымская война

Н.С. Курочкин 1830–1884 Поэт, критик, журналист, переводчик	Во время военных событий в Крыму был врачом в действующей армии.	
К.М. Станюкович 1843–1903 Прозаик, публицист	В 11 лет стал участником обороны Севастополя, за что был награждён бронзовой и серебряной медалями на андреевской и георгиевской лентах.	Повесть «Маленькие моряки»
Л.Н. Толстой 1828–1910 Прозаик, драматург, критик	Перевёлся в Дунайскую армию, действовавшую против турок, затем участвовал в обороне Севастополя. Командир батареи на 4-м, самом опасном бастионе. Также командовал батареей в сражении при Чёрной, был при бомбардировке во время штурма Малахова кургана. Проявил редкое бесстрашие, награждён орденом Св. Анны с надписью «За честь», медалями «За защиту Севастополя 1854—1855» и «В память войны 1853—1856 гг.».	Дневники, «Севастопольские рассказы», «Песня про сражение на речке Чёрной 4 августа 1855 г.»

1877 – 1878 Русско-турецкая война

М.Н. Альбов 1851–1911 Прозаик	С лета 1877 по весну 1878 г. находился в качестве брата милосердия в Дунайской армии.	Очерки «В тылу армии», «Транспорт»
В.М. Гаршин 1855–1888 Прозаик	Вольноопределяющийся. Участвовал в болгарском походе 138-го Волховского пехотного полка. Ранен в первом же бою, возле болгарской деревни Аяслар. Получил годовой отпуск.	Рассказы («Четыре дня», «Очень короткий роман», «Трус», «Денщик и офицер», «Из воспоминаний рядового

		Иванова»), документальный очерк «Аясларское дело»
В.А. Гиляровский 1853–1935 Журналист, прозаик, поэт	Доброволец. Был разведчиком, охотником-пластуном. За храбрость получил солдатского «Георгия».	
В.В. Крестовский 1840–1895 Прозаик, поэт, журналист	Корреспондент газеты «Правительственный вестник». Участвовал в ряде военных операций (штурм Плевны). Произведён в ротмистры и награждён за храбрость несколькими русскими и иностранными орденами.	Два тома писем с театра военных действий, ряд очерков
Вас.И. Немирович-Данченко 1844/1845–1936 Прозаик, поэт, публицист	Брат Вл.И. Немировича-Данченко. Корреспонденты впервые в отечественной истории были допущены в действующую армию. В качестве корреспондента представлял газету «Новое время» на Балканском полуострове. Его репортажи печатались под псевдонимом «Шесть». Принимал участие в ключевых операциях, в том числе в сражениях на Шипке, под Плевной. Награждён двумя солдатскими Георгиевскими крестами и орденом Святой Анны с мечами.	«Год войны. Дневник военного корреспондента. 1877-1878», романы «Гроза», «Плевна и Шипка», «Вперёд!», «Семья богатырей», многочисленные повести и рассказы, мемуары «Скобелев. Личные воспоминания и впечатления»
И.Л. Щеглов (Леонтьев) 1856–1911 Прозаик, драматург	По окончании Павловского военного училища служил в артиллерии на кавказском театре войны 1877-1878 годов. Вышел в отставку капитаном.	Рассказы из военной жизни («Первое сражение», «Поручик Пospelов», «Неудачный герой»)

1904–1905 Русско-японская война

В.В. Вересаев (Смидович) 186–1945 Прозаик, публицист, переводчик	Был призван на военную службу как врач запаса и пробыл там до 1906 г.	Цикл «Рассказы о японской войне», записки «На японской войне»
П.Н. Краснов 1869–1947 Прозаик	В 1904 г. был командирован на Дальний Восток в качестве корреспондента «Русского инвалида». Принимал участие в боях, был награждён орденами за храбрость.	Корреспонденции под заголовком «На войне», книги «Год войны. 14 месяцев на войне», очерки русско-японской войны с февраля 1904 по апрель 1905 г.» (1905–1911), «Русско-японская война. Восточный отряд на реке Ялу. Бой под Тюренгом» (1911), «Погром. Роман из русско-японской войны» (1915)
Вас.И. Немирович-Данченко 1844/1845–1936 Прозаик, поэт, публицист	Военный корреспондент газеты «Русское слово». Только за первый год опубликовал 350 корреспонденций, имевших по свидетельству современников «ошеломительный успех». Участвовал в смелом предприятии подполковника Спиридонова доставить поездом осажденному Порт-Артуру снаряды. Принимал участие в боях и сражениях (Порт-Артур и др.). Награжден орденом святого Станислава 2-й степени с мечами. Вскоре был отозван с фронта.	Книга «На войну. От Петербурга до Порт-Артура. Из писем с дороги». Рукопись книги «Слепая война» погибла при пожаре типографии А.И. Сытина

А.С. Новиков-Прибой (Новиков) 1877–1944 Прозаик	Матрос на броненосце «Орёл», участник Цусимского сражения. 8 месяцев японского плена.	Сборник «Морские рассказы», роман «Цусима»
С.Н. Сергеев-Ценский (Сергеев) 1875–1958 Прозаик, драматург, поэт	Как прапорщик в отставке, призывается в армию. После окончания войны увольняется в запас.	Роман «Бабаев»

1914–1918 Первая мировая война

Н.Н. Асеев 1889–1963 Поэт	Обучение в запасном полку, маршевые роты. В 1917 году проходил обучение в иркутской школа прапорщиков, затем оказался во Владивостоке.	Книга стихов «Бомба» и др.
И.Э. Бабель (Бобель) 1894–1940 Прозаик, драматург, переводчик, очеркист	В 1917 году, отслужив несколько месяцев рядовым на румынском фронте, дезертировал.	
Э.Г. Багрицкий (Дзюбан) 1895–1934 Поэт	Осень 1917–1918 гг., доброволец. Участник экспедиции генерала Баратова на Персидском фронте.	
Д. Бедный (Е.А. Придворов) 1883–1945 Поэт	Мобилизован как фельдшер. Но из-за неблагонадёжности переведён в запас.	

Ф.А. Березовский 1877–1952 Прозаик	Турецкий фронт.	
В.В. Бианки 1894–1959 Прозаик	В 1916 году призван в армию. Окончил ускоренные курсы Владимирского военного училища и в чине прапорщика был направлен в артиллерийскую бригаду.	
А.А. Блок 1880–1921 Поэт, драматург, публицист	В апреле 1916 г. был призван в армию. Определён табельщиком (писарем) в 13-ю инженерно- строительную дружину Союза земств и городов. Дружина была расквартирована в прифронтовой полосе, в районе пинских болот. Занималась сооружением запасных оборонительных позиций.	
В.Г. Богораз 1865–1936 Писатель, поэт, этнограф	Выехал на фронт как начальник санитарного отряда Союза городов, был на Карпатах, в Польше, Венгрии, печатал корреспонденции в газете «Биржевые ведомости».	Очерки
В.Я. Брюсов 1873–1924 Поэт, прозаик, драматург, переводчик	Как военный корреспондент «Русских ведомостей» много месяцев провёл на театре военных действий.	«Последняя война», «Тринадцатый месяц»
М.А. Булгаков 1891–1940 Прозаик, драматург	После окончания университета, летом 1916 г., работал хирургом в госпиталях Красного Креста под Барановичами на Юго-Западном фронте. Вместе с ним поехала на фронт и первая жена писателя Татьяна Лаппа. Она ассистировала мужу на операциях.	«Записки юного врача»

А.К. Виноградов 1888–1946 Прозаик, переводчик	В 1915 г. зачислен ратником 2-го разряда в действующую армию, санитар 6-го эскадрона Павлоградского гусарского полка 2-й кавалерийской дивизии 5-й армии. После контузии в 1917 году уволен в запас.	
В.В. Вишневский 1900–1951 Драматург, прозаик	В 1914 г., бросив гимназию, сбежал из столицы на фронт. Поступил юнгой на один из кораблей Балтийского флота, затем был разведчиком лейб-гвардии Егерского полка. Награждён Георгиевским крестом и двумя медалями.	
С.М. Городецкий 1884–1967 Поэт, прозаик, драматург, критик	Добровольно уехал на Кавказский фронт (1916)	Книга стихов «Ангел Армении» (1918)
В.И. Горянский (Иванов) 1888–1949 Поэт, прозаик, драматург	Сразу занял активную антивоенную позицию, в качестве военного корреспондента ездил на фронт.	Стихи («Извещение о том, что было»)
Н.С. Гумилёв 1886–1921 Поэт, прозаик, драматург	Доброволец. 24 августа 1914 г. был зачислен в 1-й эскадрон лейб-гвардии Её Величества императрицы Александры Фёдоровны и 28 сентября, получив боевого коня, отправился на передовую, к границе с Восточной Пруссией. Прошёл путь от вольноопределяющегося до прапорщика. Отличный стрелок. В бою был отважен до безрассудства. В 1914 году за ночную разведку получил первый Георгиевский крест. Второй крест получил за трудный бой с превосходящими силами австрийцев в июле 1915 г. и спасение пулемёта под огнём противника. 28 марта 1916 г. получил первый офицерский чин прапорщика с переводом в 5-й Александрийский гусарский полк. Новый 1917 год встретил в	Стихи (сборник «Колчан»), очерки, корреспонденции («Записки кавалериста»)

	окопах, в снегу. Полк был переформирован, а прапорщик Гумилёв направлен в Окуловку Новгородской губернии для закупки сена частям дивизии; там застала его Февральская революция и отречение императора Николая II от престола. В апреле 1917 г. из штаба полка пришло сообщение о награждении прапорщика Гумилёва орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, но поэт не успел его получить. Он добился командировки на Салоникский фронт, но поскольку Россия была выведена из войны Брестским миром, в апреле 1918 г. возвратился в Россию.	
С.А. Есенин 1895–1925 Поэт	Призывается в армию в первой половине 1916 г. Санитар Царскосельского военно-санитарного поезда №143 Ея Императорского Величества Императрицы Александры Фёдоровны.	
П.И. Замойский (Зевалкин) 1896–1958 Прозаик	В 1915 г. был призван в армию. Служил на Австрийском фронте. После ранения в 1916 году – демобилизация.	
М.М. Зощенко 1894/95–1958 Прозаик, драматург	Имея за плечами один курс университета, 29 сентября 1914 г. был зачислен в Павловское военное училище юнкером рядового состава на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. В 1915 г. прибыл в действующую армию на должность младшего офицера пулемётной команды. В начале ноября 1915 г. во время атаки на немецкие траншеи получил лёгкое осколочное ранение в ногу. «За отличные действия против неприятеля» награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Назначен на должность	Книга «Рассказы Назара Ильича, господина Синебрюхова»

	начальника пулемётной команды, произведён в подпоручики. В 1916 г. награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», произведён в поручики. В ночь на 20 июля в районе местечка Сморгонь в результате газовой атаки, произведённой немцами, отравлен газами и отправлен в госпиталь. Награждён орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами. После лечения в госпитале был признан больным первой категории, но отказался от службы в запасном полку и вернулся на фронт в свой полк. Награждён орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и на следующий день назначен командиром роты, произведён в штабс-капитаны. Назначен временно исполняющим обязанности командира батальона, затем командирован на станцию Вилейка для работы на курсах временной школы прапорщиков. В январе 1917 г. был представлен в капитаны и к ордену Св. Владимира 4-й степени. Ни чин, ни орден получить не успел в связи с революционными событиями, но награждение орденом было объявлено в приказе, поэтому должно признаваться состоявшимся. Сам считал себя награждённым за Первую мировую пятью орденами. 9 февраля 1917 г. в связи с обострением порока сердца — результата отравления газами, и после госпиталя отчисляется в резерв.	
В.П. Катаев 1897–1986 Прозаик, драматург, сценарист	В 1915 году, не окончив гимназию, вступил добровольцем-вольноопределяющимся в действующую армию. Начал службу под Сморгонью рядовым на артиллерийской батарее, затем произведен в прапорщики. Дважды был	

	ранен и отравлен газами. Летом 1917 года, после ранения в «керенском» наступлении на румынском фронте, был помещён в госпиталь в Одессе. Присвоен чин подпоручика, но получить погоны не успел, демобилизован прапорщиком. Награждён двумя Георгиевскими крестами и орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость». С первым офицерским чином получил личное дворянство, не передающееся по наследству.	
С.А. Клычков 1889–1937 Поэт, прозаик, переводчик	В июле 1914 г. (с началом общей мобилизации на войну с Германией) призывается в армию и направляется сначала в Гельсингфорс (Хельсинки), а затем, по окончании там школы прапорщиков, – в действующую армию.	Стихи, один из трёх авторов кантаты, посвящённой «павшим в борьбе за мир и братство народов» (1918); роман «Сахарный немец»
С.А. Кречетов (Соколов) 1878–1936 Поэт, критик, издатель	С началом войны прекратил деятельность своего издательства и ушёл на фронт. В том же году был ранен и попал в плен, откуда вернулся только в 1918 г. после заключения Брестского мира.	Книга очерков «С железом в руках, с крестом в сердце. Записки прапорщика» (1915)
Ф.Д. Крюков 1870 – 1920 Прозаик, публицист	Зимой 1914/1915 г. в составе 3-го санитарного отряда Красного Креста (как корреспондент) находился на Турецком фронте. В конце 1915 г. с тем же отрядом побывал на Галицийском фронте.	Повесть «Группа Б» (1916), циклы очерков «Около войны», «Силуэты» (1915-1916 гг.)
А.И. Куприн 1870–1938 Прозаик	В августе 1914 г. в доме Куприна в Гатчине открылся лазарет для раненых солдат Первой мировой войны. С ноября 1914 г. по май 1915 г. сам писатель находился в действующей армии, где некоторое время командовал резервной ротой, расположенной в Гельсингфорсе. В мае 1915 года его демобилизовали по состоянию здоровья.	

Б.А. Лавренёв (Сергеев) 1891–1959 Прозаик, драматург	После окончания университета прошёл краткосрочные курсы военного училища. На фронт прибыл в чине поручика артиллерии. 16 июля 1916 г. был тяжело ранен.	Рассказ «Гала-Петер», неоконченный роман «Белое и синее» (1934), документальная повесть «Стратегическая ошибка»
Б.К. Лившиц 1889/1887–1938 Поэт, переводчик	Летом 1914 года был призван в действующую армию и в составе 148-го Царицынского полка принимал участие в боевых действиях, был ранен, контужен, награждён Георгиевским крестом 4-й степени.	
А.Г. Малышкин 1892–1938 Прозаик, публицист	После окончания Петербургского университета был призван в армию, досрочно произведён в прапорщики и направлен в Севастополь, в действующий Черноморский флот. Служил младшим офицером на тральщике.	
А.Б. Мариенгоф 1897–1962 Поэт, прозаик, драматург	В 1916 году, после окончания пензенской гимназии, был мобилизован на Западный фронт, где служил в инженерно-строительной дружине.	
В.В. Маяковский 1893–1930 Поэт, драматург, публицист	1915–1917 гг. военная служба в Петрограде в автошколе.	Поэма «Война и мир»
В.В. Муйжель 1880–1924 Прозаик	Военный корреспондент газеты «Биржевые ведомости» в Польше и Галиции.	
И.А. Мухачев 1896 - 1958 Поэт	В 1915 году призван в армию и отправлен на фронт. В Белорусском Полесье, в Пинских болотах, был ранен.	

Вас.И. Немирович-Данченко 1844/1845–1936 Прозаик, поэт, публицист	Ротмистр инородческих войск на русско-германском театре сражений. В ходе войны также посещал Англию, Францию и Италию, по результатам поездки опубликовал несколько статей. Был постоянным представителем газеты «Русское слово» в действующей армии.	Из-за революционных событий в России книги о Первой мировой войне не были изданы («Мировая война», «За огненными завесами»)
А.И. Несмелов (Митропольский) 1889–1945 Поэт, прозаик, публицист	Прошёл от прапорщика до поручика в рядах 11-го гренадерского фанаторийского полка. За боевые заслуги награждён четырьмя орденами. Был ранен.	Книга «Военные странички: стихи и рассказы – 1914»
А.Н. Новиков 1888–1941 Прозаик, журналист	Рядовой во 2-й армии генерала А.В. Самсонова, участвовал в походе в Восточную Пруссию в августе 1914 года.	Роман «Ратные подвиги простаков»
К.Г. Паустовский 1892–1968 Прозаик	С осени 1914 г. санитар в поездах, перевозивших раненых.	
Е.Н. Пермитин 1895/96–1971 Прозаик	Был направлен в школу прапорщиков, после её окончания командовал на фронте взводом, затем ротой разведчиков.	
М.М. Пришвин 1873–1954 Прозаик	С 1915 г. военный корреспондент. Печатал свои очерки в различных газетах.	
А. Пришелец (А.И. Ходаков) 1892–1972 Прозаик, поэт, поэт-песенник	С первых же дней войны оказался в действующей армии, провёл на фронте три года.	

А.С. Серафимович (Попов) 1863–1949 Писатель, журналист	Военный корреспондент «Русских ведомостей», санитар военно-продовольственного отряда.	Очерки «В Галиции», «На батарее», «Встреча», военные рассказы («Термометр», «Сердце сосёт», «На побывке»)
С.Н. Сергеев-Ценский (Сергеев) 1875–1958 Прозаик, драматург, поэт	В 1914 г. призван в ополчение и направлен в Севастополь, но вскоре уволен в «бессрочный отпуск».	Романы «Зауряд-полк», «Массы, машины, стихии...», «Лютая зима», «Брусиловский прорыв», «Пушки выдвигают», «Пушки заговорили»
И.С. Соколов-Микитов 1892–1975 Прозаик	Первую мировую войну встретил в Греции (плавал на торговом судне) и с риском для жизни, едва не попав в турецкий плен, добрался до России. Весной 1915 года отбыл на фронт в санитарном отряде. В 1916 году поступил в Эскадру воздушных кораблей. Вместе с известным лётчиком Глебом Алехновичем совершал боевые вылеты на русском бомбардировщике «Илья Муромец».	
Ф.А. Степун (Степпун) 1884–1965 Прозаик, критик	Летом 1914 г. во время мобилизации уехал в Иркутск, где формировалась и проходила учебные занятия 12-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада. В начале октября 1914 года в чине прапорщика попал на Галицинский фронт, воевал в Прибалтике; награждён орденами Анны и Святослава. Зимой 1915 года, при возвращении с позиции в штаб, получил тяжёлую травму ноги, около 11 месяцев находился на излечении в Риге, Пскове, Москве. После излечения, летом 1916 года вернулся на фронт, служил в Галиции в войсках тылового обеспечения.	Фронтовые заметки «Из писем прапорщика-артиллериста»

Н.С. Тихонов 1896–1979 Поэт, прозаик, публицист, переводчик	Доброволец. В составе гусарского полка участвовал в боях в Прибалтике, был контужен.	Стихи походной тетради «Жизнь под звёздами», повесть «Война», книги стихов «Орда», «Брага», отразившие эпоху мировой и гражданской войн, революций
А.Н. Толстой 1882/83–1945 Прозаик, драматург, публицист	По состоянию здоровья не мог служить, так как имел травму – у него был поврежден лучевой нерв. Был военным корреспондентом «Русских ведомостей».	Циклы очерков «По Волыни», «По Галиции», «На Кавказе», рассказы («Обыкновенный человек», «На горе», «Под водой»)
Д.А. Фурманов 1891–1926 Прозаик	Доброволец (1915-1916 гг.). Служил братом милосердия на санитарных поездах Земского союза, побывал на Кавказе, в Западной Сибири, на Западном и Юго-Западном фронтах.	
В.В. Хлебников 1885–1922 Поэт	1916-1917 гг. рядовой	Поэма «Война в мышеловке», «Берег невольников»
С. Чёрный (А.М.Гликберг) 1880–1932 Поэт, прозаик, переводчик, детский писатель	В августе 1914 г. ушёл на фронт. Вольноопределяющийся в 13-м полевом госпитале в Варшаве.	Цикл стихов «Война», солдатские сказки, вошедшие в последнюю книгу «Несерьёзные рассказы» (Париж, 1928)
Н.Н. Шпанов 1896–1961 Прозаик	В 1916 году окончил Высшую офицерскую воздухоплавательную школу, принимал участие в боях.	Цикл стихов

И.Г. Эренбург 1891–1967 Прозаик, поэт, переводчик	В 1914—1917 годах был корреспондентом русских газет «Утро России» и «Биржевые ведомости» на Западном фронте.	
А. Яковлев (А.С. Трифонов-Яковлев) 1886/1883–1953 Прозаик	В 1914 году санитаром-добровольцем уехал на Юго-Западный фронт, откуда вернулся уже корреспондентом московской газеты «Утро России».	Очерки и статьи о войне. Материалы военных корреспонденций в дальнейшем легли в основу рассказов «Мужик», «Бабы» и др.

1918–1920 Гражданская война

И.Э. Бабель (Бобель) 1894–1940 Прозаик, драматург, переводчик, очеркист	Весной 1920 года под именем Кирилла Васильевича Лютова был направлен в 1-ю Конную Армию под командованием С.М. Будённого в качестве военного корреспондента, был там бойцом и политработником. В рядах 1-й Конной стал участником Советско-Польской войны 1920 года. Вёл записи («Конармейский дневник», 1920 год), послужившие основой для будущего сборника рассказов.	Сборники новелл «Конармия» (1926), «Одесские рассказы» (1931)
Э.Г. Багрицкий (Дзюбан) 1895–1934 Поэт	В 1918 году добровольцем вступил в Красную Армию, работал в политотделе особого партизанского отряда имени ВЦИК, писал агитационные стихи.	Стихи
Д. Бедный (Е.А. Придворов) 1883–1945 Поэт	Агитатор. Надписи к агитплакатам, листовки с частушками. С 1918 по 1921 г. вышло свыше 40 стихотворных сборников. В 1923 году первым из писателей награждён боевым орденом Красного Знамени.	Песня «Проводы», стихи

А. Бек 1902–1972 Прозаик	Доброволец Красной Армии, выступал с очерками, редактировал дивизионную газету.	Очерки
Ф.А. Березовский 1877–1952 Прозаик	Участник Гражданской войны	
М.А. Булгаков 1891–1940 Прозаик, драматург	Призывался на службу в качестве врача всеми властями, занимавшими Киев.	Роман «Белая гвардия», пьеса «Дни Турбиных», рассказ «Необыкновенные приключения доктора»
В. Вишневский 1900–1951 Драматург, прозаик	В 1918 году был бойцом 1-го морского берегового отряда, в 1918 — начале 1919 года — пулемётчиком корабля Волжской военной флотилии «Ваня-коммунист» №5, в 1919 — начале 1920 года — пулемётчиком бронепоездов «Грозный» и «Коммунар» №56 (входящего в состав Первой Конной армии). Затем был политработником на Черноморском и Балтийских флотах, вёл страничку моряка в газете «Красное Черноморье». Работал редактором журнала «Краснофлотец». Участвовал в боях на Волге (Волжская военная флотилия), на Украине (Конная армия Будённого), в Новороссийске (дивизия сторожевых катеров).	Сборники рассказов «За власть Советов», «Между смертями», пьесы «Первая конная», «Оптимистическая трагедия», «Мы из Кронштадта», «Незабываемый 1919-й» (1949)
А.П. Гайдар (Голиков) 1904–1941 Прозаик, сценарист, журналист	В 1918 году, в 14 лет был зачислен в Красную Армию. Проявил серьёзные способности к военной службе. Уже в 15 лет, окончив Киевские пехотные курсы, командовал ротой. В 1919 году, после окончания курсов подготовки командного состава в Москве, получил назначение в действующую армию помощником командира взвода. Назначен	Повести, рассказы («В дни поражений и побед», «Р.В.С.»)

	М.Н. Тухачевским командиром полка. Участвовал в боях на разных фронтах Гражданской войны (Воронеж, Башкирия, Сибирь), был ранен, контужен.	
А. Грин (А.С. Гриневский) 1880–1932 Прозаик	В 1920 г. служил по призыву в Красной Армии, в караульном полку, пока не заболел тифом. Из госпиталя вышел почти инвалидом. (По другим источникам служил связистом).	
И.А. Ефремов 1907–1972 Прозаик	Как воспитанник красноармейской роты, прошёл с ней по дорогам Гражданской войны до Перекопа.	
В.Я. Зазубрин (Зубцов) 1895–1937 Прозаик	После Октябрьской революции отправился в Сызрань. В связи с началом мятежа белочехов и установлением власти Уфимской директории в августе 1918 попадает по мобилизации в юнкерское училище, которое вскоре эвакуируют в Иркутск. В июне 1919 года по окончании училища назначается командиром взвода 15-го Михайловского стрелкового добровольческого полка, состоящего из рабочих пермских заводов. Подпоручик Зубцов сумел убедить солдат и офицеров своего и соседнего взводов перейти на сторону красных. Прихватив с собой артиллерийское орудие, они прорвались сквозь сторожевое охранение и присоединились к тасеевским партизанам, с которыми Зубов входит в город Канск. В конце года перенёс сыпной тиф. После выздоровления работал в канской армейской газете «Красная звезда», писал очерки, корреспонденции, рассказы. В 1922 году демобилизовался из армии.	Роман «Два мира»

С.П. Злобин 1903–1965 Прозаик	В 1917 г. ушёл в Красную гвардию	
М.М. Зощенко 1894/95–1958 Прозаик, драматург	С июля 1918 г. служил в пограничной охране в Стрельне и Кронштадте, но вскоре перевёлся в действующую армию и воевал против белых под Нарвой и Ямбургом.	
Всеv.Вяч. Иванов 1895–1963 Прозаик, драматург	С началом Гражданской войны вступил в Красную гвардию, воевал против Колчака. Партизанил.	Рассказ «Дитё» (1921); повести «Партизаны» (1921), Цветные ветра», «Бронепоезд 14-69» (1922) составили позднее триптих «Сопки: Партизанские повести»; роман «Голубые пески»
В.П. Катаев 1897–1986 Прозаик, драматург, сценарист	В 1919 году мобилизован в Красную Армию, в период боёв – командир батареи.	
С.Е. Кожеvников 1903–1962 Прозаик, очеркист, литературовед	Участвовал в партизанском движении на Алтае.	
М.Е. Кольцов (Фридлянд) 1898—1940/1942 Прозаик, поэт, публицист, журналист	С 1919 года служил в Красной Армии, сотрудничал в одесских газетах и в киевской армейской газете «Красная Армия».	

Б.А. Лавренёв (Сергеев) 1891–1959 Прозаик, драматург	С декабря 1918 г. находился в рядах Красной Армии. В январе 1919 г. командовал бронепоездом, затем участвовал в боях на Украине и в Крыму. В июле того же года был тяжело ранен при ликвидации банды атамана Зелёного. В январе 1920 г. уехал на Туркестанский фронт, некоторое время был военным комендантом Ташкента, затем работал заместителем редактора во фронтовой газете.	Повести «Ветер», «Зелёный цвет», «Происшествие» (1924), «Полын-трава», «Мятеж» (1925), «Сорок первый» (1926), «Рассказ о простой вещи» (1927)
Л.М. Леонов 1899–1994 Прозаик, драматург, публицист	Осенью 1920 г. вступил добровольцем в Красную Армию и попал в 15-ю Инзенскую стрелковую дивизию, которая воевала на юге России против Врангеля и штурмовала Перекоп. Работал редактором дивизионной газеты, где писал заметки, агитационные призывы, фельетоны, стихи.	
Ю.Н. Либединский 1898–1959 Прозаик	В 1918 г., после окончания челябинского реального училища, стал бойцом красногвардейского отряда, участвовал в боях, с 1920 г. служил в Политотделе губвоенкомата Челябинска.	Рассказ «Неделя явки дезертира»
В. Лидин (В.Г. Гомберг) 1894–1979 Прозаик	Служил в красноармейских частях. В 1920 г. в составе отряда красноармейцев уехал в Восточную Сибирь воевать с Колчаком.	Книга «Моря и горы» (1922), рассказ «Песнь» (1920)
А.Г. Малышкин 1892–1938 Прозаик, публицист	В 1919 г. вступил в ряды Красной Армии и был отправлен на Восточный фронт, где служил в штабе М.В. Фрунзе. Воевал также на Туркестанском и Южном фронтах; принимал участие в операциях по овладению Крымом.	Повесть «Падение Даира»
Г.И. Мирошниченко 1904–1985 Прозаик	В годы Гражданской войны в шестнадцатилетнем возрасте стал командиром молодежного кавалерийского полка, участвовал в боях с бандами белых генералов Шкуро и Покровского на Северном Кавказе. Вместе с частями 11-й Красной Армии под командованием Орджоникидзе и	Повести «Юнармия», «Винтовки», «Крутые берега», «Именем революции»

	Кирова прошел путь от Кубани до границ Ирана. Участвовал в боях за Грозный, Баладжары, Баку, Астара, Ленкорань.	
И.А. Мухачев 1896–1958 Поэт	В ноябре 1919 года вступил добровольцем в Красную Армию. В составе ее 5-й армии участвовал в разгроме колчаковщины на Алтае. В Красной Армии обучился грамоте, пристрастился к книгам.	
Н.Н. Никитин 1895–1963 Прозаик	Доброволец Красной Армии (1918 г.). Был культработником, лектором. Служил сначала в воинских частях, затем перешёл в политуправление штаба Петроградского укрепрайона. Демобилизовался в 1922 г.	Роман «Северная Аврора», повесть «Рвотный форт»
П.А. Павленко 1899 – 1951 Прозаик	В Красной Армии с 1920 г. на должности военного комиссара в составе Куринской речной флотилии.	
Е.Н. Пермитин 1895/96–1971 Прозаик	Сражался в Сибири против колчаковцев, в конце гражданской войны исполнял обязанности военного коменданта Усть-Каменогорска. После ранения шрапнелью в грудь был демобилизован.	Роман «Друзья»
А.П. Платонов (Климентов) 1899–1951 Прозаик, критик, публицист	В 1919 г. принимал участие в войне и как «журналист советской прессы и литератор», и как боец РККА (рядовой стрелок железнодорожного отряда, выполнявшего военные перевозки, затем служба в частях особого назначения.) Дважды участвовал в бою с частями белых генералов Мамонтова и Шкуро.	
М.А. Светлов (Шейнкман) 1903–1964 Поэт, драматург	В 1920 году ушёл добровольцем на защиту своего города в составе 1-го Екатеринославского территориального пехотного полка и в течение нескольких месяцев участвовал в боях.	«Книга стихов» («Гренада», «В разведке»)

И.Л. Сельвинский 1899–1968 Поэт, драматург, прозаик	После вторжения на Украину немецких оккупантов вступил в красногвардейский отряд, был пулемётчиком. Под Перекопом был ранен и тяжело контужен.	
С.А. Семёнов 1893–1942 Прозаик	В 1918 году поступил в Петроградскую военно-инженерную школу; через год ушёл в Красную Армию. Был почти на всех фронтах: у границ Монголии, за Полярным кругом, в Кронштадте. Был ранен, контужен, «принял под Кронштадтом ледяную ванну и демобилизовался с испорченным правым лёгким».	Рассказы «Тиф», «На дорогах войны», «Голый человек», роман-дневник «Голод»
А.С. Серафимович (Попов) 1863–1949 Прозаик	Корреспондент «Правды», глава литературного отдела Наркомпроса, много ездил по фронтам, встречался с рядовыми бойцами и командирами молодой Красной Армии, изучал трагические коллизии сражений.	Роман «Железный поток»
М.Л. Слонимский 1897–1972 Прозаик	В 17 лет добровольцем ушёл на фронт. Прошёл всю Польшу, выбираясь из окружения, после контузии был отпущен в Петроград. Добился перевода в строй, в 6-й сапёрный батальон.	Роман «Лавровы»
А.А. Сурков 1899–1983 Поэт	В 1918 году добровольцем ушел в РККА, участник Гражданской войны и Польского похода. Служил до 1922 года пулемётчиком, конным разведчиком; участвовал в боях на Северо-Западном фронте и против банд А.С. Антонова.	
К.Н. Урманов (Тупиков) 1894–1976 Прозаик	С началом Гражданской войны ушёл к партизанам и принимал активное участие в освобождении Сибири от белогвардейцев. Борьба с колчаковщиной становится одной из главных тем его творчества.	Публиковался в журналах «Сибирские записки», «Таежные зори», «Искусство», «Сибирские огни». Книги «Половодье» (1924). «Гневные годы» (1932), «В последний

		час» (1939), «Путь славных» (1948), «Времена года» (1951), «В тайге» (1953), «В сибирской дальней стороне» (1957) и др.
И.П. Уткин 1913–1944 Поэт	В 15-летнем возрасте участвовал в антиколчаковском восстании, организованном большевиками в Иркутске. Вступил в Рабочую дружину, в которой состоял до установления Советской власти. В мае 1920 года в составе первой добровольческой группы иркутского комсомола выехал на Дальневосточный фронт. Работал политинформатором, был военкомом маршевых рот в Иркутске.	«Сибирские песни», «Комсомольская песня» («Мальчишку шлёпнули в Иркутске...»), поэма «Двадцатый»
А.А. Фадеев 1901–1956 Прозаик, критик	В 1919 году вступил в Особый Коммунистический отряд красных партизан. Участвовал в партизанском движении против Колчака и иностранных интервентов в Приморье (1919–1920) и военных действиях Красной Армии против атамана Семёнова (1920–1921), получил ранение. Принимал участие в подавлении Кронштадтского восстания, при этом получил второе ранение. Прошёл путь от рядового бойца до комиссара бригады.	Роман «Разгром»
Д.А. Фурманов 1891–1926 Прозаик	Сподвижник Фрунзе. С ноября 1918 г. – военнослужащий Ярославского округа. С 25 марта по 30 июля 1919 г. – комиссар 25-й стрелковой (Чапаевской) дивизии. С августа 1919 г. – зам. начальника Политуправления Туркестанского фронта. В августе 1920 года в качестве комиссара участвовал в военной операции по разгрому врангелевского десанта. Награждён орденом Красного Знамени.	Очерки в екатеринодарских и центральных изданиях, повести «В восемнадцатом году», «Красный десант», роман «Чапаев»

С.П. Щипачёв 1898/1899–1980 Поэт	В 1917 году был призван в царскую армию. Служил рядовым в городе Глазове, где вскоре сблизился с большевиками, и на станции Бугуруслан перебежал в Чапаевскую дивизию. Участвовал в боях с уральскими белоказаками.	

1936—1939 Гражданская война в Испании

М.Е. Кольцов (Фридлянд) 1898—1940/1942 Прозаик, поэт, публицист, журналист	Псевдоним в Испании — Мигель Мартинес. Во время Гражданской войны 1936—1939 годов был направлен в Испанию как корреспондент «Правды» и одновременно негласный политический представитель властей СССР при республиканском правительстве. В Испании активно участвовал в событиях, как организатор сопротивления мятежникам. Испанские газетные репортажи послужили основой книги, где о легальной части своей работы Кольцов рассказал от первого лица, а о тайной — как о деятельности мексиканского коммуниста Мигеля Мартинеса. В 1938 он был отозван из Испании. В романе Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» выведен под именем Каркова.	«Испанский дневник» (1938)
И.Г. Эренбург 1891–1967 Прозаик, поэт, переводчик	Военный корреспондент «Известий». После поражения республиканцев перебрался в Париж.	Сборник рассказов «Вне перемирия» (1937), роман «Что человеку надо» (1937), сборник стихов «Верность» (1941)

1939 Халхин-Гол

К.М. Симонов 1915–1979	Военный корреспондент газеты «Героическая красноармейская».	Стихотворение «Письма домой», поэма «Далеко на

Поэт, прозаик, драматург, публицист		Востоке» и др.
1939–1940 Советско-финляндская война		
С.П. Антонов 1915–1995 Прозаик, журналист, сценарист	Инженерно-сапёрные войска.	
В.В. Вишневский 1900–1951 Драматург, прозаик	Участник советско-финляндской войны 1939—1940 гг.	
Ю.П. Герман 1910–1967 Прозаик, киносценарист	Спецкор ТАСС на Карельском перешейке.	
М.М. Годенко 1919 г.р. Прозаик, поэт	В 1939 году по комсомольской путёвке был направлен на Краснознамённый Балтийский флот. Участвовал в финской кампании.	
Е.А. Долматовский 1915–1994 Поэт	Участник советско-финской войны.	Сборники «Три времени года» (1940), «Московские рассветы» (1941)
М.А. Дудин 1916–1993 Поэт	Участник тяжёлых боёв на Карельском перешейке.	Тетрадь стихотворений «Жестокий снег».
Б.Л. Горбатов 1908–1954 Прозаик, журналист	Как командир запаса и журналист был на финском фронте.	Книги очерков и рассказов

Б.В. Заходер 1918–2000 Поэт, переводчик	В 1939 г. вместе с группой студентов ушёл добровольцем на фронт. Участвовал в войне как сотрудник армейской печати, неоднократно печатал в газетах свои стихи.	
А.В. Калинин 2916–2008 Прозаик	В 1939 г. работал военкором на финском фронте.	
Б.А. Лавренёв (Сергеев) 1891–1959 Прозаик, драматург	Военный корреспондент ВМФ.	
М.К. Луконин 1918–1976 Поэт	Добровольно ушёл на фронт. Стрелок лыжного батальона.	Стихи («Коле отрада» и др.)
С.С. Наровчатов 1919–1981 Поэт, прозаик, публицист	В декабре 1939 г. вместе с группой студентов ушел добровольцем на войну с белофиннами.	
Л.С. Соболев 1898 – 1971 Прозаик	Работал военным корреспондентом.	
А.А. Сурков 1899–1983 Поэт	Принимал участие в Финской кампании, был сотрудником армейской газеты «Героический поход».	«Декабрьский дневник»
А.Т. Твардовский 1910–1971 Поэт	В качестве военного журналиста участвовал в финской кампании.	

1941–1945 Великая Отечественная война

Ф.А. Абрамов 1920–1983 Прозаик	В 1941 г. записался добровольцем в народное ополчение. Участвовал в обороне Ленинграда. Дважды ранен, чудом избежал гибели. Как «нестроевик», оставлен в тыловых частях на политработе, затем был направлен в контрразведку «Смерш» (смерть шпионам).	
А.Г. Адамов 1920—1991 Прозаик	В 1941 г., не завершив обучение в Московском авиационном институте, ушёл добровольцем на фронт. Красноармеец ОМСБОН, участвовал в Московской битве и других операциях Западного фронта. Был ранен, в 1943 г. уволен в запас по болезни.	
А.М. Адамович 1927–1994 Прозаик, киносценарист, публицист	Мать с двумя сыновьями ушла в лес к партизанам. Пятнадцатилетним подростком наравне со взрослыми ходил на задания, участвовал в боевых операциях.	Диалогия «Партизаны» («Война под крышами», «Сыновья уходят в бой»), «Хатынская повесть», «Каратели», «Я из огненной деревни»
И.И. Акулов 1922–1988 Прозаик	В 1942 г. после окончания военного пехотного училища и до самого конца войны находился на фронте. Дважды ранен. День Победы встретил в Кенигсберге.	Роман «Крещение»
М.Н. Алексеев 1918–2007 Прозаик, публицист, критик, журналист	В 1938 г. был призван в армию. Начав службу рядовым солдатом, демобилизовался осенью 1955 г. в чине полковника. Командовал пехотным отделением, учился в военно-политическом училище. Война застала его политруком миномётной роты. Прошёл Сталинград, Курскую дугу. В годы войны стал профессиональным журналистом,	Романы «Мой Сталинград», «Солдаты» (2 кн.)

	его очерки, статьи, рассказы печатались на страницах армейских и фронтовых газет.	
М.И. Алигер 1915–1992 Поэт	В 1941-1942 гг. корреспондент в блокадном Ленинграде.	Сборники «Памяти храбрых», «Лирика»
А.А. Ананьев 1925–2001 Прозаик, публицист, критик	В 1942 г., не достигнув 18 лет, поступил в артиллерийское училище. Затем – досрочный выпуск, фронт. Прошёл от Курска через Новгород-Северский, Белоруссию, Румынию, Болгарию, Венгрию до Австрии. Был военным комендантом венгерского г. Папа. При ранении получил 40 осколков, которые носил всю жизнь. В декабре 1945 г. 20-летний Ананьев, израненный и контуженный, возвратился домой.	Повесть «Малый заслон», роман «Танки идут ромбом»
Д.Л. Андреев 1906–1959 Поэт, прозаик	Сын Леонида Андреева. Как нестроевой, сначала служил при штабе под Москвой, затем – в составе 196-й стрелковой дивизии (переход по Ладоге в Ленинград, бои в Шлиссельбурге и Синявино, состоял в похоронной команде, подтаскивал снаряды, был санитаром в медсанбате). Перед окончанием войны отозван в тыл для работы художником-оформителем, шрифтовиком.	
С.П. Антонов 1915–1995 Прозаик, журналист, сценарист	Инженерно-сапёрные войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов.	Рассказы, стихи
М.Л. Анчаров 1923—1990 Прозаик, драматург	В 1941 г. ушёл в армию из Архитектурного института. Воевал в десантных войсках. Во время войны поступил в Военный институт иностранных языков Красной Армии и окончил его	Песни на собственные стихи исполнял под собственный аккомпанемент на

	в 1944 г. В качестве военного переводчика с китайского языка был направлен на Дальневосточный фронт, участвовал в боевых действиях Советской армии в Маньчжурии. Неоднократно участвовал в секретных разведывательных операциях. Наиболее известное «военное приключение» – в 1945 входил в группу десантников, захвативших последнего императора Маньчжурии Пу И. Орден Отечественной войны II степени, орден Красной Звезды, медали.	семиструнной гитаре. Считается основателем жанра авторской песни («первым бардом»)
В.И. Ардаматский 1911–1989 Прозаик	Военный корреспондент	Очерки, рассказы, повести о работе чекистов в годы Великой Отечественной войны («Умение видеть ночью», «Они живут на земле», «Он сделал всё, что мог», «"Сатурн" почти не виден», «"Грант" вызывает Москву», «Ленинградская зима»
Э.А. Асадов 1923–2004 Поэт, прозаик	В 17 лет ушёл добровольцем на фронт. Артиллерист-наводчик гвардейского миномёта, после училища – командир батареи «катюш». Воевал на Волховском, Ленинградском, Северо-Кавказском, 4-м Украинском фронтах. При освобождении Севастополя тяжело ранен в лицо, перенёс двенадцать операций, но всё равно ослеп. Будучи в госпитале, получил личную благодарность маршала Г.К. Жукова.	Стихи, поэмы («Письмо с фронта», «Снова в строй», «Солдаты вернулись с войны»)

В.П. Астафьев 1924–2001 Прозаик	В 1942 году ушёл добровольцем на фронт. Военному делу обучался в школе пехоты в Новосибирске. Весной 1943 года направлен в действующую армию. Был шофёром, артрязведчиком, связистом. Прошёл путь от Курска до Польши. Дважды ранен. В 1944 году в Польше был контужен.	Роман «Прокляты и убиты»
С.П. Бабаевский 1909–2000 Прозаик	Служил в РККА, сначала в действующих казачьих частях, затем работал редактором дивизионной газеты и корреспондентом фронтовой газеты «Боец РККА», был корреспондентом газет «Молодой ленинец», «Ставропольская правда».	Совместно с Э. Капиевым книга очерков «Казачи на фронте»
Г.Я. Бакланов 1923–2009 Прозаик	В 17 лет добровольцем ушёл на фронт. Воевал сначала рядовым на Северо-Западном фронте, затем командиром взвода управления артиллерийской батареи на Юго-Западном и 3-м Украинском фронтах. Был ранен, контужен. После шести месяцев в госпиталях, нескольких операций был признан ограниченно-годным, инвалидом третьей группы, но вернулся в свой полк. Участвовал в Ясско-Кишинёвской операции, это бои на плацдарме за Днестром, где был вновь контужен. Потом — тяжелейшие бои в Венгрии. Участвовал во взятии Будапешта, Вены. Войну закончил в Австрии в звании лейтенанта.	Повести «Пядь земли», «Южнее главного удара», «Девять дней», «Мёртвые сраму не имут», «Навеки девятнадцатилетние», роман «Июль 1941 года»
С.А. Баруздин 1926–1991 Поэт, прозаик	Рядовой артиллерийской разведки. Был на Одерском плацдарме, в районе Оппельна, под Бреслау, участвовал в боях за Берлин, на Эльбе, в Праге.	Роман «Повторение пройденного»
А.И. Безыменский 1898–1973 Поэт	Политработник, военный журналист («Правда», «Комсомольская правда», «Смена»).	Сборники стихов «Мы любим жизнь», «Фронтовая тетрадь»

А.А. Бек 1902/1903–1972 Прозаик	В начале войны вступил в ряды народного ополчения Москвы, затем стал военным корреспондентом.	Повести «Волоколамское шоссе», «Несколько дней», «Резерв генерала Панфилова»
О.Ф. Берггольц 1910–1975 Поэт, прозаик, публицист	Работала на ленинградском радио с 23 июня 1941 г. до окончания войны.	Стихи, поэмы («Февральский дневник», «Ленинградская поэма», «Памяти защитников»), пьесы («Они жили в Ленинграде», «У нас на земле»)
Е.Н. Березницкий 1909–1941 Поэт	В начале войны ушёл на фронт добровольцем. Погиб осенью 1941 г. под Ельней.	Стихи печатались в газете «Советская Сибирь» и журнале «Сибирские огни». Посмертная книга «Дороже жизни»
Б.А. Богатков 1922–1943 Поэт	На фронте с октября 1941 г. В 20 лет из-за контузии стал инвалидом, но добился возвращения на фронт. Старший сержант. Командовал сначала отделением, затем взводом. Постоянно печатался в дивизионной газете «Боевая красноармейская». Погиб под Смоленском, когда с песней поднял в атаку взвод для взятия высоты.	Сборник стихов «Единственная книга»
В.О. Богомолов 1926–2003 Прозаик	С началом Великой Отечественной войны пошёл добровольцем в Московский противопожарный полк МПВО в Филях. В период с июля по октябрь был курсантом полковой школы младших командиров одной из воздушно-десантных бригад. В конце октября – ноябре 1941 г. попал на Калининский фронт, под Москвой, отказавшись ехать в эвакуацию. Получил контузию. С ноября 1941 г. по апрель	Повести «Иван», «Зося», сборники рассказов «Кладбище под Белостоком», «Второй сорт», «Кругом люди», «Сосед по палате», «Сердца моего боль»; роман «В августе сорок

	1942 г. — командир отделения разведки одной из воздушно-десантных бригад. Был тяжело ранен. Повторно попал в армию 22 июня 1943 г., направлен старшим команды в г. Ижевск в артиллерийско-техническое училище, выпускавшее младших воентехников-лейтенантов. С конца 1943 года в войсковой разведке. Форсировал Днепр, воевал на Северном Кавказе, участник освобождения Тамани, Житомира и др. 12 января 1944 года вторично ранен. Награждён орденом Отечественной войны I степени за бои июня-июля 1944 г. по освобождению Белоруссии. В сентябре 1944 г. перешёл из войсковой разведки в органы военной контрразведки, Главное управление контрразведки «Смерш» Наркомата обороны СССР. Форсировал Вислу, участвовал в освобождении Польши, в боевых действиях в Восточной Пруссии и Германии. С августа 1945 года около месяца находился на территории Маньчжурии. В конце октября 1945-го года получил назначение на должность командира разведроты в 126-й лёгкий горно-стрелковый корпус, переброшенный из Южной Германии на Чукотку. Затем, после ранения и госпиталя — направлен на Камчатку, военная контрразведка, 3-е Главное управление МГБ СССР, где служил по 9 декабря 1948 г.	четвёртого...» («Момент истины»)
Ю.В. Бондарев 1924 г.р. Прозаик, публицист	В 1941 году вместе с тысячами молодых москвичей участвовал в сооружении оборонительных укреплений под Смоленском. Летом 1942 года, после окончания 10 класса средней школы, направлен на учёбу во 2-е Бердичевское пехотное училище, которое было эвакуировано в город	Повести «Юность командиров», «Батальоны просят огня», «Последние залпы», роман «Горячий снег». Один из авторов

	Актюбинск. В октябре того же года курсанты были направлены под Сталинград. Зачислен командиром минометного расчета 308-го полка 98-й стрелковой дивизии. В боях под Котельниковским был контужен, получил обморожение и легкое ранение в спину. После лечения в госпитале служил командиром орудия в составе 23-й Киевско-Житомирской дивизии. Участвовал в форсировании Днепра и освобождении Киева. В боях за Житомир был снова ранен. За уничтожение в районе села Боромля Сумской области трёх огневых точек и автомашины противника был награжден медалью «За отвагу». За подбитый танк и отражение атаки немецкой пехоты в районе г. Каменец-Подольский награжден второй медалью «За отвагу». С января 1944 года воевал в рядах 121-й Краснознаменной Рылско-Киевской стрелковой дивизии в Польше и на границе с Чехословакией. В октябре направлен в Чкаловское артиллерийское училище, после окончания учёбы в декабре 1945 года признан ограниченно годным к службе и демобилизован по ранениям.	сценария киноэпопеи «Освобождение»
Н.Л. Браун 1902/1900–1975 Поэт	В годы войны сотрудничал с газетой «Красный Балтийский флот», создал множество публицистических и сатирических стихов. Участвовал в героическом переходе кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт, проявив исключительное мужество.	Либретто оперы «Севастопольцы», поэма «Поэма похода», циклы «Письма с войны», «Песня гнева»

И.Н. Букин 1916–1996 Поэт	Накануне войны был призван в армию и попал на Северный флот на полуостров Рыбачий. Там встретил начало Великой Отечественной войны, там же и её окончание, в частях морской пехоты — был рядовым артиллеристом, затем политработником и журналистом. В июле 1941 года состоялось одно из самых страшных сражений на Рыбачьем, после которого из 15 тысяч бойцов в живых осталось всего 22, среди них Н. Букин. За этот бой поэт был награждён орденом Красной Звезды. К этому времени он уже писал стихи и военные очерки и публиковал в местной военной газете. Затем стихи постоянно появлялись в армейской и флотской печати, в альманахах «Прикамье», «Ленинградский альманах», в репертуарных сборниках, песенниках, в журналах «Нева», «Смена», «Советский воин», «Советский моряк», а также в газетах «Комсомольская правда», «Советская культура», «Советский флот». Осенью 1942 года он готовился к написанию очередного очерка для военной газеты, но неожиданно сложились стихи. Он назвал стихотворение «Не жить мне без моря» и отправил в редакцию газеты «Краснофлотец», которая располагалась в главной базе Северного флота г. Полярном. Затем было написано несколько поэтических сборников. Самую большую славу принесла песня «Прощайте, скалистые горы».	Стихотворные и прозаические сборники «Прощайте, скалистые горы», «Мы вышли в открытое море», «Нелёгкой походкой матросской» и др.
В.В. Быков 1924–2003 Прозаик, публицист, сценарист	В 1941 ушел добровольцем на фронт, прошел всю войну и закончил ее в Австрии. По окончании войны еще 10 лет оставался кадровым офицером. Воевал в составе армейского инженерного батальона. После Саратовского пехотного	Повести «Мёртвым не больно», «Третья ракета», «Альпийская баллада», «Сотников», «Обелиск»,

	училища осенью 1943 года присвоено звание младшего лейтенанта. Участвовал в боях за Кривой Рог, Александрию, Знаменку. Во время Кировоградской операции ранен в ногу и живот (по ошибке был записан как погибший). После госпиталя участвовал в Яско-Кишинёвской операции, освобождении Румынии. С действующей армией как старший лейтенант, командир взвода полковой, затем армейской артиллерии прошёл по Болгарии, Венгрии, Югославии, Австрии.	«Дожить до рассвета», «Пойти и не вернуться», «Облава», «Журавлиный крик», «Западня» и др. Книга воспоминаний «Долгая дорога домой»
К.Я. Ваншенкин 1925–2012 Поэт, прозаик	В 1942 году из десятого класса ушел на фронт — в воздушно-десантные войска. Участвовал в боях на Втором и Третьем Украинских фронтах. Демобилизовался в конце 1946 года в звании гвардии сержанта.	Стихи, песни
В.С. Василевский 1908–1991 Прозаик	Участник обороны Ленинграда. Был строевым офицером, затем военным корреспондентом фронтовой газеты «На страже Родины».	Книги прозы («Сердце победителя», «Военная косточка», «Офицерская дружба»), сборник рассказов «Товарищ пехота» (1976)
Б.Л. Васильев 1924–2013 Прозаик, киносценарист, драматург	Ушел на фронт добровольцем в составе истребительного комсомольского батальона и 3 июля 1941 года был направлен под Смоленск. Попал в окружение, вышел из него в октябре 1941 года; потом был лагерь для перемещенных лиц, откуда по личной просьбе он был направлен сперва в кавалерийскую полковую школу, а затем в пулеметную полковую школу, которую и окончил. Служил в 8-м гвардейском воздушно-десантном полку 3-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Во время боевого сброса 16	Пьеса «Танкисты», повести «А зори здесь тихие...», «В списках не значился»

	марта 1943 года попал на минную растяжку и с тяжелой контузией был доставлен в госпиталь. Осенью 1943 года поступил в Военную академию бронетанковых и механизированных войск имени И.В. Сталина. В 1946 году окончил инженерный факультет академии и работал испытателем колесных и гусеничных машин на Урале.	
И.З. Вергасов 1914—1981 Прозаик	Был начальником штаба партизанского соединения, затем — командиром объединённого партизанского района на территории Крыма. Позже служил во фронтовой разведке, с апреля 1944 года командовал 1310-м стрелковым полком 19-й Воронежско-Шумлинской стрелковой дивизии. Полковник. Награжден орденами и медалями СССР.	Книги о партизанском движении в Крыму «В горах Таврии: Записки партизана» (1959), «Героические были из жизни крымских партизан» (1975), «Крымские тетради» (1982), «Останется с тобою навсегда»
П.П. Вершигора 1905–1963 Прозаик	На фронте с начала Великой Отечественной войны. В июле — августе 1941 года участвовал в битве за Киев в качестве помкомвзвода, комвзвода, комроты, командира батальона в 264-й стрелковой дивизии. Был ранен. После излечения в госпитале был переведён в роту резерва комсостава, которая попала в окружение в районе города Лубны. Захватив немецкую машину, вместе с группой бойцов прорвался к линии фронта, проехав за сутки более 100 км по оккупированной территории. С сентября 1941 по апрель 1942 года — военкор политотдела 40-й армии. В мае — июне 1942 года — резидент разведуправления Брянского фронта. 13 июня 1942 г. был переброшен за линию фронта. С августа 1942 года — заместитель командира по разведке	Записки-воспоминания «Люди с чистой совестью», «Карпатский рейд», «Рейд на Сан и Вислу», «Партизанские рейды», роман «Дом родной», книги рассказов «Дорогой бессмертия», «Иван-герой»

	партизанского соединения С.А. Ковпака, с декабря 1943 — командир соединения, которое было переименовано в Первую Украинскую партизанскую дивизию им. дважды Героя Советского Союза С.А. Ковпака. Дивизия под его командованием совершила в 1944 году рейд в Польшу и Неманский рейд. 3 июля 1944 года дивизия соединилась с частями Красной Армии в районе Барановичей и была расформирована. 7 августа 1944 года генерал-майору Вершигоре присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».	
И.М. Ветлугин (Иост) 1921–1999 Поэт	Сражался в составе 2-го Белорусского фронта, был удостоен боевых наград.	Стихи
С.В. Викулов 1922–2006 Поэт, очеркист	Участник Великой Отечественной войны с октября 1942 года, командир зенитно-артиллерийской батареи на Калининском и Сталинградском фронтах. Затем был помощником начальника штаба 247-го армейского зенитно-артиллерийского полка 3-го Украинского фронта, гвардии капитан. За боевые заслуги дважды награждался орденом Красной Звезды.	Поэтические сборники «Завоёванное счастье», «А всего и помнится...» и др.
Е.М. Винокуров 1925–1993 Поэт	После окончания 9-го класса в 1943 году был призван в армию. Окончил артиллерийское училище, в неполных 18 лет стал командиром взвода зенитно-артиллерийского полка. Воевал на 4-м Украинском фронте, в Карпатах, войну закончил в Силезии. Был тяжело ранен. Демобилизован в 1946 году в звании капитана. Награждён орденом Отечественной войны I степени, медалями.	Книги стихов («Серёжка с Малой Бронной» и др.)

Н.Е. Вирта (Карельский) 1906–1976 Прозаик, драматург	Военный корреспондент «Правды», «Известий», «Красной звезды». Побывал на многих фронтах, своими глазами видел оборону Мурманска, осаждённый Ленинград и Сталинградскую битву.	Статьи, очерки, корреспонденции, репортажи, драматургические произведения: «Мой друг полковник», «Солдатские жёнки», «Солдаты Сталинграда», сценарий художественно-документального фильма «Сталинградская битва»
В.В. Вишневский 1900–1951 Прозаик, драматург	Был военным корреспондентом газеты «Правда». Возглавлял оперативную группу писателей при политуправлении Балтфлота. Опубликовал многочисленные корреспонденции с фронтов, из осаждённого Ленинграда, очерки о Нюрнбергском процессе.	Пьеса «У стен Ленинграда». Вместе с А. Кроном и Вс. Азаровым написал героическую комедию «Раскинулось море широко...» (музыка Г.В. Свиридова)
А.М. Володин (Лифшиц) 1919–2001 Драматург, киносценарист, прозаик	В годы Великой Отечественной войны был связистом и сапёром, участвовал в боях на Западном, позже на Белорусском фронте, дважды ранен, награждён орденом и медалями, в том числе «За отвагу» (1943 г.).	
Е.З. Воробьёв 1910/1911–1990 Прозаик, публицист	Корреспондент газеты Западного фронта «Красноармейская правда».	Романы «Земля, до востребования», «Этьен и его тень». Повести «Капля крови», «Незабудка», «Нет ничего дороже», «Сколько лет, сколько зим», «"Старик" и его ученики», «Форма одежды зимняя»

К.Д. Воробьёв 1919–1975 Прозаик	На фронт попал в октябре 1941 года в составе роты кремлёвских курсантов. Лейтенант. Под Клином в декабре 1941 года контуженным попал в плен и находился в Клинском, Ржевском, Смоленском, Каунасском, Саласпилсском, Шяуляйском лагерях военнопленных (1941—1943). Дважды бежал из плена. В 1943 г. побег удался. Организовал партизанскую группу из бывших военнопленных и был её командиром в 1943—1944 годах. Группа затем вошла в состав крупного партизанского соединения, действовавшего в Литве. Был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. Во время нахождения в подполье в 1943 году написал автобиографическую повесть «Это мы, Господи!..» о пережитом в плену.	Повести «Это мы, Господи!..», «Убиты под Москвой», «Крик»
А.П. Гайдар (Голиков) 1904–1941 Прозаик, сценарист, журналист	В первые дни Великой Отечественной войны уехал в действующую армию в качестве корреспондента «Комсомольской правды». После окружения в сентябре 1941 г. частей Юго-Западного фронта в районе Умань—Киев попал в партизанский отряд Горелова. В отряде был пулемётчиком. На неоднократные предложения эвакуироваться каждый раз отвечал категорическим отказом. 26 октября 1941 года погиб недалеко от села Лепляво Каневского района, спасая товарищей от немецкой засады.	Военные очерки «У переправы», «Мост», «У переднего края», «Ракеты и гранаты»
Ю.П. Герман 1910–1967 Прозаик, киносценарист	Великую Отечественную войну прослужил в Заполярье как военный корреспондент ТАСС и Совинформбюро.	Повести «Далеко на Севере» (1943), «Студёное море» (1944)

А.И. Гитович 1909–1966 Поэт, переводчик	Освобождённый по состоянию здоровья от воинской службы, ушёл в народное ополчение. Работал в газете «На защиту Ленинграда», совершил 14 боевых вылетов с лётчиками. Был военным корреспондентом на Ленинградском и Волховском фронтах, участвовал в войне с Японией.	Сборник «Фронтовые стихи» (1943)
М.М. Годенко 1919 г.р. Прозаик, поэт	Служил на Балтике с 1939-го по 1946 год. Участвовал в знаменитом трагическом переходе кораблей из Таллина в Кронштадт в начале войны. Оборонял Ленинград. Награждён правительственными наградами. Публиковать стихотворения начал в 1942 году во флотской газете.	Поэмы «Последний» (1956), «Море моё», «Ласточка», романы «Минное поле», «Потаённое судно», «Вечный огонь», повесть «Полоса отчуждения»
Б.Л. Горбатов 1908–1954 Прозаик	Фронтовой корреспондент «Правды».	Цикл публицистических произведений «Письма к товарищу» (1942), «Алексей Куликов – боец» (1942), «Рассказы о солдатской душе» и др., повесть «Непокорённые»
Д.А. Гранин (Герман) 1919 г.р. Прозаик	В июле 1941 г. ушёл на фронт в составе дивизии народного ополчения, воевал на Лужском рубеже, затем на Пулковских высотах. Позднее был откомандирован в Ульяновское танковое училище, воевал в танковых войсках, последняя должность на фронте — командир роты тяжёлых танков. Войну завершил в Восточной Пруссии, награждён боевыми орденами.	«Блокадная книга», ч.1-2 (1977—1981, совместно с А.М. Адамовичем), сборник «Ещё заметен след»

Н.М. Грибачёв 1910–1992 Поэт, прозаик, публицист	Ушёл на фронт добровольцем. В сентябре – октябре 1941 г. под Москвой командовал стрелковым взводом, затем окончил инженерные курсы и стал командиром сапёрного батальона в звании капитана. Был на Сталинградском фронте. Участвовал в боях на Дону, где у переправ освоил профессию пулемётчика – пришлось отбивать налёты диверсантов-парашютистов. По приказу политуправления фронта в 1943 г. становится спецкорреспондентом газеты «Боевой товарищ», пишет стихи, очерки, статьи.	Поэма «Россия» (1943). Книги прозы «Любовь моя шальная» (1966), «Белый ангел в поле (Повесть о солдатах и комбатах)» (1968), «Здравствуй, Комбат!» (1970), сборник «По дорогам войны» (1945)
В.С. Гроссман 1905–1964 Прозаик, драматург	Военный корреспондент газеты «Красная Звезда». Прodelал вместе с солдатами весь путь отступления, а потом дошёл до Берлина. Воевал на Белорусском и Украинском фронтах. Во время битвы за Сталинград находился в городе с первого до последнего дня уличных боев. За участие в Сталинградской битве, в том числе в боях на передней линии обороны, награждён орденом Боевого Красного Знамени. В 1943 году получил звание подполковника.	Очерки («Направление главного удара» и др.), рассказы. Повесть «Народ бессмертен», романы «За правое дело», «Жизнь и судьба»
С.П. Гудзенко 1922–1953 Поэт	Добровольцем ушел на фронт, попал в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения, состоявшую из студентов и спортсменов, для рейдов по тылам противника. Воевал под Москвой, Смоленском. В начале 1942 г. под Смоленском был тяжело ранен. После выхода из госпиталя в составе выездной редакции «Комсомольской правды» уехал на стройки только что очищенного от фашистов Сталинграда, после Сталинграда с редакцией газеты «Суворовский натиск» 3-го Украинского фронта прошёл Карпаты и Венгрию.	Стихи («Моё поколение», «Перед атакой», «Надпись на камне», «Товарищи» и др.)

Л.Н. Гумилёв 1912–1992 Историк-этнолог, писатель, переводчик	Сын Н. Гумилёва Осенью 1944 года добровольно вступил в Советскую Армию, воевал рядовым на Первом Белорусском фронте, закончил войну в Берлине. Две благодарности Верховного Главнокомандующего за взятие Штаргарда и Берлина.	
Д.Я. Гусаров 1924–1995 Прозаик	В августе 1942 г. по призыву ЦК ВЛКСМ добровольно в числе 50 свердловских комсомольцев ушёл на Карельский фронт в партизанский отряд «Боевые друзья». Сначала был рядовым, позже стал командиром отделения разведки. Участвовал в 12 походах партизан в тыл врага, во множестве сражений, разведывательных операций и вылазок. В 1944 г. при разгроме финского гарнизона был тяжело ранен и эвакуирован в тыл, затем демобилизован.	Романы «За чертой милосердия», «Боевой призыв» (в 2-х кн.), «Цена человека» (1963)
Ю.М. Даниэль 1925–1988 Прозаик, поэт, переводчик	В 1942 г. призван в армию; в 1943–1944 гг. находится на фронте. После тяжёлого ранения в августе 1944 г. в Восточной Пруссии демобилизован.	
М. Джалиль (М.М. Залилов /Джалилов/) 1906–1944 Татарский поэт	В 1941 году был призван в Красную Армию. В звании старшего политрука воевал на Ленинградском и Волховском фронтах, был корреспондентом газеты «Отвага». В июне 1942 года во время Любанской операции советских войск был тяжело ранен и попал в плен. Для того, чтобы иметь возможность продолжать участвовать в борьбе с врагом, вступил в созданный немцами легион «Идель-Урал». В Едлиньске около Радома (Польша), где формировался легион «Идель-Урал», организовал среди легионеров подпольную группу и устраивал побеги военнопленных.	Моабитская тетрадь (по названию тюрьмы, где сидел Джалиль). В концлагере и тюрьме написано как минимум 125 стихотворений

	Пользуясь тем, что ему поручили вести культурно-просветительскую работу, Джалиль, разъезжая по лагерям для военнопленных, устанавливал конспиративные связи и под видом отбора самодеятельных артистов для созданной в легионе хоровой капеллы вербовал новых членов подпольной организации. Был связан с подпольной организацией под названием «Берлинский комитет ВКП(б)», возглавлявшейся Н.С. Бушмановым. Первый батальон легиона «Идель-Урал» поднял восстание и присоединился к белорусским партизанам в феврале 1943 года. В августе 1943 года гестапо арестовало Джалиля и большинство членов его подпольной группы за несколько дней до тщательно подготавливаемого восстания военнопленных. За участие в подпольной организации Муса Джалиль был казнён на гильотине 25 августа 1944 года в тюрьме Плётцензее в Берлине. Посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.	
Е.А. Долматовский 1915–1994 Поэт	В первые дни войны отправился корреспондентом во Львов, пережил окружение, ранение, плен, побег, выход к своим. Всю войну пробыл на передовой, продолжая писать стихи.	Стихи («Песнь о Днепре», «Стихи о Сталинграде» [1942], «Степная терадь» [1943], «Вера в победу» [1944], «Стихи издалека», «Дорогами войны» [1945]); поэма «Поныри»; поэтическая трилогия «Одна судьба», сборник песен «Родной Юго-Западный фронт» (1942);

		книга прозы «Зелёная брама» (1983); мемуарные записки «Было» (1973 – 1979)
Ю.В. Друнина 1924–1991 Поэт	Из 10 класса ушла на фронт, была санинструктором, дважды ранена, награждена орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу». Участвовала в боях под Москвой. Была на 2-м Белорусском и 3-м Прибалтийских фронтах. Демобилизована по ранению в конце 1944 г.	Сборники стихов «В солдатской шинели», «Стихи», «Ветер с фронта», «Окопная звезда» и др.
М.А. Дудин 1916–1993 Поэт	Участник героической обороны Ханко, обороны Ленинграда. Был принят в Союз писателей на фронте весной 1942 г.	Сборники стихов «Фляга», «Военная Нева» (1943), «Дорога гвардии», «Костёр на перекрёстке» (1944). Поэмы «Вчера была война», «Песня вороньей горы», очерки, посвящённые фронтовому братству («После притяжения»), повесть «Где наша не пропадала»
В.Д. Дудинцев 1918–1998 Прозаик	Служил сначала офицером-артиллеристом, а затем командиром пехотной роты. Получил 4 ранения в боях под Ленинградом, последнее — тяжёлое – 31 декабря 1941 года. После госпиталя служил в военной прокуратуре в Сибири до демобилизации в 1945 году.	
В.Б. Емельяненко 1912–2008 Прозаик	В июне 1941 года работал лётчиком-инструктором николаевского аэроклуба. С началом Великой Отечественной войны добровольно пошёл в военкомат и был направлен в учебно-тренировочный центр Южного фронта. В мае 1942	Книги «Записки лётчика-штурмовика», «В военном воздухе суровом», «Воздушные тропы»,

	года направлен на фронт в 7-й гвардейский штурмовой авиационный полк. Вначале постигал азы боевого применения штурмовика Ил-2. Летом 1942 года лейтенант Емельяненко повёл группу из шести Ил-2 на штурмовку колонны немецких войск в район Манычского канала. При выполнении задания его самолёт был сбит зенитным огнём. Лейтенант совершил вынужденную посадку в степи в километре от разбитой колонны, от которой к месту посадки штурмовика уже бежали немецкие солдаты... Под огнём врага один из лётчиков группы Михаил Талыков посадил свой самолёт рядом, забрал Емельяненко и тем самым спас ему жизнь. К августу 1943 года штурман 7-го гвардейского штурмового авиационного полка (230-я штурмовая авиационная дивизия, 4-я воздушная армия, Северо-Кавказский фронт) гвардии капитан Василий Емельяненко на самолёте Ил-2М совершил 88 боевых вылетов, уничтожил и повредил 23 самолёта противника, подбил и сжёг десятки танков и автомашин, нанёс врагу большой урон в живой силе. В воздушных боях лично сбил 2 вражеских самолёта. Трижды был сбит сам. В конце 1943 года назначен инспектором по технике пилотирования 230-й штурмовой авиационной дивизии. Вылетал с группами на боевые задания, а по возвращении проводил разбор полётов, передавая свой богатый боевой опыт молодым лётчикам. В 1944 году за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистским захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм	«Воздушный мост — спасение во тьме», «Ил-2 атакует»

	гвардии капитану Емельяненко Василию Борисовичу присвоено звание Героя Советского Союза. В 1944 году направлен на учёбу в Военно-воздушную академию, которую окончил с золотой медалью. После войны работал преподавателем кафедры тактики авиации в Военной академии имени М.В. Фрунзе; кандидат военных наук. Награды: орден Красного Знамени; орден Отечественной войны I и II степени; 2 ордена Красной звезды; орден «Знак Почёта»; 20 медалей.	
А.А. Жаров 1904–1984 Поэт	С начала войны как батальонный комиссар, как журналист находился на фронте. К осени 1941 г. редакцией журнала «Краснофлотец» откомандирован на Северный флот. Две недели провёл на полуострове Рыбачий, где фашисты так и не смогли нарушить государственную границу. Затем работал на Черноморском флоте. На быстроходных катерах ходил в разведывательные рейсы, на бомбардировщиках морской авиации летал в тыл врага. По живым впечатлениям писал корреспонденции, стихи, заметки для флотских и армейских газет.	Поэмы «Богатырь», «Керим», «Борис Сафонов»; песни («Заветный камень», «Грустные ивы», «Ходили мы походами» и др.)
Н.П. Задорнов 1909—1992 Прозаик	Во время Великой Отечественной работал в Хабаровском краевом радиокомитете и в хабаровской газете «Тихоокеанская звезда». В период разгрома японских милитаристов осенью 1945 г. как корреспондент Хабаровского краевого отдела ТАСС находился в частях советской армии.	
В.А. Закруткин 1908–1984	Порвав в военкомате бронь для научных работников, отправился на фронт военным корреспондентом в 56-й	Книга очерков и рассказов «На переднем плане» (1942),

Прозаик, литературовед	Отдельной армии. Потом был начальником группы писателей при газете Закавказского фронта «Боец РККА». Сотрудничая с армейскими газетами, снабжал их репортажами и очерками с окопных передовых. Принимал участие в боях на линии Новороссийск – Туапсе, под Ростовом-на-Дону, под Корсунь-Шевченковском, в Польше. Австрии, Чехословакии. Войну завершил в Берлине.	повесть-хроника «Кавказские записки» (1946)
Б.В. Заходер 1918–2000 Поэт, переводчик	Воевал на Карельском и Юго-западном фронтах, участвовал в освобождении Львова. Войну закончил в звании старшего лейтенанта. Печатал стихи в армейских газетах.	
С.П. Злобин 1903–1965 Прозаик	Служил в армии, попал в плен под Вязьмой в октябре 1941 г., затем в лагеря для военнопленных. Участвовать в фашистской газете для военнопленных отказался, а в июле 1942 г. выпустил три экземпляра подпольной «Пленной правды». За подготовку военнопленных к побегу был отправлен в Германию, там продолжил антифашистскую работу, писал и распространял публицистические брошюры.	Роман «Пропавшие без вести»
В.М. Инбер 1890–1972 Поэт, прозаик, журналист	Находилась в осаждённом Ленинграде, публиковалась в газете «Ленинградская правда», выступала по радио, на митингах, на заводах, в школах, в воинских частях, на линии фронта, на кораблях.	Ленинградский дневник «Почти три года», поэма «Пулковский меридиан», очерки, стихи («Трамвай идёт на фронт», «Заботливая женская рука», «На врага» и др.)
Ю.Г. Инге 1905–1941 Поэт, прозаик	В начале войны – сотрудник газеты «Красный Балтийский флот», редакция которого находилась в Таллине. Погиб 28 августа 1941 г. во время перехода кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт.	

Е.А. Исаев 1926–2013 Поэт	Будучи школьником, рыл окопы и противотанковые рвы под Смоленском. В Красную Армию призван осенью 1943 года. Начинал армейскую службу, охраняя важные промышленные объекты, в составе войск Народного комиссариата внутренних дел СССР, затем на Кавказе в Пограничных войсках НКВД СССР, заступал в наряды по охране государственной границы СССР с Турцией. В один из дней по собственной неосмотрительности упал в ущелье, в результате чего получил травмы и шесть месяцев лечился в госпитале; после выписки был направлен в действующую армию. Накануне своего 19-летия в составе войск 1-го Украинского фронта участвовал в Берлинской наступательной операции, в боях под городом Котбус, а затем в освобождении Праги.	Поэмы «Над волнами Дуная», «Суд памяти», стихи («По дороге на фронт», «Момент атаки» и др.)
В.А. Каверин (Зильбер) 1902–1989 Прозаик	Был специальным фронтовым корреспондентом «Известий», в 1941 году на Ленинградском фронте, в 1942-1943 годах – на Северном флоте.	Повесть «Семь пар нечистых», роман «Наука расставания», второй том романа «Два капитана»
Э.Г. Казакевич 1913–1962 Прозаик, поэт	В 1941—1945 годах служил в действующей армии, сначала в писательской роте народного ополчения, затем был откомандирован в бригадную газету, где писал всё – от передовиц до фельетонов в стихах. Из газеты самовольно отправился в действующую армию, прошёл путь от рядового разведчика до начальника разведки дивизии и капитана — помощника начальника разведки армии. Был ранен, награждён восемью орденами и медалями, среди которых орден Красной Звезды и медаль «За отвагу» – ими	Повести «Звезда» (1947), «Двое в степи» (1948), «Сердце друга» (1953), романы «Весна на Одере» (1949), «Дом на площади» (1956), рассказ «При свете дня» (1961)

	награждали за личное участие в боевых действиях. После окончания войны служил в советской военной администрации в Германии, работал в комендатуре г. Галле.	
А.П. Казанцев 1906–2002 Прозаик	С первых дней войны находился в армии. Прошел путь от рядового до полковника. Изобрел танкетку, управляемую по проводам, использовавшуюся при прорыве блокады Ленинграда. На Поклонной горе, в музее Великой Отечественной войны, представлен её экземпляр. За это ему было присвоено звание воен-инженера III ранга с назначением командиром спецчасти и главным инженером завода, вскоре превращенного в научно-исследовательский институт. Испытывал новую технику в боевых условиях на Крымском фронте весной 1942 г. В 1944 г. получил новое назначение, вместе с армией вошёл в Будапешт и Вену. В конце войны был уполномоченным Государственного комитета обороны — демонтировал в Австрии заводы, работавшие на нацистов, и направлял их в СССР.	
А.В. Калинин 1916–2008 Прозаик	В качестве специального военного корреспондента газеты «Комсомольская правда» ушел на фронт в 1941 году: находился в основном на фронтах южного направления, майор (1942). Большую часть фронтового пути прошёл вместе с Донским 5-м Гвардейским кавалерийским корпусом. Плодотворно работал в разных жанрах: репортаж, очерк, путевые заметки, портрет.	Очерк «Искры над Грозным» (1942), книга очерков «Казачи идут на Запад» (1943). Романы «На Юге» (1944), «Товарищи» (1945), «Красное знамя» (1951), повесть «Эхо войны» (1963)
П.И. Капица 1909–1998 Прозаик	В годы войны служил в Военно-Морском Флоте на Балтийском, Белом и Чёрном морях.	Сборник рассказов и очерков «Мужество» (1942), очерки «Герой Советского Союза

		краснофлотец А. Посконкин» (1941), «Дважды герой Советского Союза гвардии полковник Борис Феоктистович Сафонов» (1943), «Дмитрий Глухов» (1945); повести «В открытом море» (1946), «В дни разлуки» (1955), «Ревущие сороковые» (1964). Сборники «Охотники выходят в море» (1950) и «В дальнем дозоре» (1954)
В.В. Карпов 1922—2010 Прозаик, публицист	Учился в Ташкентском пехотном училище (1939—1941). В апреле 1941 года, будучи курсантом, по доносу был репрессирован. В 1942 году в составе штрафной роты 629-го стрелкового полка 134-й стрелковой дивизии воевал 5 месяцев на Калининском фронте. В феврале 1943 года за проявленное отличие в боях с него была снята судимость. В дальнейшем был командиром взвода разведчиков, за проявленное мужество получил медаль «За отвагу». Получил также звание старшего лейтенанта. Участвовал в захвате 79 «языков». 15 правительственных наград, Герой Советского Союза (1944). В 1944 году после лечения тяжёлого ранения стал слушателем Высшей разведывательной школы Генерального штаба.	Повести «Двадцать четыре часа из жизни разведчика» (1960), «Командиры сидят рано» (1965), «Маршальский жезл» (1970), «Взять живым!» (1974), документальная повесть «Полководец» (1984); романы «Не мечом единым» (1979), «Эстафета подвига» (1980), «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира», в 2 томах (1989), «Маршал Жуков. Опала» (1994), «Расстрелянные маршалы»

		(1999), «Судьба разведчика» (2000), «Генералиссимус», в 2 томах (2002), «Генерал армии Хрулев. Всё для Победы. Великий интендант» (2004), «Маршал Баграмян. Мы много пережили в тиши после войны» (2006), «Генерал армии Черняховский» (2006), «Гибель и воскрешение разведчика» (2010), «Большая жизнь» (автобиография)
В.П. Катаев 1897–1986 Прозаик, драматург, сценарист	Военный корреспондент Совинформбюро, газет «Правда» и «Красная звезда». В качестве корреспондента принимал участие в боях под Ржевом, за Орёл.	Рассказы («Третий танк», «Флаг» и др.), повести «Жена», «Сын полка», роман «Катакомбы»
Д.Б. Кедрин 1907–1945 Поэт, журналист, переводчик	Освобождённый от призыва на военную службу по состоянию здоровья (зрение), добился назначения во фронтовую газету («Сокол Родины», 6-я воздушная армия, Северо-Западный фронт).	Стихи («Красота», «Всё мне мерещится поле с гречихой» и др.)
С.И. Кирсанов 1906–1972 Поэт	В начальный период войны принял участие в организации «Окон ТАСС». Затем работал корреспондентом военных газет пяти фронтов. В автобиографии вспоминал: «Войну я провёл во фронтовых редакциях, её первый месяц в горящем Новгороде, выбирался с редакцией из окружения через разрушенный Чернигов, был на Карельском фронте, на болотных рубежах Калининского фронта...».	Репортажи с фронта, поэмы «Поэма фронта» (1942), «Александр Матросов» (1946)

Л.Н.Князев 1926–2012 Прозаик, публицист	Когда началась война, в неполные шестнадцать лет, поступил во Владивостоке в ДВПИ, на судомеханический факультет. Но в 1943 г. пошел на флот. Плавал на кораблях Дальневосточного морского пароходства, осуществлявших поставки грузов по ленд-лизу, участвовал в военных операциях по освобождению Курильских островов (1945).	Роман «Начальное образование». Книги «Волчий перевал» (1969), «Крайняя мера» (1972), «Даль не чужая» (1982), «Морской протест» (1982), «Капитанский час» (1988), «Век свободы не видать» (1989), «Печаль навсегда» (1999), «Я начинал в ДВПИ» (1999) и др.
Д.М. Ковалёв 1915–1977 Поэт	Сначала был рядовым стрелком морской пехоты, затем работал в газете Северного флота «Краснофлотец». С 1943 г. – старшина первой статьи, принимал участие в боевых походах подводных лодок как сотрудник газеты «Боевой курс».	Стихи («Потери» и др.)
П.Д. Коган 1918–1942 Поэт	По состоянию здоровья не подлежал мобилизации. Поступил на курсы переводчиков, по окончании которых уехал на фронт. Сначала был назначен переводчиком, затем помощником начальника штаба по разведке. 28 сентября 1942 года лейтенант П. Коган, возглавлявший разведгруппу, был убит на сопке Сахарная Голова под Новороссийском.	Стихи («Мы сами не заметили, как сразу», «И немножко жутко», «Быть может, мы с тобой грубы» и др.)
В.М. Кожевников 1909–1984 Прозаик	Журналист фронтовой газеты «Красноармейская правда», с 1943 г. – военный корреспондент «Правды».	Повесть «Грозное оружие» (1941), «Рассказы о войне» (1942), «Март – апрель» (1942), «Дорогами войны» (1955), сборник рассказов «Любимые товарищи» (1943), роман «Щит и меч» (1965)

С.Е. Кожевников 1903–1962 Прозаик, очеркист, литературовед	Корреспондент армейской газеты «Сокол Родины».	
Ю.А. Колесников (И.Т. Гольдштейн) 1922–2013 Прозаик	Полковник государственной безопасности, Герой Российской Федерации (1995). Участник войны с первого дня. Находился в составе пограничной оперативной группы при 25-м пограничном отряде. Неоднократно направлялся в тыл врага. В рядах партизан был заместителем начальника штаба по разведке, затем командиром партизанского полка 1-й Украинской партизанской дивизии им. С.А. Ковпака. Дошёл до Восточной Пруссии.	Повести «За линией фронта», «Дружба спаяна кровью», сборники рассказов «Особое задание», «Координаты неизвестны»
М.М. Колосов 1923–1996 Прозаик	Великую Отечественную войну прошёл солдатом, командиром отделения, комсоргом батальона. Дважды ранен. Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями.	Повести «Бахмутский шлях», «Яшкина одиссея», «Три круга войны»
В.А. Кондратенко 1911–1987 Поэт, прозаик	Участник Великой Отечественной войны.	Книги «Полюшко-поле», «Через черную топь: Повесть о партизанских буднях», «Без объявления войны», «Курская Дуга», «Внимание: "Молния"!». Киносценарии «Генерал Ватутин», «Михаил Кирпонос»

В.Л. Кондратьев 1920–1993 Прозаик	С 1939 г. служил в железнодорожных войсках на Дальнем Востоке. В декабре 1941 г. по собственной просьбе был отправлен в действующую армию, на фронт. В 1942 г. воевал под Ржевом в составе стрелковой бригады. Был ранен, награждён медалью «За отвагу». После отпуска по ранению служил в железнодорожных войсках, снова был тяжело ранен, пробыл полгода в госпитале, стал инвалидом.	Повести «Сашка», «Борькины пути-дороги», «Отпуск по ранению», рассказ «День Победы в Чернове»
В.И. Кочетков 1923–2001 Поэт, переводчик	В январе 1942 года был призван в армию. В марте 1943 г. под Днепропетровском попал в плен, но через 3 месяца, совершив побег, вернулся в строй и командиром роты воевал до победы. Был комсоргом батальона 219-й стрелковой дивизии. Участвовал в боях на Воронежском и 2-м Украинском фронтах.	Поэтические сборники «Солдаты мира», «Соколиная страна» и др.
В.А. Кочетов 1912–1973 Прозаик	Освобождённый от службы в армии по болезни сердца, вступил на Кировском заводе в народное ополчение, работал в действующей армии как корреспондент «Ленинградской правды», затем газеты Ленинградского фронта «На страже Родины». Уже 23 июня 1941 г. в «Ленинградской правде» была опубликована его первая военная корреспонденция.	Повесть «На невских равнинах». «Фронтовые записи», книга «Годы фронтовые»
И.Г. Краснов 1923–1997 Поэт	25 сентября 1941 года добровольно в числе 13 комсомольцев района пошел в Красную Армию. Был направлен в 16-й запасной стрелковый полк, стал стрелком-лыжником. Из запасного стрелкового полка был откомандирован на Западный фронт, где вступил в бой на реке Угра в качестве ручного пулеметчика. После боев под Москвой попал на Сталинградский фронт. Здесь в ходе	Стихи («Десант», «Приложение к автобиографии», «Обида бронейщика», «Сибирские дивизии, сибирские полки» и др.)

	контрнаступления в составе одного из танковых десантов выполнял обязанности санинструктора. Вынес с поля боя 16 раненых воинов-десантников. На Донском фронте в районе Котлубани стал литературным сотрудником дивизионной газеты. Испив тяжелую долю солдата-пехотинца, пулеметчика, становится активным пропагандистом военного подвига таких же, как он сам, защитников Родины. С дивизией воевал на Сталинградском, Воронежском, Степном фронтах. После окончания армейских курсов младших лейтенантов становится офицером — военным журналистом. Его боевой путь в составе 24-й армии, в газете «Вперед за Родину!» пролег по европейским странам: Югославии, Венгрии, Австрии и закончился под Веной. За отличия в боях был награжден двумя орденами Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены» и другими.	
Е.Г. Кригер 1906–1983 Прозаик, журналист	Специальный корреспондент «Известий».	«Очерки с фронта» (1941), «Москва в дни войны и в дни мира» (1947), очерки «Гнев сильных», «Солдаты Победы»
А.Ю. Кривицкий 1910—1986 Прозаик, публицист, новеллист	В годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом, позже литературным секретарем редакции газеты «Красная звезда». В 1945 году в качестве военного корреспондента присутствовал на церемонии подписания акта о капитуляции гитлеровской Германии в	Подборка материалов «Двадцать восемь панфиловцев», военные очерки «Не забуду вовек», «Подмосковный караул»,

	берлинском предместье Карлсхорст.	«Тень друга, или Ночные чтения сорок первого года» (за книгу в 1987 присвоена Государственная премия РСФСР им. М. Горького), «Бранденбургские ворота» (1987)
А.А. Крон (Крейн) 1909–1983 Драматург, прозаик	Работал в Кронштадте редактором многотиражной газеты соединения подводных лодок «Дозор». Вместе с краснофлотцами перенёс налёты на Кронштадт, когда над островом одновременно появлялись сотни самолётов. Как старший политрук принимал участие в военно-морских операциях, ходил в море с тральщиками, морскими катерами, бронехотниками. Работал также в оперативной группе писателей при политуправлении Балтфлота. Принимал активное участие в наступательных операциях Балтфлота (Таллин, Моонзундские острова). Дальнейшие командировки – в речную флотилию на Одер, на Тихий океан во время войны с Японией.	«Рассказы о подводниках». Соавтор пьесы «Раскинулось море широко» (Вс. Вишневский, Вс. Азаров). Пьеса «Офицер флота» (1944), роман «Дом и корабль» (1964), повесть о знаменитом подводнике А.И. Маринеско «Капитан дальнего плавания: повесть о друге»
Н.А. Кудрявцев (псевдоним Дубняк) 1901–1944 Прозаик	Принимал участие в Великой Отечественной войне. Был в фашистском плену. Погиб на фронте 16 января 1944 года.	Повесть «В фашистском плену»
А.А. Кузнецов 1903—1944 Журналист, публицист	С августа 1941 года был военный корреспондентом газеты «Известия». Писал из-под Старой Руссы, Ельни, Ржева, Москвы, Курска, Харькова, с Днепра. Погиб 22 июня 1944 года в ходе боёв под Полтавой при бомбардировке вражеской авиацией секретного аэродрома.	

М.В. Кульчицкий 1919–1943 Поэт	В 1941 г. вступил в истребительный батальон. В середине декабря 1942 года окончил пулемётно-миномётное училище, получил звание младшего лейтенанта. Был отправлен на фронт. 19 января 1943 года командир миномётного взвода погиб под селом Трёмбачёво Луганской области при наступлении от Сталинграда в район Харькова (Юго-Западный фронт).	Стихи («Самое страшное в мире – это быть успокоенным», «Бессмертие», «Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!», «Я вижу красивых вихрастых парней»), сборник «Рубеж» (1973)
В.А. Курочкин 1923–1976 Прозаик	После окончания девяти классов в 1941 г. остался в осаждённом Ленинграде. Работал на заводе шлифовальщиком, обтачивал зенитные снаряды. Весной 1942 г. в тяжёлом состоянии эвакуирован в Ярославскую область. После больницы был зачислен курсантом 1-го Ульяновского танкового училища, затем 2-го Киевского артиллерийского училища, которое закончил в 1943 г. в звании лейтенанта, командира самоходной артиллерийской установки. Боевой путь вобрал в себя Курскую дугу, освобождение Киева, форсирование Днепра, Вислы, Одера. 31 января 1945 г. при переправе через Одер был тяжело ранен. День Победы встретил в госпитале. Кавалер орденов Красной Звезды, Отечественной войны, медалей.	Повести «На войне как на войне» (1965), «Железный дождь. Двенадцать подвигов солдата» (1968)
И.Ф. Курчавов 1916–2002 Прозаик, очеркист	В 1937 году был призван в армию и оставался в ней до 1955 года, воевал на Ленинградском и Волховском фронтах, узнал, что такое голодная блокада, познал, как трудно передвигаться на опухших ногах и другие тяготы военных будней. За мужество в боях с врагом награжден тремя боевыми орденами (орден Отечественной войны II степени,	Книга «Воины Волхова» (1944), повести «Ольга и Сергей», «Красуха» (1981), «Невская Дубровка» (1987), документальные повести «Фронтовые были» (1965),

	два ордена Красной Звезды) и 9 медалями, в запас ушел в звании гвардии полковника. С первых до последних дней войны – в действующей армии, на Ленинградском и Волховском фронтах. До конца февраля 1942 года находился в кольце блокады Ленинграда. В начале 1943 года в блокированном Ленинграде вышла первая книга — сборник очерков «Подвиг понтонеров».	роман «Цветы и железо» (1964)
Б.А. Лавренёв (Сергеев) 1891–1959 Прозаик, драматург	С началом войны ушёл на фронт добровольцем. Был военным корреспондентом центральных периодических изданий на Балтике, на Севере, на Черноморье.	Сборник рассказов «Балтийцы раскуривают трубки» (1942), пьеса «Песнь о черноморцах» (1943), драма «За тех, кто в море» (1945)
В.И. Лебедев-Кумач (Лебедев) 1898–1949 Поэт	Находился в рядах Военно-Морского флота, служил политработником, был сотрудником газеты «Красный флот»; капитан первого ранга.	Песни («Священная война» и др.)
Ю.Д. Левитанский 1922–1996 Поэт	С началом Великой Отечественной войны добровольцем ушёл на фронт в звании рядового со второго курса Института философии, литературы и истории (ИФЛИ). Служил в частях ОМСБОН, стал лейтенантом, затем военным корреспондентом, начав печататься в 1943 г. во фронтовых газетах. После капитуляции Германии участвовал в боевых действиях в Маньчжурии. За время воинской службы был награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией», «За победу над Японией», двумя медалями Монголии. Демобилизовался из армии в 1947 г.	Сборник стихов «Солдатская дорога» (1948) и др.

Л.М. Леонов 1899–1994 Прозаик, драматург, публицист	Неоднократно выезжал на фронт в качестве корреспондента газет «Правда» и «Известия». В качестве корреспондента «Правды» присутствовал на судебных процессах над фашистскими палачами.	Пьесы «Нашествие» (1942), «Ленушка» (1943), повесть «Взятие Великошумска» (1944), киносценарии для «Боевых киносборников», очерки («Поездка в Дрезден», «Нюрнбергский змий» и др.)
Ю.Н. Либединский 1898–1959 Прозаик	Сотрудник военных газет.	Очерки и рассказы («Хозяйка», «Живой Сталинград» (1943) и др.), повести «Гвардейцы» (1942), «Пушка Югова» (1944)
С.И. Липкин 1911–2003 Поэт, прозаик, переводчик	В 1941—1945 гг. сражался в рядах 110-ой Калмыцкой кавалерийской дивизии, был корреспондентом военных газет.	Стихи («В бинокле», «Правый берег», «Счастливцев» и др.), книга очерков «Сталинградский корабль» (1943)
М.С. Лисянский 1913–1993 Поэт-песенник	С началом Великой Отечественной войны записался добровольцем в формируемую в Ярославле 243-ю стрелковую дивизию; был назначен командиром сапёрного взвода. 16 июля 1941 г. дивизия была отправлена на Западный фронт. Летом 1941 г. в составе дивизии принял участие в Смоленском сражении. В конце лета в ходе вражеской бомбардировки был контужен, но вернулся в строй. Ещё через некоторое время на ночных занятиях по боевой подготовке сапёров сломал ногу, провалившись в волчью яму в лесу. После лечения в госпитале в Ярославле, в ноябре 1941 года был направлен обратно в свою дивизию,	Стихи (стихотворение «Моя Москва», в 1942 году положенное на музыку И. Дунаевским, снискало всенародную популярность, а в 1995 году стало официальным гимном Москвы). Сборники «Моя земля» (1942), «Фронтная весна», «От имени Черного моря» (1947)

	которая в это время воевала на Калининском фронте, участвуя в битве за Москву. Из-за сильной хромоты не мог оставаться сапёром и был назначен сотрудником дивизионной газеты «В бой за Родину», а впоследствии её главным редактором. Был также специальным корреспондентом ряда фронтовых изданий. По просьбе командования 243-й стрелковой дивизии в 1942 году сочинил стихи к песне «Ярославская дивизия в бой за Родину идёт». Летом 1944 года стал одним из дежурных редакторов газеты «Защитник Отечества» 43-й армии. 43-я армия прошла Восточную Пруссию и Померанию, закончив войну под Данцигом. После Победы побывал и в поверженном Берлине. Почти до конца 1946 года в составе Северной группы войск находился в польском городе Легница, где работал специальным корреспондентом газеты «Знамя Победы».	
М.К. Луконин 1918–1976 Поэт	С первых дней ушёл добровольцем в действующую армию, в которой находился до победного окончания войны. Военный корреспондент. Был ранен.	Стихи («Пришедшим с войны», «Поле боя» и др.), книга «Сердцебиение» (1947)
Н.П. Майоров 1919–1942 Поэт	В декабре 1941 года ушёл добровольцем в действующую армию. Был политруком пулемётной роты 1106-го стрелкового полка 331-й дивизии. Погиб на фронте.	Стихи («Мы», «Нам не дано спокойно сгнить в могиле», «Я не знаю, у какой заставы...»)
Г.М. Марков 1911–1991 Прозаик	В самом начале войны ушёл добровольцем на фронт, стал военным корреспондентом Забайкальского военного округа. В составе 17-й армии был участником разгрома квантунской группировки.	Повесть «Орлы над Хинганом»

С.Н. Марков 1906–1979 Поэт, прозаик, историк, географ	В 1941 году мобилизован, несмотря на возраст, болезнь и плохое зрение; с 9 сентября 1941 по 16 декабря 1942 служил рядовым 33-й запасной стрелковой бригады Западного фронта, демобилизован вследствие крайнего истощения.	Стихи
А.П. Межиров 1923–2009 Поэт	Со школьной скамьи в 1941 году добровольцем ушёл на фронт. Начал рядовым стрелковой части на Западном фронте, затем воевал заместителем командира стрелковой роты на Ленинградском фронте. Сидел в Синявских болотах, участвовал в обороне Ленинграда. В одном из сражений в 1943 году был контужен, ему перебило ноги. Демобилизован по болезни в звании младшего лейтенанта.	Стихи («Музыка», «Десантники», «Человек живёт на белом свете...» и др.), сборники стихов «Дорога далека» (1947), «Возвращение» (1955)
Н.А. Мейсак 1921–1984 Прозаик, поэт, журналист	В 1939 был призван в армию. Служил связистом в Монголии. Осенью 1941 года полк был переброшен под Москву. 2 ноября 1941 года вблизи Можайского шоссе, у деревни Копань, находясь в маленьком блиндаже — передовом наблюдательном пункте — обеспечивал телефонную связь наших контратакующих батальонов с основным командным пунктом полка. Внезапная танковая атака врага вынудила наши части отступить. Мейсак остался в блиндаже один и до последней возможности обеспечивал необходимую телефонную связь. Немцы вскоре обнаружили его по идущему к блиндажу телефонному кабелю. Мейсак отстреливался до последнего патрона, а когда они кончились, немцы попытались вытащить его из тесного блиндажа, взорвал гранату. Он чудом остался жив, лежал в полуразрушенном блиндаже с раздробленными осколками ногами несколько суток. Потом бойца обнаружили местные	Автобиографическая повесть «62 дня», книга «Сколько у нас Маресьевых»

	жители и перевезли к себе. Но через три дня началась гангрена, и его отвезли в занятый немцами Можайск, в «госпиталь», где лежали раненые пленные красноармейцы. Пленный врач без необходимых инструментов сделал ему операцию. В январе 1942 года в ходе успешного наступления советских войск под Москвой Мейсак был освобождён. Его доставили в Москву. Несколько тяжёлых операций, ампутация обеих ног выше колен. Писать начал ещё в госпитале, его стихи и заметки печатались в газете Сибирского военного округа «Красноармейская звезда». Публиковался в местных газетах, принимал активное участие в популярной радиопередаче «Огонь по врагу». С очерками выступал в журнале «Сибирские огни».	
Г.И. Мирошниченко 1904–1985 Прозаик	В первые же дни Великой Отечественной войны ушёл на фронт. Всю войну до последнего дня, будучи полковым комиссаром, работал заместителем начальника оперативной группы писателей при военном совете Балтийского флота, являлся начальником литературного отдела в газете «Краснознаменный Балтийский флот». Вёл большую пропагандистскую работу среди моряков. Находясь в осажденном Ленинграде написал книгу «Гвардии полковник Преображенский» о моряках-балтийцах, в упорных боях защищающих Ленинград. Писал также о лётчиках Военно-Морского Флота, действовавших на Балтике.	Книги «Балтийские рассказы», «Белая птица», «Пропавший без вести», «Сыны Отечества», «Гвардии полковник Преображенский», «Повести военных лет»
Н.Г. Михайловский 1911–1992 Прозаик, очеркист	С начала Великой Отечественной войны – военный корреспондент «Правды». С последними отрядами прикрытия оставил Таллин; транспорт «Вирония», на	«Таллинский дневник», «С тобой, Балтика», «Мы уходили в ночь», «Когда поднимается

	котором он шел в Ленинград, был потоплен фашистской авиацией, и писателю пришлось пережить то же самое, что переживали в подобных ситуациях многие герои его произведений. «Штормовая пора», «Таллинский дневник» – столь же книги о подвиге, сколько и автобиография самого писателя. Блокадный Ленинград, осажденный Севастополь, сражающийся Северный флот – вехи дальнейшей литературной судьбы Н. Михайловского. Как и походы в море с конвоями, оборона Рыбачьего, освобождение Таллина и штурм Кенигсберга. Ордена Красной Звезды, Отечественной войны, семь медалей – награды Родины за ратный труд фронтового литератора.	флаг», «Штормовая пора», «Бессменная вахта», «Час мужества», «Мыс Желания», «Всплыть на полюсе!», «Девять баллов», сборник документальных повестей «Ночь у мыса Юминда»
С.В. Михалков 1913–2009 Поэт, драматург	Корреспондент армейской газеты Южного фронта «Во славу Родины», затем газеты ВВС «Сталинский сокол». Был контужен, но остался в строю.	Стихи, листовки, заметки, очерки, рассказы. Продолжение поэмы про дядю Стёпу – он надел форму военного моряка
Ю.М. Мостков 1921–2007 Критик, литературовед	С 1941 по 1945 год находился на Западном и 3-м Белорусском фронтах в должности командира взвода и батареи противотанковой артиллерии. Участвовал во взятии Кёнигсберга. Награжден орденами: Красной звезды, Отечественной войны I степени (два ордена) и Отечественной войны II степени.	Лучшие работы посвящены писателям-фронтовикам.
Ю.М. Нагибин 1920–1994 Прозаик, киносценарист	С января 1942 инструктор 7-го отдела Политуправления Волховского фронта, с июля 1942 – старший инструктор 7-го отделения политотдела 60-й армии Воронежского фронта. После полученной в бою тяжелой контузии до конца войны	Сборник «Человек с фронта» (1943), рассказы, очерки.

	работал специальным военным корреспондентом газеты «Труд», рассказывал об освобождении страны от захватчиков.	
С.С. Наровчатов 1919–1981 Поэт, прозаик, публицист	Ушёл на фронт добровольцем. С декабря 1941 года военный корреспондент газеты 2-й ударной армии. Награды: орден Отечественной войны II степени, орден Красной Звезды; медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За оборону Ленинграда», «За оборону Москвы», «За боевые заслуги».	Сборники стихов «Костер» (1948) «Солдаты свободы» (1952), «Четверть века» (1965), «Через войну» (1968), «Знамя над высотой» (1974), «Боевая молодость» (1975), поэма «Фронтальная радуга» (1979)
А.И. Недогонов 1914–1948 Поэт	Военный журналист	Героико-философские баллады «Пулемётчик», «Гнездо», «Гильза», «Баллада о железе» и др.
В.П. Некрасов 1911–1987 Прозаик	Полковой инженер, заместитель командира сапёрного батальона. В 1943 году на Донце, будучи уже капитаном, был ранен; в 1945 – демобилизовался.	Роман «В окопах Сталинграда», рассказы («Рядовой Лютиков», «Сенька», «Судак», «Посвящается Хемингуэю», «Вторая ночь», «Новичок»)
А.В. Никульков 1922–2001 Писатель, драматург, публицист	В 1940 году был призван в армию. Служил на Дальнем Востоке, в 1945 году участвовал в боях против японско-квантунской армии в Маньчжурии. Награжден медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Японией».	
Е.И. Носов 1925 – 2002 Прозаик	В 1943 г., после окончания восьми классов, ушёл на фронт. Солдат-артиллерист, воевал в армии маршала К. Рокоссовского, форсировал Днепр, брал Минск, Белосток. Тяжёлое ранение под Кенигсбергом в 1945 г.	Рассказы («Красное вино победы», «Живое пламя». «Фронтовые кашевары» и др.)

В.В. Овечкин 1904–1968 Прозаик, публицист, драматург	Служил во 2-й Кубанской казачьей дивизии; работал в газете Крымского фронта «Боевая Крымская», закончил курсы политсостава, служил в должности агитатора полка на Сталинградском, затем на Южном фронтах. Принимал участие в боевых действиях на Дону. В должности заместителя начальника отдела армейской жизни принимал участие в наступлении в Донбассе, в Запорожье, в боях под Мелитополем. В октябре 1943 г. был демобилизован и направлен на работу в газету «Правда Украины».	Повесть «С фронтовым приветом»
Б.Ш. Окуджава 1924–1997 Поэт, прозаик, драматург, кинодраматург	В 1942 году, прямо из 9 класса ушёл на фронт. Был на Северном Кавказе. Миномётчик, радист тяжёлой артиллерии. Был ранен под Моздоком. В 1943 г. демобилизован.	Стихи («Тамань», «Здесь птицы не поют» и др.), повесть «Женя, Женечка и "Катюша"»
С.С. Орлов 1921–1977 Поэт	Боец истребительного батальона народного ополчения Белозёрска, командир взвода тяжелых танков «КВ». Воевал на Волховском и Ленинградском фронтах. Едва не сгорел заживо в танке (17 февраля 1944 г.). Позднее шрамы от ожогов на лице закрывал бородой.	Книга стихов «Третья скорость» [это скорость, с которой танки шли в бой] («Его зарыли в шар земной» и др.)
С.Г. Островой 1911–2005 Поэт, прозаик	В июле 1941 года ушел добровольцем в народное ополчение, служил в редакции армейской газеты «На врага» и в должности начальника дивизионного клуба. Орден Отечественной войны I степени, орден Отечественной войны II степени (16.5.1945) медаль «За боевые заслуги» (7.6.1942).	Песни («Жди солдата», «Солдатка» и др.)
Л.И. Ошанин 1912–1996 Поэт, поэт-песенник	Не состоял на военном учёте из-за слабого зрения, но выезжал на передовую, выступал перед бойцами Западного, 3-го Белорусского, Карельского фронтов, работал в военных газетах.	Стихи, тексты песен («Дороги», «Ехал я из Берлина», «Возвращение» и др.)

П.А. Павленко 1899–1951 Прозаик	Фронтвой корреспондент «Правды» и «Красной звезды». Был ранен и после этого демобилизован.	Многочисленные статьи и корреспонденции, киносценарии («Клятва», «Падение Берлина»), рассказы и повести («Русская повесть»), сборники «Путь отваги», «На высоком мысу»
В.В. Павлов 1921–1975 Прозаик, очеркист	В 1939 году, будучи студентом Московского института инженеров железнодорожного транспорта, призван в армию. После окончания полковой школы красных командиров служил в пехоте, но вскоре добровольно перешел в 214-ю воздушно-десантную бригаду. К моменту Великой Отечественной войны был сержантом, командовал отделением. Затем бригада была переброшена в немецкий тыл для выполнения заданий командования. Однако через некоторое время попала в окружение, и было принято решение выходить из него мелкими группами. В середине октября Павлов добрался до Новозыбкова, где вступил в Злынковский партизанский отряд П.А. Маркова и стал вторым номером пулеметного расчета. Вскоре отряд влился в партизанское соединение А.Ф. Фёдорова, где Павлов после настоятельных просьб был зачислен в группу подрывников. В дальнейшем командовал отделением, взводом, а в марте 1943 года, как один из лучших минеров, имевший к тому времени на счету 12 вражеских эшелонов, был назначен заместителем командира батальона по диверсионной работе. В конце марта 1944 года партизаны перешли линию	Книги «Взрыв», «Бригада "трижды уничтоженных"», «Генерал Орленко», «Соль партизанской земли», «Разные судьбы», «Партизанские были»

	фронта. Павлов был послан на учебу в военную школу, затем направлен на лечение в Москву. 2 мая 1945 года был удостоен звания Героя Советского Союза, и вскоре демобилизован.	
Г.И. Падерин 1921–2012 Прозаик	В 1941 году ушёл на фронт в составе добровольной лыжной бригады. Был отправлен в Карелию. Бригада с боями прорвалась за линию фронта и на четыре месяца углубилась в тыл врага. Ночевали в шалашах, а на рассвете становились на лыжи и атаковали противника. В 1942 году в бою под Сталинградом получил тяжёлое ранение. Почти год провёл в госпитале, перенёс множество операций, затем вернулся в Новосибирск.	
И.Г. Падерин 1918–1998 Прозаик	Вместе с комсомольским активом Купинского района Новосибирской области ушёл на фронт. Воевал под Москвой комиссаром лыжного батальона, участвовал в Сталинградской битве. Закончил войну в Берлине заместителем командира полка по политической части.	Повести «На главном направлении» (1946), «Сквозь огонь» (1954), «В огне Сталинграда» (1958), «Комдив бессмертных» (1966), «Ожоги сердца», роман «Когда цветут камни» (1961)
Н.Н. Панов 1903–1973 Поэт, прозаик	Начальник литературного отдела редакции газеты «Краснофлотец», которая располагалась в главной базе Северного флота г. Полярном.	Повести «Боцман с "Тумана"» (1948), Морские повести (1951), «Орлы капитана Людова», романы «Колокола громкого боя» (1963), «Море, корабль и ты» (1972)

К.Г. Паустовский 1892–1968 Прозаик	Южный фронт. Военный корреспондент армейских газет.	Роман «Дым Отечества», очерки, рассказы
А.А. Первенцев 1905–1981 Прозаик, сценарист, драматург, публицист	В действующей армии с первых дней войны. Работал специальным корреспондентом «Известий», сотрудничал также в «Красной звезде» и «Красном флоте». Политработник РККФ, капитан 1-го ранга. 2 июля 1942 года вместе с Евгением Петровым, погибшим в этой аварии, попал в авиакатастрофу, чудом выжил.	Романы «Испытание» (1942), «Огненная земля» (1945), «Честь смолоду» (1948), «Матросы» (1961), «Секретный фронт» (кн. 1-2, 1971—1978), пьеса «Крылатое племя» (1941), рассказы, в том числе «Девушка с Тамани», «Валька с торпедной "девятки"»
Н.И. Перевалов (Колесников) 1918–1984 Поэт	В сентябре 1939г. был призван в армию, на маньчжурскую границу. С началом войны переведён в Поволжье. Сначала был рядовым. Уже в качестве командира понтонно-мостового взвода прошёл путь от Сталинграда до Днепра, где в 1943 году получил тяжелое ранение. День Победы встречал в госпитале.	Стихи
Е. Петров (Е.П. Катаев) 1903–1942 Прозаик	Фронтовой корреспондент Совинформбюро, а также автор телеграфных корреспонденций ТАСС для Америки. Осенью 1941 г. и зимой 1941/42 г. создал очерковые циклы о защитниках Москвы и бойцах Карельского фронта в Заполярье. Летом 1942 г. добился разрешения с морским транспортом проникнуть в осаждённый Севастополь. Погиб в авиационной катастрофе при вылете из города.	Сборники военных очерков «На войне», «Москва за нами», «Фронтовой дневник» (1942)
В.С. Пикуль 1928–1990	В 1943 году, в 15 лет, окончил школу юнг на Соловках по специальности «рулевой-сигнальщик» и был отправлен на	Романы «Океанский патруль», «Мальчики с бантиками»

Прозаик	эскадренный миноносец «Грозный» Северного флота, где прослужил до конца войны.	
А.П. Платонов (Климентьев) 1899–1951 Прозаик, критик, публицист	В звании капитана с октября 1942 года служил военным корреспондентом газеты «Красная звезда».	«Одухотворённые люди» (1942), «Рассказы о Родине» (1943), «Броня», «В сторону от заката солнца» (1945)
Г.М. Поженян 1922–2005 Поэт	Воевать начал в первый день войны в 1-м особом диверсионном отряде. Первый взорванный мост — Варваровский, в Николаеве. Последний — в Белграде. В августе 1941 года разведывательно-диверсионная группа, в составе которой был Поженян, сумела отбить у противника водозаборную станцию в захваченной румынскими войсками Беляевке. Разведчики попытались запустить отключенные насосы и подать воду в страдающую от её нехватки Одессу. Почти все моряки-участники операции погибли. Г. Поженян был ранен, но его посчитали погибшим. В Одессе на улице Пастера, 27, на стене здания, в котором располагался диверсионный отряд, была установлена мемориальная доска, на которой среди имён погибших ошибочно значится его имя. На основе этих событий был создан художественный фильм «Жажда». Был дважды ранен и один раз контужен. Начав войну краснофлотцем, закончил её в звании капитан-лейтенанта. О его отчаянной смелости на войне сказал адмирал Ф.С. Октябрьский: «Более хулиганистого и рискованного офицера у себя на флотах я не встречал!	Поэтические книги «Ветер с моря», «Жизнь живых», «Федюнинские высоты» и др.

	Форменный бандит!» Писать стихи и печататься начал ещё на войне, был корреспондентом газеты «Красный Черноморец». В книге П.И. Мусьякова «В осаждённом Севастополе. Писатели в газете „Красный черноморец“» о Григории Поженяне сказано: «Здесь, в Севастополе, и прежде всего во флотской газете, раскрывалось недюжинное дарование краснофлотца-разведчика Григория Поженяна». Был награждён многими боевыми орденами и медалями, среди которых так называемый «Южный бант» – комплект медалей «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа». Дважды представлялся к званию Героя Советского Союза.	
Б.Н. Полевой (Кампов) 1908–1981 Прозаик	Боевым офицером и журналистом прошёл всю войну. Осенью 1941 года его репортажи начали появляться в газете «Правда». В качестве офицера связи и корреспондента он встретил последний день войны в Праге, откуда передал свой последний военный репортаж. В качестве корреспондента присутствовал на Нюрнбергском процессе. Первым написал о подвиге 83-летнего крестьянина Матвея Кузьмича Кузьмина, повторившего, по мнению писателя, подвиг Ивана Сусанина.	Книги «От Белгорода да Карпат», «Мы – советские люди». Четырём книги военных мемуаров «Эти четыре года» (корреспонденции с фронта), «Повесть о настоящем человеке», повести «Вернулся», «В конце концов»
В.В. Полторацкий (Погостин) 1907–1982 Прозаик, поэт, очеркист	С первых до последних дней войны находился в действующей армии в качестве военного корреспондента «Известий». Был свидетелем и участником многих сражений, в том числе Сталинградской битвы, битвы на Курской дуге и взятия Берлина. Орден Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени.	Сборники рассказов «Наши девушки», «Лето», «Пути-дороги», «В дороге и дома», «В действующей армии. Из записок военного корреспондента» (1973)

А.Ф. Поляков 1908–1942 Прозаик	С первых месяцев войны – корреспондент газеты «Красная звезда». По возвращении из очередной командировки на фронт скоропостижно умер у себя в кабинете в возрасте 34 лет от кровоизлияния в мозг, вызванного перенесёнными ранее тяжёлыми контузиями. Дважды награждён орденом Красного Знамени. Его книги – одни из первых значительных произведений о Великой Отечественной войне. Книга «В тылу врага: дневник военного корреспондента» в 1942 году была переведена на английский и издана в США под названием «Russians don't surrender» («Русские не сдаются»).	Книги «В тылу врага: дневник военного корреспондента» (1941), «Белые мамонты» (1942), «Под Ржевом» (1942)
А.А. Прокофьев 1900–1971 Поэт	Военный корреспондент Политуправления Ленинградского, Волховского и Заполярного фронтов.	Сборники стихов «За Родину» (1941), «Огонь» (1942), «Таран» (1942), «Атака» (1943) и др.; поэма «Россия»
В.М. Пухначёв 1910–1982 Поэт, прозаик	В 1939 г. назначен начальником ансамбля красноармейской песни и пляски СибВО. В ноябре 1941 г. убыл вместе с ансамблем в район Онежского озера, где разворачивал боевые действия 2-й Прибалтийский фронт. Позже был направлен в политуправление 2-го Прибалтийского фронта, где прослужил до конца войны, удостоившись нескольких боевых наград, в числе которых был и орден Красной Звезды. И на фронте не оставлял творческую работу. Принял участие в конкурсе на создание песни о героической 1-й ударной армии фронта и выиграл его. После окончания войны был назначен комиссаром эшелона с демобилизованными, едущими в Сибирь.	Песни (совместно с композитором А.П. Новиковым) «Песня сибирских полков», «Нас не запугать», «Встречай, дорогая!»)

Л.В. Решетников 1920–1990 Поэт	Отслужив два года на маньчжурской границе, в июле 1941 года в составе своей артиллерийской части оказался под Смоленском, на Западном фронте. Будучи в танковом соединении, принимал участие в боях под Москвой и Ржевом, в сражении на Курской дуге и Корсунь-Шевченковской операции, во взятии Кёнигсберга и Гданьска, в освобождении Румынии и Польши. Был разведчиком, наблюдателем, связистом, политработником, военным газетчиком. Дважды ранен, награжден двумя боевыми орденами и несколькими медалями.	Цикл стихов «Дневник войны» (1942). Книги «Шла рота с песней» (1959), «Сирень и порох» (1960), «Высокая звезда» (1961), «Победная весна» (1964), «Любовь и долг: Стихи о Советской армии и Великой Отечественной войне (1988) и др.
А.Е. Решетов 1909–1971 Поэт	С первых дней войны на фронте. Военный корреспондент.	Поэма «Сторона родная», стихотворение «Клятва», стихотворный цикл «Я вернулся домой...»
В.А. Рождественский 1895–1977 Поэт	В первые дни войны вступил в ряды народного ополчения. Работал в газете «На защиту Ленинграда». Как военный корреспондент, прикомандированный к 7-й армии, выполнял разнообразную литературную работу.	Книги стихов «Голос Родины», «Ладога», «Родные дороги»
Н.И. Рыленков 1909–1969 Поэт, прозаик	С первых дней войны ушёл добровольцем, хотя не подлежал призыву по состоянию здоровья. Командовал сапёрным взводом и продолжал писать. Работал в разных жанрах, писал стихи, песни, баллады, поэмы. Стал военным журналистом. Листовки с его стихами-призывами сбрасывали с самолётов во вражеском тылу партизанам и жителям временно оккупированной Смоленщины и Белоруссии. Награждён медалью «Партизану Великой Отечественной войны».	Поэмы «Апрель», «Лесная сторожка», «Возвращение», «Сотворение мира», «В родном краю». Книги стихов «Синее вино», «Прощание с юностью», «Смоленские леса». Стихотворение «Отомсти, товарищ» пели как народную песню. Повести «Великая

		Росстань», «На старой Смоленской дороге»
П.А. Сажин 1906–1993 Прозаик	Корреспондент в рядах Военно-Морского Флота, участник обороны Одессы, Севастополя. Награждён орденом «Красной звезды».	Сборники рассказов и очерков «Щит Севастополя: Записки военного корреспондента» (1945), «Расплата» (1947), «Завещание полковника» (1949), «Живой камень» (1953), документальная повесть «Севастопольская хроника»
А.Д. Салынский 1920–1993 Драматург	В 1940 г. был призван в армию, начало войны встретил в литовском городе Шяйляй. С 1942 по 1946 г. – ответственный редактор красноармейской газеты «За Советскую Отчизну».	Драма «Барабанщица», пьесы «Камешки на ладони», «Спасение»
Д.С. Самойлов (Кауфман) 1920–1990 Поэт	Волховский фронт. Пулемётчик, комвзвода разведки. В марте 1943 г. в районе ст. Мга тяжело ранен в левую руку. После выздоровления, с марта 1944 г. продолжил службу в 3-й отдельной Моторазведроте Разведывательного отдела штаба 1-го Белорусского фронта. Награждён орденом Красной Звезды и медалями, в том числе «За боевые заслуги».	Стихи («Сороковые, роковые...»)
В.К. Сапожников 1922–1998 Прозаик	За неосторожные высказывания попал под репрессии и получил «десять лет лишения свободы» и пять «поражения в правах». Но с началом войны оказался на фронте: сначала в штрафбате, потом служил в одном из эскадронов 4-го Кубанского кавалерийского корпуса, с которым дошёл до Победы, получив ордена и медали.	Цикл рассказов и новелл «Рассказы старшины Арбузова»

В.М. Саянов (Махлин/Мохнин) 1903–1959 Поэт, прозаик	Корреспондент военных газет, работает в группе писателей при Политуправлении Ленинградского фронта. В качестве корреспондента «Ленинградской правды» присутствовал на судебном процессе над фашистскими преступниками.	Книги «Фронтовые стихи». «Ленинградский дневник», «Нюрнбергские дневники»
М.А. Светлов (Шейнкман) 1903–1964 Поэт, драматург	Был военным корреспондентом газет «Красная звезда», «На разгром врага» и «Героический штурм» на Ленинградском фронте.	Поэма «Двадцать восемь», цикл «Из стихов о Лизе Чайкиной», баллада «Итальянец». Фронтовые впечатления Михаила Светлова отразились в пьесе «Бранденбургские ворота» (1946)
И.Л. Сельвинский 1899–1968 Поэт, драматург, прозаик	С первых дней войны уехал на Южный фронт, участвовал в обороне Крыма невдалеке от тех мест, где был ранен в гражданскую войну. Воевал сначала в звании батальонного комиссара, затем подполковника на Прибалтийском, Кавказском и Крымском фронтах, участвовал в керченско-феодосийском десанте. Был тяжело ранен под Батайском, а также получил две контузии. Работал военным корреспондентом. Доктор Геббельс из Берлина по радио пообещал, что третий рейх приготовит верёвку специально для него.	Стихотворения «Фашизм», «Я это видел» и многие другие. Лучшие стихотворения, созданные им в военную эпоху, были объединены в книгу «Крым, Кавказ, Кубань», вышедшую в 1947 году.
Г.А. Семенихин 1919–1984 Прозаик	В 1939 году призван в действующую армию, а с начала Великой Отечественной войны, окончив курсы воздушных стрелков, летал на штурмовике Ил-2, в одном из боев был ранен, а после госпиталя вернулся в свой полк. Продолжал писать военные рассказы, которые печатались в журнале	Роман «Над Москвою небо чистое», повести и рассказы («Как хороши, как свежи были розы...», «Собачьи валенки», «Дорогами Победы», «Жили

	«Доблесть».	два друга», «Комиссар», «Пани Ирена», «Послесловие к подвигу», «Утверждение жизни», «Хмурый лейтенант»)
С.А. Семёнов 1893–1942 Прозаик	В первые дни Великой Отечественной войны вступил в народное ополчение, командовал писательским взводом ополченцев; редактировал дивизионную газету; введён в состав Политуправления Ленинградского фронта. В конце 1941 года, направляясь в редакцию фронтовой газеты «В решающий бой» по Дороге жизни, заболел крупозным воспалением лёгких. Скончался в одном из госпиталей Волховского фронта.	
В.Н. Сёмин 1927–1978 Прозаик	В 1942 году 15-летним подростком был угнан в Германию, где три года работал на заводах в городах Фельберте и Лангенберге – вплоть до освобождения советскими войсками 16 апреля 1945 г.	Роман «Нагрудный знак OST» (др. название «763-й»). Продолжение – незаконченная книга «Плотина»
К.М. Симонов 1915–1979 Поэт, прозаик, драматург, публицист	24 июня 1941 года выехал для работы в газете «Боевое знамя» 3-й армии в район Гродно. Затем был назначен в редакцию газеты «Красноармейская правда», одновременно посылал военные корреспонденции в газету «Известия». В 1942 году ему было присвоено звание старшего батальонного комиссара, в 1943 году — звание подполковника, а после войны — полковника. Большая часть его военных корреспонденций (с конца июля 1941 г. и на весь период войны) публиковалась в «Красной звезде». Как военный корреспондент побывал на всех фронтах, прошёл	Сборники очерков «Письма из Чехословакии», «Славянская дружба», «Югославская тетрадь», «От Чёрного до Баренцева моря. Записки военного корреспондента». Пьесы «Русские люди», «Жди меня», «Так и будет», «Четвёртый», повесть «Дни и ночи», две книги стихов «С

	по землям Румынии, Болгарии, Югославии, Польши и Германии, был свидетелем последних боёв за Берлин.	тобой и без тебя» и «Война». Романы «Товарищи по оружию», «Живые и мёртвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето»
Б.А. Слуцкий 1919–1986 Поэт, переводчик	С июня 1941 рядовой 60-й стрелковой бригады. С осени 1942 г. – инструктор, с апреля 1943 г. – старший инструктор политотдела 57-й дивизии. Несмотря на то, что был политработником, постоянно лично ходил в разведпоиски, был тяжело ранен. Уволен из армии в 1946 г. в звании майора.	Книга стихов «Память»
А.И. Смердов 1910–1986 Поэт, переводчик, публицист, издатель, редактор	С первых дней войны был военным журналистом, сотрудником газеты СибВО «Красноармейская звезда». Зимой 1943 года в составе 22-й гвардейской сибирской добровольческой дивизии отбыл на 2-й Прибалтийский фронт. Писал своеобразные стихотворные «письма с передовой», где личные переживания органично сочетались с гражданскими и патриотическими мотивами.	Фронтовая книга стихов «Сибиряк Тарас Клинков» (1942), поэма «Пушкинские горы» (1946)
О.П. Смирнов 1921 г.р. Прозаик, поэт	С 3 курса Краснодарского пединститута ушел на фронт. Прошел путь от рядового до комвзвода и сотрудника дивизионной газеты. Воевал на Северо-Кавказском, Западном, 3-м Белорусском, 1-м Прибалтийском фронтах, участвовал в разгроме Японии (1945). Был ранен, контужен. Награждён советскими и иностранными боевыми орденами и медалями. После войны 8 лет служил в погранвойсках Забайкальского военного округа. Был ответственным	Повести «Июнь», «Обещание жить». Книги «Часовые мира» (1950), «Китайская граница» (1954), «Эшелон» (1971), «Военные повести» (1976), «Прощание» (1977), «Неизбежность» (1981), «Гладышев из разведроты»

	секретарём военных газет «Патриот Родины» и «Пограничник Забайкалья».	(1984), «Северная корона» и др. Один из авторов сценария к многосерийному фильму «Государственная граница»
С.С. Смирнов 1915–1976 Прозаик, очеркист	Доброволец истребительного батальона, окончил школу снайперов под Москвой. В 1942 г. окончил училище зенитной артиллерии в Уфе, с января 1943 г. - командир взвода 23-й зенитно-артиллерийской дивизии. Затем литсотрудник газеты 57-й армии.	Очерк «В боях за Будапешт», повесть «Династия Казанцевых», пьеса «Крепость над Бугом», книги «На полях Венгрии», «Сталинград на Днестре», «Крепость на границе», «Брестская крепость», «В поисках героев Брестской крепости», «В поисках неизвестных героев», «Герои блока смерти»
А.П. Соболев 1926–1986 Прозаик	В 1943 г., в 17 лет добровольцем ушёл на фронт. Окончил водолазную школу. Воевал на Северном и Балтийском флотах. Более трех тысяч часов провел на больших глубинах Балтийского, Баренцева и других морей.	Повести «Безумству храбрых», «Бушлат навыворот», «Какая-то станция», «Пятьсот-весёлый», «А потом был мир», «Три Ивана», «Награде не подлежит»
Л.С. Соболев 1898–1971 Прозаик	Офицер флота. На третий день войны в качестве корреспондента выехал в Ленинград, затем в Таллин. Выступал в газетах «Красный Балтийский флот», «Советская Эстония», «Правда». По своей просьбе переброшен в блокированную Одессу, затем находился в рядах защитников Севастополя. С частями морской пехоты вступил	Уже на второй день войны в «Правде» была опубликована статья «Отстоять Родину». Книга рассказов «Морская душа» (1942), киносценарий фильма «Черноморцы».

	в Констанцу, потом в Будапешт. На трофейной машине, подаренной маршалом К.К. Рокоссовским, проехал тридцать тысяч километров от Свинемюнде и Триста, его маршрут пролегал через Варшаву и Берлин. На протяжении всей войны был также корреспондентом газеты «Правда», Совинформбюро и Главного политического управления Военно-Морского Флота. Награждён орденами и медалями.	(1942). Книга очерков об освобождении Крыма, Одессы, Румынии «Дорогами побед»
А.И. Солженицын 1918–2008 Прозаик, драматург, публицист	Мобилизации не подлежал, поскольку был признан «ограниченно годным» по здоровью. Активно добивался отправки на фронт или в военное училище. В апреле 1942 года был направлен в артиллерийское училище в Кострому, в ноябре 1942 года выпущен лейтенантом. В действующей армии с февраля 1943 года; служил командиром 2-й батареи звуковой разведки 794-го Отдельного армейского разведывательного артиллерийского дивизиона (ОАРАД) 44-й пушечно-артиллерийской бригады (ПАБр) 63-й армии на Центральном и Брянском фронтах, позднее, с весны 1944 года — 68-й Севско-Речицкой ПАБр 48-й армии Второго Белорусского фронта. Боевой путь — от Орла до Восточной Пруссии. Был награждён орденами Отечественной войны и Красной Звезды, 15 сентября 1943 года было присвоено звание старшего лейтенанта, 7 мая 1944 года — капитана.	События лета 1941 — весны 1942 года описаны в неоконченной повести «Люби революцию» (1948)
Л.В. Соловьёв 1906–1962 Прозаик, драматург, киносценарист	Служил на кораблях Черноморского флота, печатался во флотских газетах.	Повести «Иван Никулин — русский матрос», «Черноморец», рассказы «Дальнее плавание», «Могила неизвестного лётчика», цикл

		рассказов «Севастопольский камень»
В.А. Солоухин 1924–1997 Поэт, прозаик	Служил в войсках особого назначения, охранявших Кремль.	
А.В. Софронов 1911–1990 Поэт, драматург, публицист, киносценарист	С первых дней войны находился на Западном фронте: работал в армейской газете 19-й армии Конева. С осени 1942 г. и до конца войны был специальным корреспондентом газеты «Известия». Кроме работы в газете, писал стихи и песни. 6 ноября 1942 года перелетел линию фронта и оказался у брянских партизан. Там, в партизанской землянке впервые спел написанную вместе с композитором Сигизмундом Кацем песню «Шумел сурово брянский лес».	Стихотворные сборники «Казачья слава», «Ковыли», «Степные солдаты», «Стихи»
В.П. Ставский (Кирпичников) 1900–1943 Прозаик, публицист	Спецвоенкор «Правды» на Западном фронте. Героически погиб 14 ноября 1943 г. под городом Невелем, участвуя в отражении танковой атаки.	Сборники очерков «Фронтовые записки», «На дальних рубежах», пьеса «Война»
И.Ф. Стаднюк 1920–1995 Прозаик, драматург, сценарист	За несколько дней до начала Великой Отечественной войны окончил Смоленское военно-политическое училище и выехал на службу в Белорусский военный округ, где его и застало фашистское нашествие. Был на фронте до Победы – сначала на политработе, затем военным корреспондентом.	Сборники повестей и рассказов «Сердце солдата», «Люди с оружием», «Место происшествия – фронт», «Сердце помнит». Роман в 3-х книгах «Война» (остался незавершённым)
Н.К. Старшинов 1924–1998 Поэт	В 1942 году со школьной скамьи ушёл на фронт, был помощником командира пулемётного взвода, редактировал боевой листок. Первые стихи опубликовал во фронтовой	Поэма «Гвардии рядовой», книги стихов

	печати. В августе 1943 г. был тяжело ранен в боях под Спас-Деменском, в 1944 – демобилизован.	
В.Е. Субботин 1921–2015 Поэт, прозаик, журналист	Встретил войну вблизи западной границы башенным стрелком среднего танка, а закончил ее старшим лейтенантом, военным корреспондентом газеты 150-й Идрицко-Берлинской ордена Кутузова 2-й степени стрелковой дивизии, которая штурмовала здание рейхстага в Берлине.	Книга «Как кончаются войн». Сборники стихов: «Солдат мира» (1950), «Героическая баллада» (1953), «Стихи» (1953), «Земное лето» (1962), «Живая память» (1962), «Книга моих стихов» (1964), «Танки в траве» (1967), «Избранная лирика» (1968), «Строки» (1972), «Стихотворения» (1976), «Бранденбургские ворота» (1979) и др.
Г.К. Суворов 1919–1944 Поэт	С сентября 1941 г., доставленный самолётом на территорию южнее Ладожского озера, рядовой 542 стрелкового полка 4-й гвардейской дивизии «не выпускал из рук оружия». Служил в прославленной панфиловской дивизии. После ранений и окончания краткосрочных офицерских курсов воевал на Невском пятачке, под Синявино, Колпино, Ивангородом, одновременно печатался в дивизионной многотиражке «За Родину», а также в журналах «Звезда», «Ленинград». Гвардии лейтенант, командир взвода бронейщиков-истребителей танков, был представлен к медали «За отвагу». В дни зимнего наступления 1944 года, когда немцы были разгромлены под Ленинградом, наши войска, преследуя противника, вышли к Нарве. На левом её	Книга стихов «Слово солдата», сборники «Звезда, сгоревшая в ночи» и «Соколиная песня»

	берегу был захвачен плацдарм. К нему через ледяную переправу, днём и ночью шли подкрепления, везли боеприпасы и продовольствие. Гитлеровцы вели по ней ожесточённый огонь. Артиллерийский снаряд разорвался посередине боевых порядков взвода, который вёл на левый берег Суворов.	
А.А. Сурков 1899–1983 Поэт	В 1941—1945 годах был военным корреспондентом фронтовой газеты «Красноармейская правда» и спецкором газеты «Красная звезда», также работал в газете «Боевой натиск». Участвовал в обороне Москвы, воевал в Белоруссии. Автор текстов известных патриотических песен. Окончил войну в звании подполковника (1943). В июне 1945 года посетил Берлин, Лейпциг и Радебойсе, а затем Веймар; по материалам поездки написал сборник стихов.	«Песня смелых» (музыка В. Белого, 1941), «Землянка» («Бьётся в тесной печурке огонь...»; музыка К. Листова, 1941), «Песня защитников Москвы» (музыка Б. Мокроусова, 1942) и др. За годы войны издал сборники стихов «Декабрь под Москвой», «Дороги ведут на Запад», «Солдатское сердце», «Наступление», «Стихи о ненависти», «Песни гневного сердца» и «Россия карающая». Книга очерков «Огни Большого Урала. Письма о советском тыле» (1944). Сборник стихов «Я пою Победу» (1945)

Ф.Г. Сухов 1923/1922–1992 Поэт	Был мобилизован в 1941 году и отправлен сначала в Казань, а затем в Ташкент, где обучался в военном пехотном училище, после окончания которого в 1942 году был отправлен на фронт командиром взвода в звании младшего лейтенанта. В 1943 году сражался на Курской дуге, командуя противотанковым взводом.	Поэмы «Былина о неизвестном солдате», «Земляника на снегу»
Арс.А.Тарковский 1907–1989 Поэт, переводчик	С декабря 1941 г. – корреспондент газеты «Боевая тревога», участвовал в действиях Московского, Брянского и 1-го Балтийского фронтов. В 1943 г. получил звание гвардии капитана, после тяжёлого ранения перенёс ампутацию ноги.	Стихи о войне («Песня под пулями», «Иванова ива»)
А.Т. Твардовский 1910–1971 Поэт	С первого до последнего дня войны был фронтовым корреспондентом различных газет.	Поэма «Василий Тёркин», стихотворения очерковой и балладной направленности («Рассказ танкиста», «Баллада о товарище», «Армейский сапожник», «Большое лето», «Возмездие», «Я убит подо Ржевом», «В тот день, когда окончилась война», «Жестока память»)
В.Ф. Тендряков 1923–1984 Прозаик	После окончания средней школы ушёл на фронт. Служил радистом стрелкового полка. Был тяжело ранен под Харьковом.	Рассказ «Дела моего взвода»
Н.С. Тихонов 1896–1979 Поэт, прозаик, публицист, переводчик	С первых дней войны, находясь в Ленинграде, выполнял задания Радиокомитета, Совинформбюро, публиковал стихи, статьи, очерки в ленинградских газетах. Стремился находить материалы в самом пекле боёв. Был в боях под Новгородом.	Поэма «Киров с нами», блокадные очерки «Ленинградский год», «Ленинградские рассказы»,

		поэма «Слово о 28 гвардейцах»
В.Д. Успенский 1927–2000 Прозаик	Зимой в первый год войны был угнан отступающими немцами в Германию, бежал из плена. В 1942 г. отец Владимира был арестован, а остальные члены семьи отправлены в ссылку в сибирское село Турово Красноярского края. В 1944 г. обучался на Дальнем Востоке в школе радистов на Тихоокеанском военно-морском флоте, а затем там же проходил службу на сторожевом корабле «Вьюга», воевал с японцами. Во время боевых действий в тылу у японцев был ранен, контужен, но из строя не вышел.	Повести «Бой местного значения», «Ухожу на задание», двухтомный роман «Неизвестные солдаты»
Л.В. Успенский 1900–1978 Прозаик	Участвовал в боях за Ленинград на Ораниенбаумском «пяточке», был в блокаде. Военный корреспондент Балтфлота.	Роман «Шестидесятая параллель»
И.П. Уткин 1913–1944 Поэт, журналист	Доброволец. Несмотря на тяжёлое ранение (в сентябре 1941 года, в бою под Ельней, был ранен осколком мины — ему оторвало четыре пальца правой руки), возвратился в свою воинскую часть. Летом 1942 года вновь оказался на Брянском фронте — в качестве спецкора Совинформбюро, от газет «Правда» и «Известия». Работал также в армейских газетах, печатал много стихов. Многие стихи были положены на музыку, пелись на фронте («Провожала сына мать», «Дед», «Бабы», «Я видел девочку убитую», «Над родиной грозные тучи», «Я видел сам» и другие). Участвовал в боях, совершая большие переходы с солдатами. Возвращаясь из партизанского края, 13 ноября 1944 года погиб в авиационной катастрофе. Самолёт упал недалеко от Москвы.	В 1942 г. было опубликовано три сборника — «Стихи о героях», «Я видел сам», «Фронтовые стихи», в 1944 — сборник произведений — «О Родине, о дружбе, о любви»

А.Б. Чаковский 1913–1994 Прозаик, драматург, публицист	Военный корреспондент газеты Волховского фронта «Фронтовая правда». Не раз бывал в блокадном Ленинграде.	Репортажи, очерки, рассказы («Разведчик Евгений Павкин», «В гостях у артиллеристов», «Люди боя» и др.) Трилогия «Это было в Ленинграде», роман в 5 книгах «Блокада»
А.Т. Чивилихин 1915–1957 Прозаик, поэт, журналист	Командир взвода морской пехоты, майор. Участник боёв на волховских рубежах. С декабря 1941г. и до конца войны – военный корреспондент.	Поэма «Битва на Волхове»
Л.А. Чикин 1927–1994 Поэт, прозаик	По возрасту стал фронтовиком только в 1944-м. Принимал участие в войне с Японией (1945 г.).	Стихи
Н.К. Чуковский 1904–1965 Прозаик, переводчик	Сын К.И. Чуковского. С 22 июня 1941 года был военным корреспондентом газеты «Красный Балтийский флот», участник обороны Ленинграда, во время блокады оставался в городе. С октября 1943 года — инструктор Главного политуправления ВМФ СССР, Управления военно-морского издательства.	Роман «Балтийское небо» (1946—1954)
И.П. Шамякин 1921–2004 Прозаик	В 1940 году был призван в РККА, проходил службу в Мурманске в зенитно-артиллерийской части. Во время Великой Отечественной войны командир орудийного расчёта, комсорг дивизиона. Военными дорогами прошёл от Мурманска и Карелии до Германии. Участвовал в боях за Одер.	Романы «Глубокое течение», «Снежные зимы», «Возьму твою боль»

В.С. Шефнер 1915–2002 Поэт, прозаик	В первые месяцы Великой Отечественной войны из-за слепоты левого глаза был рядовым в батальоне аэродромного обслуживания под Ленинградом, с 1942 года — фронтовой корреспондент газеты Ленинградского фронта «Знамя победы», закончил войну в звании старшего лейтенанта.	Книга стихов «Защита» вышла в 1943 году в блокадном Ленинграде. Поэма «Встреча в пригороде» (1943—1945)
М.А. Шолохов 1905–1984 Прозаик	В первые дни войны внёс в фонд обороны Государственную премию, присуждённую за роман «Тихий Дон». В июле 1941 года полковой комиссар запаса был призван в армию, направлен на фронт, работал в Совинформбюро, был военным корреспондентом газет «Правда», «Красная звезда». Участвовал в боях под Смоленском на Западном фронте, под Ростовом на Южном фронте.	Очерки «На Дону», «На Смоленском направлении», «Люди Красной армии», рассказы «Наука ненависти», «Судьба» человека», роман «Они сражались за Родину»
С.П. Щипачёв 1898/1899–1980 Поэт	Сотрудник фронтовой печати.	Сборник «Фронтовые стихи»
И.Г. Эренбург 1891–1967 Прозаик, поэт, переводчик	Был корреспондентом газеты «Красная звезда», писал для других газет и для Совинформбюро.	Роман «Падение Парижа» (1941), многотомный труд «Люди, годы, жизнь», трёхтомник публицистики «Война» (1942–1944)
Ю.Я. Яковлев 1922–1996 Прозаик	Призван в армию в ноябре 1940 года. Был зенитчиком. Его батарея воевала под Москвой. Всю войну активный военкор газеты «Тревога».	Стихи, рассказы (сборник «Позавчера была война»)
Н.Н. Яновский 1914–1990 Литературный критик	Воевал под Орлом и Курском стрелком в танковом десанте. Там же его и контузило, а при форсировании Днепра под Киевом ранило. В 1944 году впервые выступил с очерками во фронтовой газете 6-й танковой армии.	

А. Яшин (А.Я. Попов) 1913–1968 Поэт, прозаик	На фронт ушёл добровольцем. Корреспондент газеты «Боевой залп». Всё время находился в батальонах морской пехоты и на бронепоездах. В качестве военно-морского журналиста участвовал в обороне Сталинграда, в освобождении Крыма. В 1944 г. из-за тяжёлой болезни демобилизован.	Поэма «Город гнева»

1979–1989 Афганская война

А.М. Дышев 1960 г.р. Журналист	Окончил Львовское высшее военно-политическое училище по специальности военный корреспондент, редакторское отделение Гуманитарной академии Вооружённых Сил России. Служил в Афганистане в 1983-1984 годах в составе 201-й дивизии, дислоцировавшейся в северной провинции Кундуз. Награждён орденом Красной Звезды и другими государственными наградами. Подполковник запаса. Победитель Всероссийского литературного конкурса на лучшее литературное произведение «Спасибо тебе, солдат», победитель конкурса на лучшее литературное произведение «Камрад, амиго, шурави».	«Разведрота», «Сынок», «Умри, моя тень», «Горячая тень Афгана», «Третий тост»
С.М. Дышев 1956 г.р. Журналист	Брат писателя Андрея Дышева. С 1982 по 1984 год был корреспондентом в газете «Фрунзовец» Туркестанского военного округа. Участвовал в Афганской войне. Работал журналистом газеты «Красная звезда». Полковник полиции Сергей Дышев – автор двенадцати книг о событиях в Афганистане, Приднестровье, Таджикистане, чеченской войне, а также остросюжетных романов, написанных на основе личного опыта, приобретенного во время службы в «горячих точках».	«Потерянный взвод», «До встречи в раю» (2008), «Рубеж» (в соавторстве с Андреем Дышевым)

О.Н. Ермаков 1961 г.р. Прозаик	В 1981—1983 служил рядовым солдатом (радиотелефонист, орудийный номер, топогеодезист) артиллерийских войск в рядах Советской Армии в ДРА. Пережитое там (благодаря дневникам), легло в основу его первых произведений.	«Афганские рассказы», «Арифметика войны» «Знак зверя», «Возвращение в Кандагар»
Н.Ф. Иванов 1956 г.р. Журналист	Закончил Московское суворовское и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Службу начал в Воздушно-десантных войсках. В 1981 году направлен в Афганистан. Один из тех десантников 103-й Витебской (Кабульской) дивизии, кто в числе первых шагнул в афганское пекло. Стал первым газетчиком, награждённым в Афгане солдатской медалью «За отвагу». Облетел на «вертушках», прошёл в бронеколоннах, пролазил по склонам и горным хребтам практически все провинции, участвовал в десятках боёв. Награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». Его повесть «Гроза на Гиндукушем» – первое произведение об Афганской войне, удостоенное премии им. Н. Островского. Продолжил службу в органах налоговой полиции России. Во время командировки в Чечню в июне 1996 года был захвачен в плен боевиками, около четырёх месяцев провёл в подземных зинданах. Освобожден в результате спецоперации. Полковник налоговой полиции.	«Гроза на Гиндукушем», «Мы вернемся живыми»
М.Ю. Кожухов 1956 г.р. Журналист, телеведущий	В 1985–1989 годах работал собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в Афганистане. Пересёк мост через Амударью на предпоследнем советском БТРе. Награждён орденом Красной Звезды.	«Над Кабулом чужие звезды» (2009)

Н.Н. Прокудин 1961 г.р. Прозаик	В Вооруженных Силах с 1979 по 1998 г. Ветеран войны в Афганистане (1985-1987 гг.), участвовал в 42 боевых операциях, награжден двумя орденами «Красная звезда», медалями. Майор запаса.	«Рейдовый батальон» (2006), «Район десантирования» (2007), трилогия «Постарайся вернуться живым...» («Романтик», «Звездопад», «Конвейер смерти»)
А.Э. Рамазанов 1950 г.р. Военный журналист	В Афганистане служил дважды – сначала в 1981—1983 годах, затем в 1986-1989 гг. Был редактором легендарной 201-й мотострелковой дивизии, ответственным редактором радиостанции вооружённых сил Афганистана, где заслужил боевые ордена и медали. Подполковник запаса.	«Последний кадр» (2006), «Война затишья не любит» (2007), «Трагедия в ущелье Шаеста» (2011), «Родная афганская пыль»
Г.Г. Синельников 1952 г.р. Прозаик, журналист	В 1977 году окончил Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. За период своей службы сменил много гарнизонов. С 1980 по 1981 год служил заместителем командира мотострелкового батальона в Демократической Республике Афганистан, в 70-й гвардейской мотострелковой бригаде в Кандагаре. Награжден орденом Красной Звезды, медалями. В 1985 году окончил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина в Москве. В 1993 году уволен с военной службы по состоянию здоровья. Инвалид афганской войны, подполковник запаса. В 1994 году в газете «Хакасия» был опубликован первый очерк о войне в Афганистане. Ему принадлежат многочисленные публикации на военную и другие темы в республиканских и российских периодических изданиях.	Книги «Афганистан. Боль. Память» (1999), «Афганский капкан» (2007), «Крестовая печать» (2009), «Ах, война, что ты сделала...»

А.А. Тамоников 1959 г.р. Прозаик	Окончил Самаркандское высшее военное командное училище. Отслужил в войсках Центральной группы войск, был участником боевых действий. В 2001 году начал заниматься литературной деятельностью. Имеет ряд правительственных и ведомственных наград.	Написал более пятидесяти романов, ставших бестселлерами. Самые популярные произведения «Те, кто выжил», «Бой после победы», «Черные дьяволы» и «Грозные ворота», изначально называвшийся «Рота уходит в небо». Кроме того: «Акция устрашения», «Огненное ущелье», «Солдаты вечности» и др.

ИСТОЧНИКИ:

- Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. В 12-ти т. – Москва: Современник, 1983 – 1986.
- Вся русская литература / авт.-сост. И.Л. Копылов. – Минск: Современный литератор, 2003. – 864 с.
- История русской литературы XI – XX веков: краткий очерк. – Москва: Наука, 1983. – 476 с.
- Певец во стане русских воинов: сборник. – Москва: Молодая гвардия, 1981. – 223 с.
- Русская литература XVIII века, 1770 – 1775: хрестоматия. – Москва: Просвещение, 1979. – 417 с.
- Русские писатели. XX век. Биобиблиографический словарь. В 2 ч. Ч.1. А - Л. / ред. Н. Н. Скотов. – Москва: Просвещение, 1998. – 784 с.
- Русские писатели. XX век. Биобиблиографический словарь. В 2 ч. Ч.2. М - Я. / ред. Н. Н. Скотов. – Москва: Просвещение, 1998. – 656 с.
- Русские писатели. Биобиблиографический словарь. В 2 ч. Ч. 1 А - Л / ред. П. А. Николаев. - Москва: Просвещение, 1990. - 430 с. : ил.
- Русские писатели. Биобиблиографический словарь. В 2 ч. Ч 2. М – Я / ред. П. А. Николаев. - Москва : Просвещение, 1990. - 446 с. : ил.
- Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страница . - 15.05.2015.

Константин Николаевич Батюшков (1787–1855)

Военно-биографический очерк

Какую жизнь я вёл для стихов!
Три войны, все на коне и в мире на
большой дороге.

К.Н. Батюшков. (Из письма
к В.А. Жуковскому от июня
1817 г.)

Наряду с Державиным и Жуковским Константин Николаевич Батюшков (1787–1855) занимает в русской поэзии почётное место одного из непосредственных предшественников А.С. Пушкина. Недаром, восхищаясь яркой изобразительностью стихотворения Батюшкова «Вакханка», Белинский писал: «Это ещё не пушкинские стихи; но после них уже надо ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских...».

Война четвёртой коалиции также известна в России как русско-прусско-французская война. Это война наполеоновской Франции и её сателлитов в 1806—1807 годах против коалиции великих держав (Россия, Пруссия, Англия). Она началась с нападения королевской Пруссии на Францию. Но в двух генеральных сражениях под Йеной и Ауэрштедтом Наполеон разгромил пруссаков и 12 октября 1806 года занял Берлин. В декабре 1806 года в войну вступила русская императорская армия.

Общее патриотическое движение, возникшее после Аустерлицкого сражения (1805), где Россия потерпела жестокое поражение, увлекло К.Н. Батюшкова и, когда началась вторая война с Наполеоном, он в 1807 году, несмотря на запрещение отца, записался в народное ополчение. 22 февраля 1807 г. Константин Николаевич был назначен сотенным начальником в Петербургском милиционном батальоне и в начале марта выступил в Пруссию. Милиционные подразделения в то время – нерегулярные отряды вооружённых граждан, формируемые только на время войны, то есть гражданское ополчение. В мирное время кадрового состава для образования милиции или не содержится вовсе, или кадры содержат в очень небольшом количестве.

С мая 1807 года Константин Николаевич участвовал в боевых действиях; 29 мая в битве под Гейльсбергом был ранен в ногу, вероятно, пуля задела спинной мозг. В официальных документах указывается «отменная храбрость» губернского секретаря Батюшкова. Он был награждён орденом Св. Анны 3-й степени и отправлен на лечение в Ригу, а затем в родное село Даниловское.

К началу весенней кампании Наполеон имел 190 000 солдат против 100 000 русских. Под Гейльсбергом генерал Л.Л. Беннигсен успешно отразил атаку французской армии, однако под Фридландом численное превосходство Великой армии сыграло решающую роль. Наполеон с 85 000 солдат нанёс тяжёлое поражение русской армии из 60 000 человек.

Во время похода Батюшковым написано несколько стихотворений и начат перевод поэмы Тасса «Освобождённый Иерусалим». Тяжелые военные картины отразились в творчестве Батюшкова сквозь призму мечтательной любви к жизни. Во время двухмесячного лечения в Риге он влюбился в дочь местного купца Мюгеля, Эмилию; продолжения роман не имел, остались лишь два стихотворения Батюшкова — «Выздоровление» и «Воспоминания 1807 года».

О, Гейльсбергски поля! в то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,
Что я мечтатель ваш счастливый,
На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжелу рану,
Едва ли на заре сей жизни не увяну...
И буря дней моих исчезла как мечта!..
(«Воспоминания 1807 года»)

27 сентября 1807 года вышел манифест Александра I о роспуске милиции. Ополчение было распущено по домам, кроме его подвижной части. Из неё вырос лейб-гвардии егерский полк — и Батюшков решил остаться в армии, переведясь в этот полк прапорщиком, но тяжело заболел и хворал всю зиму. Весной 1808 года, выздоровев, Батюшков отправился в войска, действовавшие в Финляндии. Русско-шведская война 1808—1809 (Финляндская война) между Россией, поддержанной Францией и Данией, против Швеции была последней из серии русско-шведских войн. Война закончилась победой России и заключением Фридрихсгамского мирного договора, по которому Финляндия перешла от Швеции к России, войдя в состав Российской империи как Великое княжество Финляндское.

Свои впечатления Константин Николаевич отразил в очерке «Из писем русского офицера в Финляндии»: «Но какой предмет для кисти живописца: ратный стан, расположенный на сих скалах, когда лучи месяца проливаются на утружденных ратников и скользят по блестящему металлу ружей, сложенных в пирамиды! Какой предмет для живописи и сии великие огни, здесь и там раскладенные, вокруг которых воины толпятся в часы холодной ночи! Этот лес,

хранивший безмолвие, может быть, от создания мира, вдруг оживляется при внезапном пришествии полков. Войско расположилось; всё приходит в движение: пуки зажженной соломы, переносимые с одного места на другое, пылающие костры хвороста, древние пни и часто целые деревья, внезапно зажженные, от которых густой дым клубится и восходит до небес: одним словом, движение ратных снарядов, ржание и топот коней, блеск оружия, и смешанные голоса воинов, и звуки барабана и конной трубы — все это представляет зрелище новое и разительное! Вскоре гласы умолкают; огонь пылающих костров потухает; ратники почил, и прежнее безмолвие водворилось: изредка прерываемо оно шумом горного водопада или протяжными откликами часовых, расположенных на ближних вышинах против лагеря неприятельского; месяц, склоняясь к своему западу, освещает уже безмолвный стан.

Теперь всякий шаг в Финляндии ознаменован происшествиями, которых воспоминание и сладостно, и прискорбно. Здесь мы победили; но целые ряды храбрых легли, и вот их могилы! Там упорный неприятель выбит из укреплений, прогнан; но эти уединенные кресты, вдоль песчаного берега или вдоль дороги водруженные, этот ряд могил русских в странах чуждых, отдаленных от родины, кажется, говорят мимоидущему воину: и тебя ожидает победа — и смерть! Здесь на каждом шагу встречаем мы или оставленную батарею, или древний замок с готическими острыми башнями, которые возбуждают воспоминание о древних рыцарях; или передовой неприятельский лагерь, или мост, недавно выжженный, или опустелую деревню. Повсюду следы побед наших или следы веков, давно протекших, — пагубные следы войны и разрушения! Иногда лагерь располагается на отлогих берегах озера, где до сих пор спокойный рыбак бросал свои мрежи; иногда видим рвы, батареи, укрепления и весь снаряд воинский близ мирной кущи селянина. Разительная противоположность!..»

В 1809 году Батюшков участвует в походе по льду Ботнического залива на Аландские острова, спокойно перенося тяготы «военной жизни и биваков». Но когда армия ушла на зимние квартиры, он заскучал и после полугодового безделья в заброшенных финских городах подал в отставку. Батюшков поселился в Хантоново — имении матери в Череповецком уезде Новгородской губернии и целиком посвятил себя литературному творчеству.

В 1810 году, тяготясь одиночеством, поселился в Москве и сблизился с князем П.А. Вяземским, И.М. Муравьевым-Апостолом, В.Л. Пушкиным. Возвратившись в начале 1812 года в Петербург, Батюшков поступил в Публичную библиотеку, где тогда служил И.А. Крылов.

Начавшаяся Отечественная война 1812 года усилила в душе поэта патриотическое чувство. В письме к одному из своих друзей Батюшков сообщал: «Я решился, и твёрдо решился, отправиться в армию, куда и долг призывает, и рассудок, и сердце, лишённое покоя ужасными происшествиями нашего времени». Но болезнь (сильная лихорадка) и необходимость проводить вдову своего наставника Е.Ф. Муравьёву с детьми в Нижний Новгород задержала осуществление этого намерения. Из Нижнего Новгорода Батюшков возвратился в Москву уже после ухода из неё французов. Поэт стал очевидцем пожара Москвы. «Москвы нет! Потери невозвратимые! Гибель друзей, святыня, мирное убежище наук, все осквернено шайкою варваров!.. Сколько зла! Когда будет ему конец?.. Мы все в чад», — пишет Константин Николаевич в письме другу. Он испытал на себе «все ужасы войны, нищету, пожары, голод», что позже нашло свое отражение в «Послании к Дашкову» (1813).

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары:
Врагов неистовых дела
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных,
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутьи видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил.
И там, — где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, — где с миром почивали
Останки иноков святых,
И мимо веки протекали,

Святыни не касаясь их;
И там, – где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,-
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
(«К Дашкову»)

В привычную для него форму дружеского послания Батюшков вкладывает теперь совершенно непривычное для этого поэтического жанра содержание. Послание «К Дашкову» открывается картиной народных бедствий, которые принесла с собой война. Вспоминая о виденных им самим толпах беженцев, спасшихся от вражеского нашествия, о превращённой в развалины Москву, где ему довелось трижды побывать после оставления её французами, Батюшков отказывается по-прежнему воспевать

...любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость.

Отказывается до тех пор, пока на поле боя не отомстит врагам за поруганную отчизну.

Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем -
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды Музы и Хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!
(«К Дашкову»)

29 марта 1813 года Батюшков был зачислен в чине штабс-капитана в Рылеский пехотный полк адъютантом при генерале А.Н. Бахметеве; но из-за

увечья Бахметеву не разрешили вернуться в действующую армию, и Батюшков лишь в конце июля выехал в Дрезден, в главную квартиру действующей армии. В качестве адъютанта генерала Раевского он прошёл путь до Парижа, то есть участвовал в заграничном походе русской армии против Наполеона. Из письма Батюшкова Гнедичу, 1813, лагерь близ Теплица: «Успел быть в двух делах: в авангардном сражении под Доной, в виду Дрездена, где чуть не попал в плен, наскочав нечаянно на французскую кавалерию, потом близ Теплица в сильной перепалке. Говорят, что я представлен к Владимиру, но об этом ещё ни слова не говори, пока не получу. Не знаю, заслужил ли я этот крест, но знаю то, что заслужить награждение при храбром Раевском лестно и приятно». Но Батюшков получил лишь Анненский крест (Орден Святой Анны введён императором Павлом I в наградную систему Российской империи для отличия широкого круга государственных чиновников и военных).

В 1813 г. Батюшков героически проявил себя в «битве народов» под Лейпцигом. В ней был ранен генерал Раевский, о котором Батюшков оставил несколько интересных воспоминаний (очерк «Чужое – моё сокровище»).

«<...> В армии встречаешь много карикатур, но подобной Кроссару не всякому удастся встретить. Мы дрались под Гайерсбергом, в горах у Теплица. Раевский стоял в дефиле – пули свистали. Является к нам офицер в свитском мундире, весь в крестах, и в петлице Мария-Терезия. Конь его в поту, у него самого пена у рта, и пот с него градом сыплется, глаза горят, как угли, и толстая нагайка гуляет бесперестанно с правого плеча на левое. «Bonjour, mon général!» -- «Ah, bonjour Crossard!» {«Здравствуйте, мой генерал!» - «А, привет, Кроссар!» (франц.)} И слово за слово, вижу – мой Кроссар вынимает толстую тетрадь: отгадайте, что? План будущей кампании, проект, бред, одним словом. Он хочет читать ее, толковать – где? Под пулями, в горячем деле. Раевс<кий> оттолкнул его и отворотился. Но Кроссар любил Раевского, как любовник. Где генерал дерется, там и Кроссар с нагайкой и советами. Под Лейпцигом он нас не покидал. Дело было ужасное, и Кроссар утопал в удовольствии. Он вертелся, как белка на колесе, около генерала. Лошадь его упрямылась. Подъезжает ко мне: «Camarade, rendez-moi un service éclatant» {Товарищ, окажите мне услугу (франц.)} – «Что вам угодно?» - «Rossez mon cheval, je vous prie. La! Bon. Encore un coup, mais frappez fort!» {Ударьте мою лошадь, прошу вас. Так! Хорошо! Еще разок, ну, посильней! (франц.)} Я и товарищи секли его лошадь без жалости под пулями и картечью; всадник на ней прыгал бесперестанно, в пыли, в поту, в треугольной шляпе оборванной, и красный, как рак. Он, австриец, в 1812 году перебежал к нам. Он бросил перчатку Наполеону. Он дышит только в войне, любовник пламенный пух и выстрелов».

«Он (Раевский) мне не сделал никакого добра, но хвалить его мне приятно, хвалить как истинного героя, и я с удовольствием теперь, в тишине сельского кабинета, воспоминаю старину. Под Лейпцигом мы бились (4-го числа) у красного дома. Направо, налево все было опрокинуто. Одни гренадеры стояли грудью. Раевский стоял в цепи, мрачен, безмолвен. Дело шло не весьма хорошо. Я видел неудовольствие на лице его, беспокойства ни малого. В опасности он истинный герой, он прелестен. Глаза его разгорятся, как угли, и благородная осанка его поистине делается величественною. Писарев летал, как вихорь, на коне по грудам тел - точно по грудам - и Раевский мне говорил: «Он молодец». Французы усиливались. Мы слабели: но ни шагу вперед, ни шагу назад. Минута ужасная. Я заметил изменение в лице генерала и подумал: «Видно дело идет дурно». Он, оборотясь ко мне, сказал очень тихо, так, что я едва слышал: «Братюшков», посмотри, что у меня». Взял меня за руку (мы были верхами), и руку мою положил себе под плащ, потом под мундир. Второпях я не мог догадаться, чего он хочет. Наконец, и свою руку освободя от поводов, положил за пазуху, вынул ее и очень хладнокровно поглядел на капли крови. Я ахнул, побледнел. Он сказал мне довольно сухо: «Молчи!» Еще минута – еще другая – пули летали беспрестанно, – наконец, Раевский, наклонясь ко мне, прошептал: «Отъедем несколько шагов: я ранен жестоко!» Отъехали. «Скачи за лекарем!» Поскакал. Нашли двоих. Один решился ехать под пули, другой воротился. Но я не нашел генерала там, где его оставил. Казак указал мне на деревню пикую, проговоря: «Он там ожидает вас». Мы прилетели. Раевский сходил с лошади, окруженный двумя или тремя офицерами. Помнится, Давыдовым и Медемом, храбрейшими и лучшими из товарищей. На лице его видна бледность и страдание, но беспокойство не о себе, о гренадерах. Он все поглядывал за ворота на огни неприятельские и наши. Мы раздели его. Сняли плащ, мундир, фуфайку, рубашку – пуля раздробила кость грудную, но выпала сама собою. Мы суетились, как обыкновенно водится при таких случаях. Кровь меня пугала, ибо место было весьма важно: я сказал это на ухо хирургу. «Ничего, ничего», – отвечал Раевский (который, несмотря на свою глухоту, вслушался в разговор наш) и потом, оборотясь ко мне: «Чего бояться, господин Поэт (он так называл меня в шутку, когда был весел): «У меня нет больше крови, которая дала мне жизнь. Она в сраженьях пролита за родину». И это он сказал с необыкновенною живостью. Надрванная его рубашка, ручьи крови, лекарь, перевязывающий рану, офицеры, которые суетились вокруг тяжело раненного генерала – лучшего, может быть, из всей армии – беспрестанная пальба и дым

орудий, важность минуты! одним словом, все обстоятельства придавали интерес этим стихам...

Он молчалив, скромен отчасти, скрыт, недоверчив, знает людей, не уважает их. Он, одним словом, во всем контраст Милорадовичу и, кажется, находит удовольствие не походить на него ни в чем. У него есть большие слабости и великие военные качества. С лишком одиннадцать месяцев я был при нем неотлучен. Спал и ел при нем: я его знаю совершенно, более нежели он меня. И здесь, про себя, с удовольствием отдаю ему справедливость, не угождением, не признательностью исторгнутую. Раевский славный воин и иногда хороший человек – иногда очень странный».

В этом же бою под Лейпцигом был убит друг Батюшкова И.А. Петин, которому он посвятил очерк «Воспоминания о Петине», несколько стихотворений. «Меня поймут только те, которые бились под одним знаменем, в одном ряду и испытали все случайности военные. В тесной лачуге на берегах Немана, без денег, без помощи, без хлеба (это не вымысел), в жестоких мучениях, я лежал на соломе и глядел на Петина, которому перевязывали рану. Кругом хижины толпились раненые солдаты, пришедшие с полей несчастного Фридланда, и с ними множество пленных. Под вечер двери хижины отворились, и к нам вошло несколько французов, с страшными усами, в медвежьих шапках и с гордым видом победителей. Петин был в отсутствии, и мы пригласили пленных разделить с нами кусок гнилого хлеба и несколько капель водки; один из моих товарищей поделился с ними деньгами и из двух червонцев отдал один (истинное сокровище в таком положении). Французы осыпали нас ласками и фразами – по обыкновению, и Петин вошел в комнату в ту самую минуту, когда наши болтливые пленные изливали свое красноречие. Посудите о нашем удивлении, когда наместо приветствия, опираясь на один костыль, другим указал он двери нашим гостям. «Извольте идти вон, – продолжал он, – здесь нет места и русским: вы это видите сами». Они вышли не прекословия, но я и товарищи мои приступили к Петину с упреками за нарушение гостеприимства. «Гостеприимства! – повторял он, краснея от досады, – гостеприимства!» – «Как! – вскричал я, приподнимаясь с моего одра, – ты еще смеешь издеваться над нами?» – «Имею право смеяться над вашею безрассудною жестокостию». – «Жестокостию? Но не ты ли был жесток в эту минуту?» – «Увидим. Но сперва отвечайте на мои вопросы! Были ли вы на Немане у переправы?» – «Нет». – «Итак, вы не могли видеть того, что там происходит?» – «Нет! Но что имеет Неман общего с твоим поступком?» – «Много, очень много. Весь берег покрыт ранеными; множество русских валяется на сыром песку, на дожде, многие товарищи умирают без помощи,

ибо все дома наполнены; итак, не лучше ли призвать сюда воинов, которые изувечены с нами в одних рядах? Не лучше ли накормить русского, который умирает с голоду, нежели угощать этих ненавистных самохвалов? спрашиваю вас. Что же вы молчите?»

В 1808 году один баталион гвардейских егерей был отряжен в Финляндию. Близ озера Саймы, в окрестностях Куопио, он встретил неприятеля. Стычки продолжались беспрестанно, и Петин, имевший под начальством роту, отличался беспрестанно; день проходил в драке, а вечер посвящал он на сочинение своего военного журнала: полезная привычка для офицера, который любит свою должность и желает себя усовершенствовать. Полковник Потемкин, командовавший баталионом, уважал молодого офицера, и самые блестящие и опаснейшие посты доставались ему в удел, как лучшее награждение. К несчастью, другие ротные командиры получили георгиевские кресты, а Петин был обойден. Все офицеры единодушно сожалели и обвиняли судьбу, часто несправедливую, но молодой Петин, более чувствительный к лестному уважению товарищей, нежели к неудаче своей, говорил им с редким своим добродушием: «Друзья, этот крест не уйдет от офицера, который имеет счастье служить с вами: я его завоюю; но заслужить ваше уважение и приязнь – вот чего желает мое сердце, и оно радуется, видя ваши ласки и сожаления».

Мы подвинулись вперед. Под Иденсальми шведы напали в полночь на наши биваки, и Петин с ротой егерей очистил лес, прогнал неприятеля и покрыл себя славою. Его вынесли на плаще, жестоко раненного в ногу. Генерал Тучков осыпал его похвалами, и молодой человек забыл и болезнь, и опасность. Радость блистала в глазах его, и надежда увидеться с матерью придавала силы. Мы расстались и только через год увиделись в Москве...

4-го октября началась ужасная битва под Лейпцигом. Я находился при генерале Раевском и с утра в жестоком огне, но сердце мое было спокойно насчет моего Петина: я знал, что гвардия еще не вступила в дело. В четвертом часу, на том пункте, где гренадеры железною грудью удержали стремление целой армии неприятельской, генерал был ранен пулею в грудь и, оборотись ко мне, велел привести лекаря. Я поскакал к резервам, которые начинали двигаться вправо, по направлению к деревне Госсе, и встретил гвардейских егерей, но, к несчастью, не мог видеть Петина: он был в голове всей колонны, в дальнем расстоянии, и мне время было дорого. На другой день поутру, на рассвете, генерал поручил мне объехать поле сражения там, где была атака гвардейских гусаров, и отыскать тело его брата, которого мы полагали убитым. С другим товарищем я поехал по дороге к Аунгейну, где мы остановились в первый день битвы, для исполнения печального долга. Какое-то непонятное,

мрачное предчувствие стесняло мое сердце; мы встречали множество раненых, и в числе их гвардейских егерей. Первый мой вопрос – о Петине; ответ меня ужаснул: полковник ранен под деревнею – это еще лучшее из худшего! Другой егерь меня успокоил (по крайней мере, я старался успокоиться его словами), уверив, что полковник его жив, что он видел его сию минуту в лагере и проч., но раненый офицер, который встретился немного далее, сказал мне, что храбрый Петин убит и похоронен в ближайшем селе, которого видна колокольня из-за лесу: нельзя было сомневаться более. Этот день почти до самой ночи я провел на поле сражения, объезжая его с одного конца до другого и рассматривая окровавленные трупы. Утро было пасмурное. Около полудня полился дождь реками; все усугубляло мрачность ужаснейшего зрелища, которого одно воспоминание утомляет душу, зрелища свежего поля битвы, заваленного трупами людей, коней, разбитыми ящиками и проч. В глазах моих беспрестанно мелькала колокольня, где покоилось тело лучшего из людей, и сердце мое исполнилось горестию несказанной, которую ни одна слеза не облегчила. Проезжая через деревню Госсу, я остановил лошадь и спросил у егеря, обезображенного страшными ранами: «Где был убит ваш полковник?» – «За этим рвом, там, где столько мертвых». – Я с ужасом удалился от рокового места.

О любимец бога брани,
Мой товарищ на войне!
Я платил с тобою дани
Богу славы не одне:
Ты на кивере почтенном
Лавры с миртом сочетал;
Я в углу уединенном
Незабудки собирал.
Помнишь ли, питомец славы,
Индесальми? Страшну ночь?
«Не люблю такой забавы»,—
Молвил я,— и с музой прочь!
Между тем как ты штыками
Шведов за лес провожал,
Я геройскими руками...
Ужин вам приготовлял.
(«К Петину»)

Стихотворение «Тень друга» считается едва ли не самым лучшим произведением поэта. В нем разлив морских волн автору напоминает

погибшего товарища, заставляет нас задуматься о скоротечности жизни перед лицом вольной стихии и вечности.

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
За кораблем вилась Гальциона,
И тихий глас ее пловцов увеселял.
Вечерний ветер, валов плесканье,
Однообразный шум и трепет парусов,
И кормчего на палубе зыванье
Ко страже, дремлющей под говором валов,-
Все сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила Севера любезного искал.
Вся мысль моя была в воспоминанье.
Под небом сладостным отеческой земли.
Но ветров шум и моря колыханье
На вежды томное забвенье навели.
Мечты сменялися мечтами
И вдруг... то был ли сон?.. предстал товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертию, над Плейсскими струями.
Но вид не страшен был; чело
Глубоких ран не сохраняло,
Как утро Майское веселием цвело
И все небесное душе напоминало.
"Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!
Ты ль это? - я вскричал - о, воин вечно милой!
Не я ли над твоей безвременной могилой,
При страшном зареве Беллоновых огней,
Не я ли с верными друзьями
Мечом на дереве твой подвиг начертал
И тень в небесную отчизну провождал
С мольбой, рыданьем и слезами?
Тень незабвенного! ответствуй, милый брат!
Или протекшее все было сон, мечтанье;
Все, все - и бледный труп, могила и обряд,
Свершенный дружбою в твое воспоминанье?"

О! молви слово мне! пускай знакомый звук
Еще мой жадный слух ласкает,
Пускай рука моя, о, незабвенный друг!
Твою с любовью сжимает..."
И я летел к нему... Но горний дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,
Как дым, как метеор, как призрак полуночи;
Исчез,- и сон покинул очи.

Все спало вокруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные казались безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
Но сладостный покой бежал моих очей,
И все душа за призраком летела,
Все гостя горнего остановить хотела:
Тебя, о, милый брат! о, лучший из друзей!
(«Тень друга», 1814)

За участие в сражении под Лейпцигом Батюшков получил орден Св. Анны 2-й степени. По окончании кампании К.Н. Батюшков, в награду за службу, был переведен штабс-капитаном в Измайловский полк, но оставлен в прежнем звании адъютанта Бахметева.

«Простым ратником» называет себя поэт. И верно: это был ратник, но не такой уж простой. Это был смелый, интеллектуальный поэт-воин, с широким культурно-историческим кругозором. Батюшков участвовал в походах, вел жаркие споры на биваках с друзьями, мечтал о будущем. Он бывал под пулями и трясся в седле по трудным дорогам войны. Вот поэт с русскими войсками в Париже. Он пользуется своим пребыванием во французской столице и в Лувре часами простаивает перед статуей Аполлона Бельведерского. Он не только любит статуей. Ему нравится, что простые русские солдаты «с изумлением» смотрели на Аполлона. Батюшков писал: «Наши воины, спасители Европы от нового Атиллы, потушили пламенники брани в отечестве Расина и Мольера и на другой день по вступлении в Париж, к общему удивлению его жителей, рукоплескали величественным стихам французской Мельпомены на собственном его театре». Это, несомненно, автобиографическое высказывание. Офицер Батюшков посещает французский театр, Академию наук, замок маркизы дю Шатле, где чувствует себя «в гостях у Вольтера». Отсюда пишет он

письмо к Дашкову, оканчивающееся знаменательными словами: «Сказали поход—вдали слышны выстрелы.— Простите!».

Не один десяток строк возникал и угасал в сердце поэта во время его походов. Он горевал, что в такой обстановке нельзя создать значительное произведение. «Какую жизнь вел я для стихов! Три войны, все на коне, и в мире – на большой дороге. Спрашиваю себя: в такой бурной, непостоянной жизни можно ли написать что-нибудь совершенное?» В этих словах есть оттенок жалобы на судьбу скитальца- солдата. Но хотя и сетовал Батюшков на то, что походная жизнь отвлекала его от каждодневного и сосредоточенного творчества, сочинения поэта показывают, как важны и именно творчески существенны были для него походы и дороги, бурная и напряженная жизнь воина. Она была богата впечатлениями, переживаниями и ценнейшими наблюдениями. Эти походы и переезды давали поэту внушительный материал жизни, определенность темы, уверенность поэтической интонации. Лучшие создания Батюшкова вдохновлены годами его участия в событиях современной ему русской истории.

В 1814 году из Парижа, капитуляции которого Батюшков являлся свидетелем, он через Англию, Швецию и Финляндию вернулся в Петербург. Впечатления войны составили содержание многих стихов: «Пленный», «Судьба Одиссея», «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года», «Переход через Рейн. 1814» и другие.

Во всех этих стихотворениях условные элементы сентиментально-романтического стиля сочетаются с конкретными чертами реальной действительности. Условны в стихотворении «Переход русских войск через Неман» щиты, брони и копья, условны «полки славян», но до жути реальны чернеющие на снегу трупы убитых.

Снегами погребен, угрюмый Неман спал.
Равнину льдистых вод и берег опустелый
И на берегу покинутые села
Туманный месяц озарял.
Все пусто...
Кое-где на снеге труп чернеет,
И брошенных костров огонь, дымяся, тлеет,
И хладный, как мертвец,
Один среди дороги,
Сидит задумчивый беглец
Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги.
И всюду тишина...

И се, в пустой дали
Сгущенный копий лес возникнул из земли!
Он движется.
Гремят щиты, мечи и брони,
И грозно в сумраке ночном
Чернеют знамена, и ратники и кони:
Несут полки славян погибель за врагом,
Достигли Немана—и копья водрузили.
Из снега возросли бесчисленны шатры,
И на берегу зажженные костры
Все небо заревом багровым обложили.
И в стане царь молодой
И старец-вождь пред ним, блестящий сединою
И бранной в старости красой.

(Переходом через Неман начался заграничный поход русской армии в 1813 году. Царь молодой – Александр I, старец-вождь – М.И. Кутузов)

Стихи и письма Батюшкова поры Отечественной войны и последующих лет – это походный дневник поэта-офицера. С подъёмом и энергией, с большой изобразительной и эмоциональной силой, на которую позднее с восторгом будут оглядываться русские поэты, включая Пушкина, описывал Батюшков переход русских войск через Рейн:

Давно ли земледел вдоль красных берегов,
Средь виноградников заветных и священных,
Полки встречал иноплеменных
И ненавистный взор зареинских сынов?
Давно ль они, кичась, пили
Вино из синих хрусталей
И кони их среди полей
И зрелых нив твоих бродили?
И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..

Стеклись, нагрянули за честь своих граждан,
За честь твердынь, и сел, и нив опустошенных,
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство россиян,
Где ангел мирный, светозарный
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной.
Мы здесь, о Реин, здесь! ты видишь блеск мечей!
Ты слышишь шум полков и новых коней ржанье,
«Ура» победы и вызванье
Идущих, скачущих к тебе богатырей.
Взвивая к небу прах летучий,
По трупам вражеским летят
И вот — коней лихих поят,
Кругом заставля дол зыбучий.
Какой чудесный пир для слуха и очей!
Здесь пушек светла медь сияет за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древние средь копий и мечей.
Там шлемы воев оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легких всадников рои —
В текучей влаге отраженны!
Там слышен стук секир — и пал угрюмый лес!
Костры над Реином дымятся и пылают!
И чаши радости сверкают,
И клики воинов восходят до небес!
Там ратник ратника объемлет;
Там точит пеший штык стальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротик свой колеблет.
Там всадник, опершись на светлу сталь копья,
Задумчив и один, на берегу высоком
Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.
Быть может, он воспоминает
Реку своих родимых мест —

И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает...

(«Переход через Рейн»)

(Переход русских войск через Рейн произошёл во время похода на Париж в 1814 году. Ангел мирный – жена Александра I, баденская принцесса, родившаяся на берегах Рейна).

Видное место занимают у Батюшкова песни воинской удали и отваги, достойные лучших строк боевой музыки русских поэтов. В послании «К Никите» Батюшков пишет об ожидании у костров «дня кровавой драки», о сне под буркой, о громе боя. И далее: «О, зрелище прекрасно!» – о колоннах, сдвинутых как лес, о победе над врагом, об упоении в бою («О радость храбрых!»).

Как я люблю, товарищ мой,
Весны роскошной появленье
И в первый раз над муравой
Веселых жаворонков пенье.
Но слаще мне среди полей
Увидеть первые биваки
И ждать беспечно у огней
С рассветом дня кровавой драки.
Какое счастье, рыцарь мой!
Узреть с нагорных вершины
Необозримый наших строй
На яркой зелени долины!
Как сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гул далекий
И погрузиться до утра
Под теплой буркой в сон глубокий
Когда по утренним росам
Коней раздастся первый топот
И ружей протяженный грохот
Пробудит эхо по горам,
Как весело перед строями
Летать на ухарском коне
И с первыми в дыму, в огне,
Ударить с криком за врагами!
Как весело внимать: «Стрелки,
Вперед! сюда, донцы! Гусары!

Сюда, летучие полки,
Башкирцы, горцы и татары!»
Свисти теперь, жужжи свинец!
Летайте ядры и картечи!
Что вы для них? для сих сердец
Природой вскормленных для сечи?
Колонны сдвинулись, как лес.
И вот... о зрелище прекрасно!
Идут — безмолвие ужасно!
Идут — ружье наперевес;
Идут... ура! — и всё сломили,
Рассеяли и разгромили:
Ура! Ура! — и где же враг?..
Бежит, а мы в его домах —
О радость храбрых! — киверами
Вино некупленное пьем
И под победными громами
«Хвалите господу» поем!..
(«К Никите»)

Но восприятие Батюшковым войны и событий, с нею связанных, часто отличалось от восприятия большинства его современников. Война для него — это не только ряд красивых подвигов и благородных жертв, это собрание жестокостей, вырастающих в весьма уродливую картину. И потому в своих произведениях поэт не только восхваляет воинские доблести и подвиги. Он скорбит, грустно усмехается.

Все пусто...
Кое-где на снеге труп чернеет,
И брошенных костров огонь, дымяся, тлеет,
И хладный, как мертвец,
Один среди дороги,
Сидит задумчивый беглец
Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги.
(«Переход русских войск через Неман 1 января 1813 г.»)

«Эти «мертвы ноги», — замечает исследователь поэзии Батюшкова, — реалистическая деталь, подобную которой трудно найти в поэзии периода Отечественной войны».

В своей военной прозе Батюшков стремится к изображению не «парадной», а повседневной обстановки. Вот описание поля битвы при Лейпциге, наполненное прямо-таки «толстовскими» деталями: «Этот день почти до самой ночи я провел на поле сражения, объезжая его с одного конца до другого и рассматривая окровавленные трупы. Утро было пасмурное. Около полудня полился дождь реками; все усугубляло мрачность ужаснейшего зрелища, которого одно воспоминание утомляет душу, зрелища свежего поля битвы, заваленного трупами людей, коней, разбитыми ящиками...» («Воспоминание о Петине»).

Не традиционным оказался у Батюшкова и образ воина, «ратника». Вот герой элегии «Переход через Рейн» (которую Пушкин назвал лучшим произведением Батюшкова), русский солдат, оказавшийся на великой реке, на границе Франции:

...Быть может, он воспоминает
Реку своих родимых мест —
И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает...

В отличие от Д. Давыдова, Батюшков не стремится к созданию образа героя-гусара. Он отказывается от агитационных начал, пародируя стилистическую эклектику «Певца...» Жуковского (в сатире «Певец, или Певцы в Беседе Славено-россов»). В отличие от Ф. Глинки, он почти не привносит фольклорных, солдатских мотивов в свои стихи. Расходясь с распространенными классицистическими «призывами» и «маршами» («Марш русской гвардии» С. Марина, «Солдатская песня» И. Кованько и др.), он не развивает и традиционных «победных» мотивов. Точность и реалистичность изображения войны, умение в нескольких штрихах раскрыть ее народный характер, передать мироощущение русского солдата — вот характерные черты военной поэзии и прозы Батюшкова. После пережитых военных событий в поэзии Батюшкова начинают звучать ноты разочарования и тревоги, возможно, это были предчувствия близящейся душевной болезни. «И чашу горести до капли выпил он; Казалось, небеса карать его устали», — говорит поэт в «Судьбе Одиссея». Не о своей ли судьбе продолжает он в «Элегии»: Я чувствую, мой дар в поэзии погас, И муза пламенный небесный потушила; Печальна опытность открыла Пустыню новую для глаз.

К прежним темам своей довоенной лирики Батюшков так и не вернулся.

Источники:

- Батюшков, К.Н. Избранная лирика / К.Н. Батюшков; сост., предисл. и примеч. К.В. Пигарева. – Москва: Детская литература, 1979. – 112 с.
- Батюшков, К.Н. Сочинения / К.Н. Батюшков. – Москва: Художественная литература, 1955. – 451 с.
- Батюшков, К.Н. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Опыты в стихах и прозе. Произведения, не вошедшие в «Опыты...» / К.Н. Батюшков. – Москва: Художественная литература, 1989. – 511 с.
- Кошелев, В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти / В.А. Кошелев. – Москва: Современник, 1987. – 351 с.

Всеволод Михайлович Гаршин (1855–1888)

Военно-биографический очерк

По рассказам очевидцев, уже в раннем детстве Всеволод Гаршин отличался поразительной чуткостью ко всему, что его окружало. Близки и созвучны ему были такие возвышенные понятия, как чувство долга, Родина, которой он готовился служить. Под впечатлением разговоров старших о недавно закончившейся Крымской войне (1853—1856) он тоже начинал собираться в «поход»: заказывал повару на дорогу пирожки, собирал немного белья, все увязывал в узелок, надевал его на плечи и являлся прощаться с домашними. «И эти сборы не были игрой, — вспоминал брат писателя Б.М. Гаршин, — мальчик искренне верил в возможность немедленно сделаться солдатом и печальный и грустный приходил он к матери.

— Прощайте, мама, — говорил он, — что же делать, все должны служить».

Как это перекликается с тем, о чем писал зрелый художник, уже побывавший на войне, правда, другой, русско-турецкой (1877—1878), спустя почти двадцать лет! «Я не хотел зла никому, когда шел драться. Мысль о том, что мне придется убивать людей, как-то уходила от меня. Я представлял себе только, как я буду подставлять свою грудь под пули. И я пошел и подставил». Так думает о себе герой рассказа «Четыре дня» — «барин Иванов», как ласково называют его солдаты, — раненый, без помощи лежащий совсем недалеко от убитого им турка.

На протяжении многих веков Османская империя была очагом агрессии и насилия, жертвой которых стали в разное время Армения, ряд арабских стран, а также Балканы. Огнем и мечом турки осуществляли свое владычество. Веками продолжавшаяся освободительная борьба народов стала в XIX в. приносить свои плоды. В 70-х годах наступил час освобождения Болгарии,

Сербии, Черногории. Огромную роль сыграла в этой борьбе Россия, добровольческие отряды которой двинулись на помощь братским народам южных славян.

Всеволод Гаршин настойчиво добивается разрешения на выезд в Сербию. Вначале ему было отказано. Он пишет стихотворение «Перед разлукой», в котором выражает чувства добровольцев, едущих «на смерть за братьев».

Друзья, мы собрались перед разлукой;
Одни — на смерть идут,
Другие, с затаенной в сердце мукой,
Прощанья часа ждут.
Зачем печаль, зачем вы все угрюмы,
Зачем *так* провожать?..
Друзья, тоскливые гоните думы:
Вам не о чем вздыхать!
Мы не идем по прихоти владыки
Страдать и умирать;
Свободны наши боевые клики,
Могуча наша рать,
И не числом солдат, коней, орудий,
Не знанием войны,
А тем, что в каждой честной русской груди
Завет родной страны!
Она на смерть за братьев нас послала,
Своих родных сынов,
И мы не стерпим, чтоб она сказала:
«Бежали от врагов!»
Мы победим или в бою погибнем,
Как вождь наш обещал,
И доблести славянской столп воздвигнем,
Какого мир не знал..
(Сентябрь 1876 г.)

В день, когда появился указ об объявлении войны Турции, Гаршин и его институтский товарищ Афанасьев готовились к экзаменам. Немедленно были отложены книги, и друзья пошли записываться добровольцами.

Решение начать войну против Османской империи для Российского правительства было вынужденным. Его пришлось принять в результате безуспешной дипломатической борьбы с правительствами Англии, Франции и Османской империи. Кроме того, России было важно оказать поддержку

славянским народам, нуждавшимся в помощи. В конце XIX века Османская империя была очень слаба. Единственный способ, которым она могла усмирять борющиеся за свою независимость славянские народы, было жестокое подавление. Известное выражение У. Черчилля «У Англии нет ни друзей, ни врагов. У Англии есть свои интересы» исчерпывающе характеризует действия правительств Англии и Франции, которые поддерживали жестокие репрессии в Османской империи просто по той причине, что им было невыгодно образование на юго-востоке Европы сильного славянского государства. Единственной страной, которая могла освободить славянские народы, была Российская империя.

Для Гаршина уход на войну был осмысленным решением, окончательно укрепившим его жизненную позицию. В письме к матери на 9-10 апреля 1876 г. он пишет: «Герцеговинцы еще выше подняли свое знамя, Бог им помочь! Зачем не могу я делать, что хочу, не быть там, где я сознавал бы, что приношу хоть каплю пользы, хоть кровью своею». «...Я не могу,— пишет он матери,— прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули». В письме к Н.С. Дрентельну на 18 апреля 1876 г. он еще более решительно выражает свое отношение к войне: «За сообщение новостей из профессорского мира весьма благодарен, хотя, по правде сказать, электрофорная машина Теплова и соединение химического и физического обществ интересуют меньше, чем то, что турки перерезали 30 000 безоружных стариков, женщин и ребят. Плевать я хотел на все ваши общества, если они всякими научными теориями никогда не уменьшат вероятности совершения подобных вещей». Из следующего письма к Дрентельну: «Если бы ты знал, каково у меня на душе, особенно со времени объявления войны...».

И вот студенту второго курса Горного института пришла пора «послужить».

В Кишиневе его зачисляют в качестве вольноопределяющегося в Болховский полк — и на следующий день вместе со всеми он выступает в трудный изнурительный поход. В.Г. Короленко как-то заметил, что история Гаршина — это живая страница истории русской «интеллигентской души». Сказано это было тогда, когда жизненный путь Гаршина был давно завершен, но продолжали жить многие злободневные вопросы 80-х годов. И прежде всего — вопрос об отношении интеллигенции к народу. Гаршин не остался в стороне от народничества, но он избрал путь к народу — в солдатской шинели. Солдаты — это тот же народ, говорил он, только надевший серую «амуничку».

На войне он глубоко постиг характер простого русского человека, его героизм и самоотверженное служение идеалам братства. Сам изнывающий под гнётом у помещика, а в армии притесняемый и оскорбляемый господами

офицерами, русский крестьянин в солдатской шинели являл собой пример душевной стойкости и красоты духа. Здесь, на войне, Гаршину еще нагляднее открылись социальные противоречия русской действительности, трагическая рознь между рядовыми солдатами, воплощающими страдающую и угнетенную народную Россию, и противостоящим им офицерством, в котором представал весь правящий, монархический, помещичий строй. Говоря о горестных, тяжких впечатлениях от войны, Гаршин сообщал матери: «Что хотелось бы передать, то можно передать только лично».

Война на Балканах пользовалась сочувствием подавляющей части русского общества. Решение Гаршина — вчерашнего студента — быть в трудную минуту вместе с простым русским солдатом отвечало его самым заветным желанием. Сослуживец Гаршина по полку подпоручик В. Сахаров запомнил слова писателя накануне сражения при Аясларе: «Опять льется кровь, опять убитые, опять стоны раненых... Впрочем, это нужно... Неизбежно... Нужно же, наконец, дать свободу славянству, изнывающему в турецком рабстве. И чем купить ее, эту свободу, как не страданиями?!»

Созданный позднее рассказ «Из воспоминаний рядового Иванова» дает представление о переживаниях юного Гаршина на войне. Никогда не отличавшийся крепким здоровьем, он стойко переносит многокилометровые переходы под палящим солнцем, вместе с солдатами испытывает все невзгоды трудного марша, подробно описанные в документальном очерке «Аясларское дело». «Через четверть часа мы выступили. От Ковачицы до Попкиоя всего верст 9 - 10. Но хотя мы шли и налегке, без ранцев, а только с шинелями, перекинутыми через плечо, с закатанными в них палатками, эти 10 верст нас совершенно измучили. Жара была смертная, больше 35 градусов в тени, и ни малейшего ветерка. Как будто бы все умерло: кукуруза не шелестела своими еще темно-зелеными листьями; ветви и листья попадавшихся нам грушевых деревьев были неподвижны. Ни одной птицы не увидели мы во все время перехода. Солдаты изнемогали уже после четырех верст пути. Когда, на полудороге, нам дали отдых у колодца, люди, едва успев составить ружья, буквально попадали на землю»... «Дав отдохнуть полчаса, майор Ф. повел нас далее. Чем ближе мы подходили к Попкию, тем становилось труднее и труднее. Солнце пекло с какою-то яростью, будто торопилось допечь нас, пока мы еще не пришли на место и не спрятались от жары в палатки. Некоторые не выдержали этой ярости: едва бредя с опущенною головою, я чуть не споткнулся об упавшего офицера. Он лежал красный, как кумач, и судорожно, тяжело дышал. Его положили в лазаретную фуру.

Полутораверстный подъем из долины, по которой мы шли на правый склон ее, показался нам хуже всей дороги. Запахи, дающие себя знать при приближении ко всякому лагерю, еще прибавляли духоты. Как дошел я – решительно не помню, но все-таки дошел; другие были менее счастливы. Едва таща ноги, мы перестроились в порядок, в котором должны были расположиться на отдых, и, едва стоя на ногах, дождались, наконец, благословенного возгласа майора Ф.: «Составь!» То есть составь ружья и делай, что тебе угодно». Мысль о возможности смерти или ранении не пугает Гаршина. Совсем иные настроения овладевают им: «Никогда не было во мне такого полного душевного спокойствия, мира с самим собой и кроткого отношения к жизни, как тогда, когда я испытывал эти невзгоды и шел под пули – убивать людей».

В Аясларском бою Гаршина ранило в ногу. В реляции было сказано: «Рядовой из вольноопределяющихся Всеволод Гаршин примером личной храбрости увлёл своих товарищей в атаку и тем способствовал успеху дела». А бросился и увлёл, говорится в истории 138-го пехотного Болховского полка, в котором служил Гаршин, потому, что увидел тяжело раненного солдата своей роты Степана Фёдорова, увидел – и не мог не броситься, не помочь, сам рядом с тем солдатом не лечь. Чужая боль...

Детальное описание боевой обстановки дано в документальном очерке Гаршина «Аясларское дело». «Турецкие стрелки были от нас шагах в восьмистах, так что наши ружья вряд ли делали им большой урон. Кроме того, целый ряд турецких орудий стоял от нас шагах в 1200 – 1500 и засыпал нашу слабую цепь гранатами. Хотя пули убивают и ранят гораздо больше, но сильнейшее нравственное действие производят гранаты. Я лежал, понемногу постреливал, советуясь иногда с Павлом Игнатьевичем (капральный) о высоте прицела и не стрелять ли нам на авось в артиллерию. Пули визжали все чаще и чаще, наконец отдельных выстрелов вовсе не стало слышно: все слилось в какое-то жужжанье. Гранаты летели, визжа, издали; когда они приближались, то уже не визжали, а скрежетали и хлопали, разрываясь и обдавая людей осколками и землею. Я приподнялся посмотреть, что делается у нас в цепи. Лежавшие изредка дико вскрикивали, стоявшие за деревьями и на коленях падали иногда с криком, иногда молча. Гаврило Васильич только что выступил и, заряжая ружье, повалился ничком: осколок гранаты ударил ему в пах, вырвав внутренности. Раненые, кто мог, уползали, большею частью молча; впрочем, быть может, их крика и не было слышно за шумом боя.

Я начал стрелять снова. Турки собрались внизу котловины, на другом краю которой стояла их артиллерия, в колонны и шли на наши цепи в атаку.

Прицеливаться стало ближе. Павел Игнатьевич методично заряжал и стрелял. Я также не жалел патронов, потому что целить было удобно. Темные фигуры с красными головами, шедшие на нас, падали, но все-таки шли. Вдруг красные головы исчезли: не знаю, неровность ли почвы или кусты закрыли колонну. Потеряв цель вблизи, я снова стал стрелять вдаль, в массы, стоявшие на дне котловины, и едва успел заметить, что и Павел Игнатьевич и софийский солдат исчезли, и всей нашей цепи уже не было. Я обернулся назад: солдаты сбегались в кучки и жарким ружейным огнем встречали наступающих турок. Я был один между нашими и турецкою колонною.

Что мне было делать? Не успел этот вопрос мелькнуть в голове, как около меня раздалось мое имя. Я опустил глаза – у моих ног лежал Федоров, молоденький солдат нашей роты, побывавший в Петербурге, хвативший цивилизации и выражавшийся почти литературным языком. Теперь он лежал белый, как эта бумага; из разбитого плеча волною текла кровь.

– В.М., батюшка, дайте пить. Унесите, унесите, – жалобно просил он. Я забыл все – и турок и пули. Одному мне нечего было и думать поднять рослого Федорова, а из наших никто не решался выскочить на тридцать шагов, даже для того, чтобы поднять раненого, несмотря на мои отчаянные вопли. Увидав офицера, молоденького прапорщика С., я начал кричать и ему:

– П.П., помогите! Никто не идет; помогите хоть вы! Может быть, С. и пришел бы, но пуля свалила его. Я чуть не заплакал... Наконец два солдата, кажется нашей роты, кинулись ко мне. Мы взяли Федорова, не перестававшего жалобно повторять: «унесите, голубчики, Христа ради», – я за ноги, двое за плечи; тотчас же они опустили его на землю.

– Турки, турки! – кричали они, убегая. Федоров был мертв. Я обернулся: в двадцати шагах от меня остановилась турецкая колонна, смутившаяся, испугавшаяся наших штыков... Через минуту что-то ударило меня будто огромным камнем. Я упал; кровь лилась из ноги струею. Помню, что тут я вдруг сразу вспомнил все: родину, родных, друзей, и радостно подумал, что я еще увижу их».

Гаршин долго лечился и по выздоровлении вышел в отставку. Солдаты, полюбившие юного добровольца, долгое время вспоминали его рассказы и беседы с ними о доме, о родине. Друг Гаршина художник М. Малышев, также бывший на фронте, писал позже: «Мои воспоминания о нём – панегирик ему, и панегирик этот я слышал и в Болгарии от солдатиков – сослуживцев покойного... Помню я как искренне жалели солдатики нашей 5 роты, что не отдали своего ротного креста Гаршину, надеясь, что он получит именно

Георгий, к которому был представлен за личную храбрость и которого почему-то всё-таки не получил, несмотря на двухкратное представление».

«Все-то он знал,— вспоминали солдаты,— все-то рассказать мог, и сколько он нам историй разных пересказал на походе! Изморимся, язык высунем, еле ноги волочим, а ему и горюшка мало, снует промеж нас, с тем покалякает, с другим... Чудной такой, живой! Славный барин, душа!» Еще до принятия участия в бою, Гаршин пишет: «Драться будем хорошо. Солдатское настроение серьезное, спокойное; но никто из солдат не побежит, за это я ручаюсь».

После своего первого и последнего боя Гаршин находится в еще более приподнятом настроении: «Лежу я в 56 военном госпитале. Так как В., вероятно, описывал вам бой, то о нем умолчу. Могу сказать, что мы лицом в грязь не ударили. Я удивился сам своему спокойствию: жаркий спор с вами из-за жидов (в былые времена) производил во мне гораздо большее волнение».

Незадолго до первого боя Гаршин в своих рассуждениях окончательно формулирует свое понимание и войны, и революционной деятельности: «Во мне явилась совершенная уверенность в том, что я благополучно вернусь. Если это будет так, я не пожалею, что пошел воевать. Столько нового узнал я, как изменилось мое отношение к различным предметам <...> Я ясно сознаю теперь громадность мира, с которым пытается бороться кучка людей». Война же из этих строчек предстает как особая школа жизни.

Там же, в Болгарии, находясь на лечении, Гаршин начал писать свой первый рассказ «Четыре дня», основанный на истинном происшествии, закончив его уже в Харькове, куда вернулся с театра военных действий. Вскоре рассказ появился в «Отечественных записках».

В основе рассказа «Четыре дня» лежит история раненого солдата. Русский рядовой из интеллигентов убивает в штыковой атаке солдата турецкой армии и тяжелораненный четыре дня лежит рядом с убитым, страдая от раны, жажды, палящего солнца, нестерпимого трупного смрада и больше всего от укоров собственной совести.

В своей автобиографии Всеволод Михайлович писал: «Поводом к этому послужил действительный случай с одним из солдат нашего полка (скажу кстати, что сам я ничего подобного никогда не испытывал, так как после раны был сейчас же вынесен из огня». Гаршина эта история могла привлечь, прежде всего, своей исключительностью (эта ее исключительность, к слову сказать, также обуславливала и огромную популярность гаршинского рассказа): очнувшийся раненый солдат видит перед собой убитого им врага, сначала он продлевает себе жизнь, благодаря тому, что находит у врага флягу с водой, а

после этого лежит и наблюдает, как гниет его труп, не имея при этом сил от него отползти, и так продолжается в течение четырех дней.

Смысл рассказа сложен: он не только в прямом осуждении войны, но еще в горестном осознании трагической неустроенности жизни, повсеместного торжества зла. Эти две темы постоянно пересекаются. Война предстает как ужас, как выражение всеобщего бедствия, царящего на земле, как нечто противостоящее разуму, здравому смыслу. Вначале герой рассказа захвачен общим делом, войной. Его как личности нет, нет и врага как человека, о нем еще можно сказать, убив его: «что-то не то зарычало, не то застонало».

Но вот герой ранен, он не может двигаться, ему принадлежит «только маленький кусочек земли» и небо над ним, а на этом кусочке их двое: он и убитый им враг. Вода, оставшаяся во фляге убитого, может спасти того, кто его убил. За что же и почему они хотели смерти друг другу? Теперь, когда они лежат рядом, раненый понимает то, чего не понимал раньше: он убил человека, который был чьим-то сыном, работником, кормильцем. «Он и не слышал ни о России, ни о Болгарии. Ему велели идти, он и пошел. Если бы он не пошел, его стали бы бить палками». Неужели весь смысл того, что сделал он, Иванов, на войне, только в том, что им совершено это убийство? Война предстает как цепь бессмысленных действий, большинство ее участников «остались бы дома, если бы им позволили». Но ведь сам-то Иванов пошел на войну в числе «сознательных»! Значит, видел смысл, который ускользает от него сейчас, в предсмертных размышлениях? Сравнима ли его возможная смерть со смертью собачки, попавшей под вагон конки и добитой дворником? Война — это «скелет в мундире», или это еще и «добрые голубые глаза» ефрейтора, радующегося, что спас товарища? Гаршин не отвечает на эти вопросы в «Четырех днях», но он снова и снова ставит их в своих произведениях, посвященных войне. Так или иначе, весь рассказ «Четыре дня» пронизан ненавистью к войне — бессмысленной и жестокой, губящей ни в чем не повинных людей и не могущей решить ни одной важной социальной проблемы.

В рассказ не даром включён небольшой и вроде бы сторонний эпизод о самоубийстве доктора, не вынесшего чужих мучений, — совесть не давала спокойно жить!.. Разделив общее горе человек не так остро чувствует свою вину за него, но ужас в том, что «общее дышло» ни от чего, кроме как от страданий одной собственной совести не избавляет, всё остаётся по-прежнему: война, страдания, смерть.

Символическое изображение войны в рассказе Гаршина перекликается с образом войны, запечатлённом на полотнах русского художника-баталиста

В.В. Верещагина. Его картина «Апофеоз войны» (1871-1872), изображающая груды черепов, – суровое обличение жестокости войны.

Рассказ имел потрясающий успех и сразу же сделал имя его автора широко известным. После его публикации Тургенев писал Гаршину из Франции: «Каждый стареющий писатель, искренне любящий свое дело, радуется, когда он открывает себе наследников. Вы из их числа».

И. Ясенский писал: «Всеволод Гаршин сразу завоевал себе громкое имя и привлёк к себе внимание читателей не только потому, что обнаружил крупное дарование... но и потому, что он сам был на войне, и образ писателя сливался в нём с образом героя».

Один из критиков того времени В. Буренин, отзываясь в целом положительно о рассказе, высказал мысль о том, что художественная сторона рассказа слаба и он интересен, прежде всего, как правдивое и точное описание действительности. Такая критика крайне не понравилась Гаршину. Разумеется, критик не знал предыстории написания рассказа. Если бы он был с ней знаком, то он, прежде чем делать какие-либо выводы, поставил для себя важный вопрос; в чем состоит художественная сторона произведения? По мнению Короленко, она состоит в гаршинском умении вложить собственные мысли и чувства в сюжет истории раненого солдата. То есть получается, что Гаршин как бы пересказывает сюжет услышанной им истории, наделяя его собственными комментариями. Что вообще мог мыслить и чувствовать герой в подобной исключительной ситуации? Неужели человек, как пишет Гаршин, имевший романтические представления о войне, после первого же боя очнувшийся рядом с убитым им человеком, может прийти к каким-либо другим мыслям, кроме как насмешки над собой и мыслям об ужасе войны?

Ответ на этот вопрос может дать необычное, на первый взгляд, сравнение Гаршина и Ремарка. В творчестве этих писателей встречается два абсолютно схожих эпизода, такое совпадение уникально в своем роде. Герой Ремарка, придя в сознание, видит перед собой едва живого француза, он понимает, что француз – это его жертва. Спустя некоторое время француз умирает, с этого момента появляются по сути две совершенно одинаковые ситуации. Однако какой-либо пафос в этом эпизоде у Ремарка совершенно отсутствует. И это обусловлено не только художественным своеобразием романов Ремарка, но и некоторыми обстоятельствами, отличающими эпизод Ремарка от эпизода Гаршина. Во-первых, герою Ремарка не в чем корить себя, называть себя «юродивым», он совершенно реалистично смотрит на войну. Об этом говорит тот факт, что, видя, что француз еще не умер, он пытается его перевязать, но делает это не из благородных побуждений, а в надежде на то, что если их

первыми найдут французы, то они оценят этот его поступок и позаботятся о нем. Во-вторых, герой Ремарка лежал рядом со своей жертвой не более одного дня и в гораздо более приемлемых условиях.

Вопросы, которые решают герои произведений Гаршина, всегда важные, всегда те, которые определяют их судьбу. В рассказе «Трус» таким вопросом становится отношение к войне. Человек и война. Рассказ ведется от первого лица, лишь в финале в повествование вступает автор. Такая структура придает рассказу особенный драматизм. Повествование начинается смятенной фразой: «Война решительно не дает мне покоя». Рассказчик не может воспринимать происходящее на войне отвлеченно, за цифрами сводок об убитых и раненых перед ним встают реальные люди. Война представляется ему кошмаром, которому никогда не будет конца: «...нынешняя война — только начало грядущих, от которых не уйду ни я, ни мой маленький брат, ни грудной сын моей сестры». Ничто не может освободить от участия в войне — ни ум, ни доброта, ни духовная свобода.

Рассказчик осознает, что простым отрицанием войны проблема еще не будет решена, и он уточняет свою позицию: «Я не рассуждаю о войне и отношусь к ней непосредственным чувством, возмущаемым массой пролитой крови». Герой рассказа не трус, как назвали его в пустом разговоре, он не боится смерти, он только хочет понять, зачем эти страдания. И для того чтобы можно было понять, Гаршин вводит в рассказ еще одну сюжетную линию: смерть от гангрены влюбленного, полного жизни человека, студента Кузьмы. «Смерть всегда будет смертью, — размышляет рассказчик, — но умереть среди близких и любящих, или валяясь в грязи и собственной крови, ожидая, что вот-вот приедут и добьют, или наедут пушки и раздавят, как Червяка...» Ужасна смерть даже одного человека, даже умершего в спокойной, домашней обстановке, как же должна быть ужасна смерть тысяч вдали от дома и близких!

«Непосредственному чувству» рассказчика противостоит, однако, другое восприятие той же проблемы. Марья Петровна, героиня рассказа, также не может ничего сформулировать логически, она понимает, что «война — зло», но она сознает и другое: «Война есть общее горе, общее страдание, и уклоняться от нее, может быть, и позволительно, но мне это не нравится». Не нравится, потому что прекратить войны совсем она не видит способа, а не участвовать в том, что представляется ей и неизбежным, и всенародным страданием, — это предательство по отношению к другим людям, ведь «если не пойдете драться вы, возьмут другого».

Конкретное представление рассказчика о войне сталкивается с позицией Марьи Петровны, и на первый план выдвигается в результате мысль о личной

ответственности: если не пойдет один, то пойдет другой, точно такой же человек, так же заключающий в себе целый мир, как он, как только что умерший Кузьма. Тогда по какому же праву другой, а не ты? Решение проблемы войны должно быть глобальным,— логикой рассказа убеждает Гаршин. Если же она решается на уровне отдельной личности, неизбежно возникает проблема индивидуальной ответственности человека. И рассказчик идет на войну. «Огромному неведомому тебе организму, которого ты составляешь ничтожную часть, захотелось отрезать тебя и бросить», — так воспринимает он свое решение.

Закончена лирическая, напряженная часть «Труса», рассказчика больше не слышно. Он слился с солдатской массой, и лишь позднее читатель узнает о его гибели. В рассказе «Трус» весь ужас перед войной, который испытывает главный герой, имеет непосредственное объяснение в художественной реальности, созданной Гаршиным. Его герой обладает более глубоким видением жизни, и это его сильно отличает от обывателя: «Другой спокойно читает: «Потери наши незначительны; ранены такие-то офицеры, нижних чинов убито 50, ранено 100». И еще радуется, что мало; а у меня при чтении такого известия тотчас появляется перед глазами целая кровавая картина». Можно говорить, что его видение войны совпадает с видением войны Гаршиным, который также ужасался огромному количеству убитых мирных жителей, «стариков, женщин и ребят».

Тем не менее, несмотря на такое восприятие войны, герой Гаршина, так же, как и сам Гаршин, принимает решение идти на войну. Но если для Гаршина это попытка принести хоть «каплю пользы», если решение идти на войну принесло ему душевное спокойствие и впоследствии полную уверенность в правильности своего выбора, то совершенно иначе развивается история его героя. Слова, которыми он объясняет свое решение идти на войну, носят пророческий характер: «Война — зло; и вы, и я, и очень многие такого мнения, но ведь она неизбежна; любите вы ее или не любите, все равно она будет, и если не пойдете драться вы, возьмут другого, и все-таки человек будет изуродован или измучен».

Короленко, объясняя причину гибели гаршинского героя, пишет, что «Трус» так и унес на войну непримиримое противоречие, с которым и погиб. Сам Гаршин нашел примирение, подняв вопрос в некоторую высшую инстанцию. Эта инстанция — народ, участие в его стихийном безрефлексивном движении. «Стоит окунуться в этот поток — личная ответственность сразу исчезнет в стихийной безответственности народа». Герой Гаршина так же, как и Гаршин, близок к народу. Перед походом он беседует с солдатами-земляками

о родном городе и о предстоящей войне с турками. Перед своей смертью он также вступает в беседу с солдатами, в которой солдаты выражают к нему свою симпатию: «Вы меня держитесь, ежели что. Уж я бывал, знаю. Ну да у нас барин молодец, не побегит».

В рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова», описывая военный поход, Гаршин, действительно, изображает трудности войны. Мы находим такие строчки: «Люди задыхались. На беду, колодцы были редки, и в большей части их было так мало воды, что голова колонны (шла целая дивизия) вычерпывала всю воду, и нам, (...) доставалась только глинистая жидкость, скорее грязь, чем вода. Когда не хватало и ее, люди падали. В этот день в одном нашем батальоне упало на дороге около девяносто человек. Трое умерло от солнечного удара». Но далее, Гаршин не приводит пафосных антивоенных размышлений, напротив, он выражает терпимое отношение к войне. Заканчивает данный эпизод Гаршин такими строчками: «Я выносил эту пытку сравнительно с другими легко...» и далее герой рассуждает о том, почему поход давался ему легче, чем другим.

В рассказе есть еще ряд характерных эпизодов, где автор избегает антивоенного пафоса и выражает терпимое отношение к войне. Например, эпизод, где Гаршин описывает голод, который пришлось испытать солдатам, еще до принятия участия в «деле». Солдаты варили «отвратительную похлебку из кислых яблок, ели ее и заболевали от нее. Батальоны таяли, хотя и не были в деле». И в конце данного эпизода: «Все были мрачны, и всем хотелось идти в дело. Все-таки это был исход. Наконец, он наступил». Подобным образом Гаршин описывает войну в письме к Малышеву 1 июня 1877 г.: «Сделанный поход был нелегко (...) В один день из нашего батальона упало на дороге до 100 человек: по этому факту можете судить о трудности похода. Но мы с В. держимся и не плошаем».

Автобиографичность этого рассказа ярко показывает и такое его сходство с письмами Гаршина. В письме к матери на 21 июля 1877 г. он пишет: «Наши потери тоже немалы: 2-я стрелковая рота потеряла убитыми и ранеными 52 человека! Правда, она пострадала больше других».

В конце рассказа мы читаем:

«– Венцеля видели? – спросил он.

– Нет еще.

– Пойдите к нему в палатку, позовите к нам. Убивается человек. «Пятьдесят два! Пятьдесят два!» – только и слышно». Любопытно, что война, которая, несмотря на ее миротворческие цели, проходит в тысячах километрах от родной земли, Гаршиным описывается, как народная.

Из рассказа: «Знали мы только, что турку бить идем, потому что он много крови пролил. И хотели побить турку, но не столько за эту неизвестно чью пролитую кровь, сколько за то, что он потревожил такое множество народа, что из-за него пришлось испытывать трудный поход (которую тысячу верст до него, поганого, тащимся!) Турка представлялся бунтовщиком, зачинщиком, которого нужно усмирить и покорить». В своих письмах Гаршин, видя перед собой красоту Болгарии, пишет: «Какая страна, какая природа! Виноград, абрикосы, персики, миндаль, грецкий орех. Всего много. Можно было бы здесь устроить рай земной, а что делается теперь!». Но за этими строчками скрывается отнюдь не неприятие войны, а еще большая ненависть к туркам, разрушающим этот земной рай. Он с жестокой иронией пишет о них: «Убитые турки – рослые ребята, сытые и толстые. Раны на них жестокие: у одного четверть черепа снесена прикладом. Ружья у них изогнуты дугою: так дрались наши!». Отношение Гаршина как к самой войне, так и к врагу, носит глубоко продуманный характер, и за, порой, довольно эмоциональными его высказываниями стоят не столько временные впечатления, сколько месяцами вынашиваемые им мысли.

Гаршин смог принять и показать войну, такой, какая она была. Он смог подойти к ее оценке без идеологической «прогрессивной» предвзятости, он смог показать ее ужас и ее необходимость. Не считая пухлых записок Вас. Немировича-Данченко и Н. Каразина об этой войне, о генерале Скобелеве, рассказы Гаршина явились первым глубоко художественным и правдивым свидетельством о событиях на Балканах.

Они свидетельствовали о рождении будущего создателя народного эпоса о войне. Всеволод Гаршин во многом следует за Толстым, за его «Войной и миром». Все больше центр повествования переносится им от жизнеописания судьбы одиночки к картинам громадных людских масс, объединенных в едином порыве. Почти все герои военных рассказов Гаршина носят фамилию Иванов («Четыре дня», «Денщик и офицер», «Из воспоминаний рядового Иванова»). В двух рассказах действуют прапорщик Стебельков, фельдфебель и солдат Житков. И дело здесь не в рассеянности писателя, как считали некоторые критики, но несомненно в желании автора подчеркнуть типичность взятых им персонажей, единство материала, на основе которого они созданы.

Рассказы Гаршина о войне — это застывшие фрески, запечатлевшие лишь отдельные фрагменты громадной панорамы. Однако писатель сумел отразить в них почти все, что несет в себе война: и ярость штыковой атаки, и бестолковость генералов, и взаимное отчуждение офицеров и солдат, и вечно побеждающую народную правду.

Лев Толстой очень высоко оценивал все рассказы Гаршина, написанные о войне. Но особо он выделял рассказ «Денщик и офицер», в котором несмотря на кажущуюся неоднородность глуповатого молодого «барина» и бестолкового денщика Никиты, каждого со своей жизнью, каждого со своими снами (прапорщику Стебелькову снятся балльные танцы в освещенной зале, а Никите — смерть всех близких, и жены, и отца, ужас своего положения в полку), Гаршин смог увидеть нечто общее в их судьбах — одинаковую возможность быть убитыми.

«Денщик и офицер» должен был послужить началом обширной хроники под общим названием «Люди и война». Это уже не рассказ-размышление, а скорее социологический очерк, зарисовка двух типов: денщика Никиты и его офицера Стебелькова. Облик Никиты жалок: он похож на обезьяну; Никита неумен, ничему его, кажется, не могут научить. Но про себя он «очень хорошо знает, что такое солдат и что такое знамя; он готов со всевозможным усердием исполнять свои солдатские обязанности и, вероятно, отдал бы жизнь, защищая знамя; но изложить по-книжному, обстоятельно, как требует того словесность, что такое знамя,— выше его сил». Хозяин Никиты Стебельков — человек добрый, недалекий, вполне довольный своей жизнью. Так и существуют вместе — «смирный», как все его справедливо называют, Никита и Стебельков, который «был совершенно счастлив». Ничего особенного с ними не происходит, жизнь течет пустая и вялая у обоих. Вот только сны у них разные: Стебельков видит себя генералом, героем бала, видит свою гибель на войне, а Никите снится родная изба и кто-то из деревенских знакомых, говорящий ему: «Твоих, брат, никого нету, всех бог прибрал! Все померли».

Не случайно Гаршин снами кончает первый рассказ из задуманной серии: психологическое своеобразие и человеческая судьба героев отразились в них вполне обнаженно. Социальный контраст между барином и мужиком выражен с пронзительной и трагической силой. Высоко оценил рассказ и Тургенев. Журнальная публикация «Денщика и офицера» завершилась пометой: «Продолжение следует». Но никакого продолжения не последовало. К творческой деятельности Гаршин смог вернуться не скоро. Почти через два года.

Рисуя портреты солдат и армейских офицеров, Гаршин выделяет из них одного — штабс-капитана Венцеля. От других офицеров Венцель отличается образованностью, сильной волей и жестокостью по отношению к солдатам. Причем жестокостью сознательной: когда-то Венцель, как он признаётся, «старался действовать словом», но «всё, что осталось от так называемых хороших книжек, столкнувшись с действительностью, оказалось

сентиментальным вздором». Теперь Венцель беспощаден. «Зверь!» – называют его солдаты. Венцель отрицает, что бьёт солдат из жестокости, просто он убеждён, что слово солдатам непонятно, «они чувствуют только физическую боль». В разговоре с Ивановым он говорит презрительно: «Разве можно иначе с этими...». Венцель не договаривает, не произносит слова «люди». Для этого человека солдаты становятся людьми лишь перед лицом смерти. Когда перед телами погибших Иванов гневно кричит Венцелю: «Они не солдаты, не подчиненные! Они — люди!» — Венцель отвечает ему: «Да, Иванов, вы правы. Они люди... Мертвые люди». В бою Венцель преображается, и солдаты забывают о его жестокости, потому что там они равны, там они одинаково могут погибнуть. Венцель, рыдающий о погибших солдатах своей роты, — это уже не только реалистический образ, это и символ надежд Гаршина на лучшее в человеческих душах, хотя и просыпается это лучшее тогда, когда ничего уже не исправишь.

Гаршин был именно таким художником, для которого человеческая боль и страдания являлись главным содержанием жизни и творчества, источником живых образов, которые поражали сознание современников. Он написал немного, но, по собственному его признанию, каждая буква стоила ему капли крови.

Источники:

- Гаршин, В.М. Избранное /В.М. Гаршин. – Москва: Современник, 1982. – 366 с.
- Машинский, С. «Талант – человеческий» / С. Машинский // Гаршин В.М. Рассказы / В.М. Гаршин. – Москва: Советская Россия, 1976. – С.5-24.
- Пряничников, Е. К изучению биографии и творчества Вс.Гаршина / Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2008/06/15/224> . – 16.10.2014.

Федор Николаевич Глинка (1786/84 – 1880)

Военно-биографический очерк

Федор Николаевич Глинка принадлежит к старшему поколению поэтов-декабристов. Он принимал участие в войнах с Наполеоном, сражался под Аустерлицем, участвовал в Бородинской битве 1812 года, в заграничных походах русской армии; окончил войну в чине полковника и был награжден золотым оружием за храбрость. Глинка боролся за освобождение родины и как

воин, и как поэт. Им были написаны «Военная песнь», «Солдатская песнь», «Песнь сторожевого воина пред Бородинскою битвою», стихи о партизанах Давыдове, Сеславине, Фигнере. Впитавшие в себя традиции солдатского фольклора, эти безыскусные, искренне-взволнованные произведения сложились в своеобразную поэтическую летопись героической эпохи русской истории. Они воспевают решимость погибнуть, но не склонить голову перед захватчиком и тираном. В известном смысле эти стихи стали источником позднейшей гражданской лирики Глинки – участника тайных обществ. В том же ряду стоят и «Письма русского офицера», благодаря которым Глинка стал знаменитым писателем.

Точная дата рождения Федора Николаевича Глинки до сих пор не установлена. В некрологе его, помещенном в Тверских епархиальных ведомостях в 1880 году, сказано, что он умер девяноста шести лет от роду, и, стало быть, родился в 1784 году. В словаре Толя указан год его рождения — 1788-й; тверской друг и биограф Глинки А.К. Жизневский называет 8 июля 1786 года. В формулярном же списке, хранившемся в Тверском губернском правлении и составленном в 1830 году, сказано, что полковнику Ф.Н. Глинке 40 лет, значит, родился он в 1780 году.

Родитель будущего поэта, дворянин Николай Ильич Глинка, женатый на Анне Яковлевне, урожденной Шаховской, владел небольшим имением Сутоки в Смоленской губернии. По обнаружении указа о вольности дворянства он поселился в деревне, занимался хозяйством и воспитывал сыновей — Сергея, Федора и Григория. В 1781 году Смоленскую губернию посетила императрица Екатерина II, которая после встречи с местным дворянством сама записала старшего сына Глинки, Сергея Николаевича, в Сухопутный шляхетский кадетский корпус. В этот же корпус через несколько лет направили и Федора Глинку, который успешно окончил его в 1803 году. Два события на всю жизнь отложились в сознании молодого человека в бытность его в кадетском корпусе и сразу же по окончании его и во многом определили его дальнейшую судьбу. Первым был, как писал сам Глинка в своих воспоминаниях, данный им обет говорить всегда только правду — при любых условиях, любых обстоятельствах, обет, который Федор Николаевич держал до последних дней своей жизни. Вторым событием была встреча его уже прапорщика, с генералом графом Михаилом Андреевичем Милорадовичем, учеником Суворова, одним из самых одаренных военачальников того времени. Обратив внимание на Глинку во время одного из строевых смотров, генерал вскоре взял его в личные адъютанты, не смотря на то, что молодой человек рассказал ему о своём зароке говорить только правду.

В составе Апшеронского полка Федор Глинка принимает участие в войне 1805—1807 годов с Наполеоном. Первые бои, первые встречи с «летающей повсюду смертью», «которая попирала стопами все величие мирское». 24 октября 1805 года в битве при Браунау, находясь на передовой, Глинка чуть не погиб. Посланный на передовую с поручением Милорадовича, на обратном пути он попал под мощный обстрел вражеской артиллерии. То памятное сражение в буквальном смысле с переменным успехом шло несколько дней и окончилось победой русских войск. Среди военнослужащих, особо отмеченных за мужество главнокомандующим, был и прапорщик Фёдор Глинка. А чуть позже, 29 октября, он участвовал в бою в составе Апшеронского полка, прорвавшего передовую оборону и «доставшего победу концом своего штыка». В штыковой бой ходил он и при Аустерлице.

За время военной кампании однополчане узнали Глинку как храброго офицера, верного товарища и надёжного адъютанта. Но для многих оставалось тайной то, что прапорщик ещё и писатель. Хотя на привале и в перерывах между боями он постоянно делал какие-то заметки в походной тетради.

Возвратясь в Россию, Федор Николаевич подает в отставку по болезни и поселяется в Сутоках, будучи здесь сотенным начальником дворянского ополчения. В имении он приводит в порядок свои военные записи, и в 1808 году в Москве выходят в свет его «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях и Венгрии с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг.». К тому же времени относятся и первые стихотворные опыты Глинки, напечатанные в 1807—1808 годах в журнале «Русский вестник». Сам же начинающий писатель, однако, чувствовал необходимость углубленного познания отечества, и в 1810—1811 годах Глинка предпринимает путешествие по нескольким среднерусским губерниям.

Отечественная война 1812 года застала Фёдора Николаевича Глинку в Сутоках. Накануне, 10 мая, он записывает в дневнике: «Наполеон, разгромив большую часть Европы, стоит, как туча, и хмурится над Неманом. Он подобен бурной реке, надменной тысячью поглощенных источников; грудь русская есть плотина, удерживающая стремление,— прорвется — и наводнение будет неслыханно! О, друг! ужели бедствия нашествий повторятся в наши дни?.. Ужели покорение?.. Нет! Русские не выдадут земли своей! Не достанет воинов, всяк из нас будет одною рукой водить соху, а другою сражаться за Отечество!»

С приближением неприятеля, получив личный вызов от Милорадовича, надев «куртку, сделанную из синего фрака, у которой при полевых огнях фалды обгорели», Глинка присоединяется к отступающей русской армии и становится волонтером. Вступить сразу в офицерский корпус Глинка не может — его никто

не знает, а все документы остались в горящих Сутоках. Он присоединяется к коннице генерала Корфа и отступает вместе с ним до Дорогобужа, а там примыкает к арьергарду генерала Коновницына. Волонтер — тот же солдат, только без формы. Он выполняет все солдатские обязанности и ходит в бой как рядовой. В неразберихе отступления никто не знает, что среди волонтеров офицер и дворянин. В этом звании он участвует и в Бородинском сражении.

Общение с простыми русскими воинами на полях сражений и в нечастые часы солдатского досуга, знакомство с солдатскими песнями и сказками привело поэта к осознанию того, что народная поэзия может составить ценнейший источник для литературы: «Солдаты наши большие охотники до сказок... Холод, голод, слякоть и непогода – всё забывалось, когда ротный сказочник, смышлёный краснобай, начинал сказку про храбрых витязей и могучих богатырей. Ружьё становилось легко, как пёрышко, солдаты не слышали ни трудного перехода, ни вязкой дороги. Сказка очаровывала их». Глинка, очевидно, говорит не только о собственно сказках, но и о былинах, поскольку в то время былины назывались богатырскими сказками. Подчёркивал он и значение песен для русского человека. Война убедила его в том, что «сильное влияние песен на дух войска и народа везде и повсюду неоспоримо». Все это предопределило появление фольклорных мотивов в стихах Глинки, где он выразил своё впечатление об Отечественной войне (сравнение врага с тучей, со Змеем лютым и т.д.).

Вспомним, братцы, россов славу
И пойдем врагов разить!
Защитим свою державу:
Лучше смерть - чем в рабстве жить.

Мы вперед, вперед, ребята,
С богом, верой и штыком!
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем!

Под смоленскими стенами,
Здесь, России у дверей,
Стать и биться нам с врагами!..
Не пропустим злых зверей!

Вот рыдают наши жены,
Девы, старцы вопиют,
Что злодеи разъяренны
Меч и пламень к ним несут.

Враг строптивый мечет громы,
Храмов божьих не щадит;
Топчет нивы, палит дома,
Змеем лютым в Русь летит!

Русь святую разоряет!..
Нет уж сил владеть собой:
Бранный жар в крови пылает,
Сердце просится на бой!

Мы вперед, вперед, ребята,
С богом, верой и штыком!
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем!
(«Солдатская песня»)

Народное отношение к неприятелю было очень близко Ф. Глинке: для него, как и для народа, Наполеон сродни нечистой силе, с которой не может быть примирения или оговора. И также бесславен его конец.

Гремящих полчищ повелитель,
Перун и гибель на боях, -
Один, утёсов дикий житель,
Как дух пустынный на холмах...
Летят в пределы отдаленны
Надеждой флоты окриленны,
Все мимо - и никто за ним;
Как страшно самому с самим!
В душе, как в море, мрак и волны...

Как кораблей бегущих тень,
Исчезли дни, величья полны,
И вечереет жизни день...
«Чья новая взнеслась могила?»
Ответ: «Тут спит Наполеон!

И буря подвигов - как сон...
И с ним мечты, и гром, и сила
В затворе тесном улеглись!»

- «Быстрой, корабль, в Европу мчись!
Пловец друзьям. - Смелей чрез волны
Летим с великой вестью мы!»
Но там, в Европе, все умы
Иных забот и видов полны...

И все узнали: умер он,
И более о нём ни слова;
И стал он всем - как страшный сон,
Который не приснится снова;
О нём не вздохнёт любовь,
Его забыли лесть и злоба...
(«Судьба Наполеона»)

Отчётливо прослеживается влияние фольклора и на формирование образа лирического героя поэзии Глинки, его сближение с героем былины. Например, в образе Фигнера чудесное присутствует в его способности мгновенно перевоплощаться.

О, Фигнер был великий воин,
И не простой... он был колдун!..
При нем француз был вечно беспокоен...
Как невидимка, как летун,
Везде неузнанный лазутчик,
То вдруг французам он попутчик,
То гость у них: как немец, как поляк;
Он едет вечером к французам на бивак
И карты козыряет с ними,
Поет и пьет... и распростился он,
Как будто с братьями родными...
Но усталых в пиру еще обдержит сон,
А он, тишком, с своей командой зоркой,
Прокравшись из леса под горкой,
Как тут!.. «Пардон!» Им нет пардона:
И, не истратив ни патрона,
Берет две трети эскадрона...

И вот опять на месте стал,
Как будто и не он!..

(«Смерть Фигнера»)

Кстати, герою Отечественной войны – войсковому атаману графу М. Платову – Глинка посвятил стихотворение «Тост в память донского героя», в котором сильно влияние древних хвалебных песен, певших славу какому-либо герою.

О други! Платова могила сокрыла,
И в день сей протек уже год
С тех пор, как не стало донского светила, -
И грустен придонский народ...

Он храбро с донцами в кровавую сечу -
И громы и гибель враждебным полкам!.
И весело в битве к победе навстречу
Скакал по гремящим полям!

Пред ним трепетали дунайские воды
И берег Секваны {*} дрожал;
{* Древнее наименование реки Сены.}
Донцам и Платову дивились народы,
И мир его славным назвал!

Но, други, Платова могила сокрыла,
И в день сей протек уже год
С тех пор, как не стало донского светила, -
И грустен придонский народ...

И грусть по герою мы чувствуя нову
В день, памятный нашим сердцам,
Напьем фиялы: "Бессмертье Платову
И честь знаменитым донцам!"

Общий голос

"...Бессмертье Платову!
И честь знаменитым донцам!"
(«Тост в память Донского героя»)

Глинка нашел Милорадовича только в Тарутинском лагере. Он был зачислен адъютантом генерала и после этого уже офицером — от поручика до полковника — участвовал во всех боевых действиях в первых рядах наступающей армии — от Малоярославца до Парижа. В середине октября Глинка — в числе первых офицеров, ведущих русские войска по берегам Нары, через осенние калужские леса. Почти каждый день штыковые бои. Малоярославец, Вязьма, Красный, наконец, Смоленск. А оттуда — дорога с боями до Березины, остановка в Вильне, освобождение Германии. Он был в сражениях под Люценом, Бауценом, Дрезденом, Лейпцигом. За заслуги перед немецким народом король Пруссии наградил Глинку особым орденом «За военные заслуги».

Скоро зов услышим к бою
И пойдем опять вперед;
Милорадович с собою
Нас к победам поведет!

Над дунайскими берегами
Слава дел его гремит;
Где ни встретится с врагами,
Вступит в бой — врагов разит.

Вязьма, Красный, Ней разбитый
Будут век греметь у нас;
Лавром бед его обвитый
Бухарест от бедствий спас.

Чтоб лететь в огни, в сраженье
И стяжать побед венец,
Дай одно лишь мановенье,
Вождь полков и вождь сердец!

Друг солдат! служить с тобою
Все желанием горят;
И, к трудам готовясь, к бою,
Общим гласом говорят:

«Милорадович где с нами,
Лавр повсюду там цветет;

С верой, с ним и со штыками
Русский строй весь свет пройдет!..»
(«Авангардная песня»)

Весть о взятии Парижа застала Глинку в Вильне, куда он был направлен особым приказом и где произошла его встреча с В.А. Жуковским. Вскоре, как и многие русские офицеры — участники войны, он отправляется в Париж.

За ратные подвиги полковник Ф.Н. Глинка был награжден орденом Владимира IV степени, орденом Анны II степени, золотой шпагой с надписью «За храбрость». Таким оружием за всю войну с 1812 по 1814 год были награждены всего 926 офицеров. Из русских поэтов такая высокая награда была ещё только у Дениса Давыдова.

Домой Глинка возвращается переполненный впечатлениями. Имение Фёдора Николаевича сгорело в войну, и он вынужден остаться на военной службе. В 1817-1819 гг. полковник Федор Глинка служит в лейб-гвардии Измайловском полку. Он много времени посвящает описанию истории минувшей войны. В 1818 году в Петербурге выходит «Подарок русскому солдату» — сборник патриотических военных стихотворений Глинки. Большинство из них посвящено Апшеронскому полку, в котором служил Глинка, и написаны прямо на поле брани, перед боями или сразу после них, по ночам, на привалах. Много стихотворений о партизанах — целый партизанский цикл.

Усач. Умом, пером остёр он, как француз,
Но саблю французам страшен:
Он не даёт топтать врагам нежатых пашен
И, закрутив гусарский ус,
Вот потонул в густых лесах с отрядом —
И след простыл!.. То невидимкой он, то рядом,
То, вынырнув опять, следом
Идёт за шумными французскими полками
И ловит их, как рыб, без невода, руками.
Его постель — земля, а лес дремучий — дом!
И часто он, с толпой башкир и с козаками,
И с кучей мужиков, и конных русских баб,
В мужицком армяке, хотя душой не раб,
Как вихорь, как пожар, на пушки, на обозы,
И в ночь, как домовой, тревожит вражий стан.
Но милым он дарит, в своих куплетах, розы.
Давыдов! Это ты, поэт и партизан!..

(«Партизан Давыдов»)

Когда в 1818 году М.А. Милорадович занял пост военного губернатора Петербурга, полковник Глинка стал заведующим его канцелярией. В его формулярном списке значилось: «С ведения и по велению Государя Императора употребляем был для производства исследований по предметам, заключающим в себе важность и тайну». Отношение свое к службе Федор Николаевич всегда, всю свою жизнь стремился увязать с данным в юности обетом говорить только правду. А потому он неизбежно обличал корыстолюбие, взяточничество, нечестность не только в личных беседах, но и в докладах, в том числе на «высочайшее имя», за что постоянно ощущал неприязнь начальника канцелярии гражданского генерал-губернатора Геттуна, человека ограниченного и не всегда чистоплотного в делах. Говорил Глинка правду и другим высокопоставленным чиновникам, и лишь покровительство Милорадовича спасало его от неприятностей. «Великодушным гражданином» называл Глинку А.С. Пушкин.

Занимаясь в основном службой, Глинка продолжает участвовать и в литературно-общественной деятельности. Став председателем Общества военных людей, объединившего офицеров — участников войны, и редактором «Военного журнала», он по частям выпускает дополненные «Письма русского офицера», которые благожелательно встречают представители всех кругов тогдашнего читающего общества. Впечатления об увиденном и пережитом стали своеобразным литературным памятником войне с наполеоновской Францией. В книгу Глинка включил свои записи о Бородинском сражении и Заграничном походе. Как он сам признавался: «Не в уединении спокойном, но под небом, освещенном огнями обширных пожаров, посреди шума сражений, наконец, во время долговременного томления Отечества, сочинитель писал письма свои о войне Отечественной».

Небывалая популярность «Писем...» была вызвана, прежде всего, проблематикой жанра. Фёдор Глинка опубликовал «Письма русского офицера», можно сказать, по горячим следам событий. Ещё не написаны ни пушкинская «Бородинская годовщина», ни лермонтовское «Бородино», ни «Война и мир» Толстого, который, впрочем, как и Лермонтов, ещё и не родился. Ещё нет даже загоскинского «Рославлева», этой первой, наивной и несколько оперной попытки отразить в вальтер-скоттовских «занимательных» формах грандиозный всенародный подвиг. Время художественного осмысления войны 1812 года было ещё впереди. Пока же начинала складываться мемуарная и документальная литература, в которой видное место принадлежит военной прозе Фёдора Глинки.

Глинке удалось в полной мере показать национальный подъем, общегражданский пафос, вызванный войной 1812 года. Вместе с тем «Письма русского офицера» отличаются глубоко личностным осознанием действительности.

Главный герой «Писем...» – русский офицер, доблестно проявивший себя на поле брани. Из-под пера Глинки выходят портреты и военачальников, и известных офицеров, и рядовых воинов. В отличие от предыдущих частей «Писем...», где упоминавшиеся люди скрывались за инициалами или носили обобщающий характер, Глинка называет подлинные имена и сообщает подлинные факты из жизни людей, с которыми его на войне сводит судьба. Так, Глинка восхищается героем 1812 года – командиром бригады 3-ей пехотной дивизии генерал-майором Александром Алексеевичем Тучковым 4-м, погибшим во время отражения одной из неприятельских атак на Багратионовы флеши, когда со знаменем Ревельского пехотного полка в руках, он вел бригаду в контратаку. Тучкову 4-му посвящены полные искреннего восхищения строки Ф.Н. Глинки: «Видали ль вы, в портрете, генерала молодого, со станом Аполлона, с чертами лица чрезвычайно привлекательными? В этих чертах есть ум, но вы не хотите любоваться одним умом, когда при этом есть что-то высшее, что-то гораздо более очаровательное, чем ум. В этих чертах, особливо на устах и в глазах, есть душа! По этим чертам можно догадаться, что человек, которому они принадлежат, имеет сердце (теперь уже имел), имеет воображение, умеет и в военном мундире мечтать и задумываться! Но в живом разговоре о судьбе человечества в нем закипала особая жизнь. И в пылу загудевшего боя он покидал свою европейскую образованность, свои тихие думы, и шел наряду с колоннами, и был, с ружьем в руках, в эполетах русского генерала, чистым русским солдатом! Это генерал Тучков 4-й. Он погиб близ 2-го реданта. Под деревнею Семеновскою, у ручья, под огнем ужасных батарей, Тучков закричал своему полку: «Ребята, вперед!» Солдаты, которым стегало в лицо свинцовым огнем, задумались. «Вы стоите? Я один пойду!» Схватил знамя – и кинулся вперед. Картечь расшибла ему грудь. Тело его не досталось в добычу неприятелю. Множество ядер и бомб, каким-то шипящим облаком, обрушилось на то место, где лежал убиенный, взрыло, взбуравило землю и взброшенными глыбами погребло тело генерала».

Проникновенные строки Ф.Н. Глинки прямо перекликаются со строками его старшего брата, С.Н. Глинки, известного писателя, издателя журнала «Русский вестник», автора трудов по русской истории, цензора, посвященными Тучкову-4-му: «Со станом Аполлона Бельведерского соединял он душу ясную, возвышенную; сердце, дышащее тою чувствительностью, которая влечет и

зовет к себе душу; ум, обогащенный всеми плодами европейского просвещения. Уста его цепенели, когда доводилось делать выговор, но громко и важно отражал он несправедливые притязательства».

Тучков «никогда не упоминал о своих военных подвигах», хотя в 1806 году «в издаваемых тогда «Французских ведомостях» при главной квартире генерала Беннигсена говорилось, что «в сражении Голоминском князь Щербатов и полковник Тучков под градом пуль и картечи действовали как будто бы на ученье». «Ни бивачная жизнь, ни походы, ни битвы кровопролитные не пресекали его переписки со мною», – вспоминал С.Н. Глинка.

Рассказывает Ф.Н. Глинка и о своих братьях: Григории, поручике Либавского пехотного полка, который храбро сражался, был ранен, заслужил любовь и уважение солдат; Сергея, который в патриотическом порыве уничтожил свою французскую библиотеку. Много раз упоминался непосредственный начальник Глинки генерал Милорадович. Ф. Глинка неоднократно упоминал и своих товарищей по кадетскому корпусу как близких по духу людей, сохранивших идеалы юности. «Многие из товарищей наших уже полковниками и в крестах; но обхождение их со мною точно то же, какое было за 10 перед сим лет, несмотря на то, что я только бедный поручик».

Глинка приводил множество примеров мужества, героизма, человеколюбия, проявляемых русскими воинами. Он называет имена генералов М.И. Кутузова, М.Б. Барклая-де-Толли, Н.Н. Раевского, П.П. Коновницына. П.И. Багратиона, М.С. Воронцова. С нескрываемым восхищением Ф.Н. Глинка отмечал, что и высшие офицеры неустрашимо бросаются в самое пекло и терпят наряду с простым солдатом все тяготы военного быта, стойко перенося жажду, голод и холод. Так, со словами восхищения он обращается к личности графа П.А. Строганова. «Нередко хожу я и с гренадерами, которых ведет граф Строганов. Смотря на сего вождя, не подумал ли какой-либо себялюбца: имея неисчислимы способы к жизни, имея чины, заслуги, почести и дома у себя рай, зачем ему бросаться в бури, которыми дышит сам ад в наши дни; зачем наряду с простым солдатом, терпя потому труд и голод, стремиться к опасности, на раны и смерть?» В Бородинском сражении погиб единственный сын П.А. Строганова.

Глинка также приводит в пример и ротмистра Ключкова, оставившего «прекрасную жену и пятерых детей, приехал служить и определился к почтенному генералу Лихачеву», который «от тяжелой боли едва передвигая ноги и почти не владея руками, ездит на дрожках при своей дивизии и бывает в сражениях». П.Г. Лихачев, страдавший все время отступления от жестокого

ревматизма, командовал дивизией сидя на стуле, поставленном на холме. Потеряв весь личный состав дивизии, Лихачев обнажил шпагу, и, ковыляя на больных ногах, пошел навстречу атакующим французам. Был изранен, но чудом остался жив. Взятый в плен, был подведен к Наполеону, который распорядился отправить его на лечение в Париж. Но по дороге в Кенигсберг, умер от ран.

Также образно Глинка описывал и военный быт в письме от 21 августа: «Мне кажется, я переселился совсем в другой свет! Куда не взглянешь, все пылает и курится. Мы живем под тучами дыма и в области огней. Смерть все ходит около нас! Она так и трется промеж рядов. Нет человека, который бы не видел ее каждый день, и каждый день, и каждый день целые тысячи достаются ей на жертву! Здесь люди исчезают как тени. Сегодня на земле, а завтра под землей!.. Сегодня смеемся с другом; завтра плачем над его могилой!.. Тут целыми обществами переходят из этого на тот свет так легко, как будто из дома в дом! <...> Всякий делает свое дело и ложится в могилу, как в постель. Так умирают сии благородные защитники Отечества! Сии достойные офицеры русские. Солдаты видят их всегда впереди. Опасность окружает всех и редко кого минует!»

Полны горечи строки, посвященные Москве накануне оставления ее русскими войсками. Атмосфера, царящая в столице, производит на автора «Писем...» удручающее впечатление. Так, в письме от 2 сентября 1812 г. он сообщал: «Мы привезли раненого брата в Москву. Вот уже другой день, как я в столице, которую так часто видал в блестящем ее великолепии, среди торжеств и пирований, и которую теперь едва-едва могу узнать в глубокой ее печали. О, друг мой! Что значит блеск городов, очаровывающий наши чувства? Это самая тленная полуда на меди, позолота на пилюле! Отняли у Москвы многолюдство, движение народа, суету страстей, стук карет, богатство украшений – Москва, осиротелая, пустая, ничем не отличается от простого уездного города! Все уехало или уезжает. Вчера брат мой, Сергей Николаевич, выпроводил жену и своих детей. Сегодня жег и рвал он все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплетах, истребляя у себя все предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лет пишет в пользу Отечества против заразы французского воспитания, простительно доходить до такой степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России». И в отчаянии восклицает < > Уже враг в Москве! Уже французы в священных стенах древнего Кремля!.. А мы, вслед за русскими войсками, пробираемся на Рязанскую дорогу. Древняя столица Севера, после двухсотлетней свободы,

должна опять почувствовать тяготу оков иноплеменных!» Письмо от 4 сентября он начинает строками И.И. Дмитриева:

Москва в слезах; Москва уныла,
Как темная в пустыне ночь!

Эти строки Глинка вспоминает «вместе с одним из превосходнейших наших поэтов, стоя на высоком Московском кургане у Боровского перевоза на Москве-реке». Он «видел сгорающую Москву. Она, казалось, погружена была в огненное море. Огромная черно-багровая туча дыма висела над ней. Картина ужасная!» В стихотворении «Песнь русского воина при виде горящей Москвы» Глинка вспоминает картины прошлого:

«Горит, горит царей столица;
Над ней в кровавых тучах гром,
И гнева божьего десница...
И бури огненны кругом.
О Кремль, твои святыя стены
И башни горды на стенах,
Дворцы и храмы позлащены
Падут, уничиженны, в прах!..
И все, что древность освятила,
По ветрам с дымом улетит!
И град обширный, как могила
Иль дебрь пустынна, – замолчит!..
А гордый враг, оставя цепи
И груды пепла вокруг Москвы,
Возвысит грозно меч и цепи
И двинет рать к берегам Невы...»

Из последних частей «Писем русского офицера», посвященных Заграничным походам, читатель получал сведения о Польше, Силезии, Саксонии, Веймарском герцогстве, о быте и нравах различных слоев общества, о местных достопримечательностях. Особенно подробно Ф.Н. Глинка останавливается на описании Парижа. Пристальное внимание он сосредотачивает на поведении русских войск в Европе, отношении к ним местных жителей.

К «Письмам русского офицера» тесно примыкают «Письма к другу», вышедшие в свет в трех частях в течение 1816-1817 годов. Они открываются рассуждением автора «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года». Будущий историограф, по мнению Ф.Н. Глинки должен быть «прежде всего воин, историк и русский». Слог будущего военного историка

«должен быть чист, ясен и понятен», он должен «напоить перо и сердце свое умом и духом драгоценнейших остатков древних рукописей наших». Многие современники такого историка видели в самом Глинке. Так, генерал А.А. Писарев в 1817 году высказывал надежду иметь в лице Ф.Н. Глинки отечественного повествователя, который передаст «со всею точностью военной науки и с пламенеющим даром красноречия сбывшееся в войне Отечественной».

Война 1812 года поистине была войной, в которой русская армия выполнила свое назначение «святого воинства» — воюя не только за Россию, но за свободу всех народов, за духовные и нравственные ценности всего человечества. В своем «Рассуждении о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года» Глинка писал: «Война 1812 года неоспоримо назваться может священной. В ней заключаются примеры всех гражданских и всех военных добродетелей. Итак, да будет История сей войны... лучшим похвальным словом героям, наставницею полководцев, училищем народа и царей».

Дошла ль в пустыни ваши весть,
Как Русь боролась с исполином?
Старик-отец вёл распри с сыном:
Кому скорей на славу мечь
Идти? – И, жребьем недовольны,
Хватая пику и топор,
Бежали оба в полк напольный
Или в борах, в тущобах гор
С пришельцем бешено сражались.
От Запада к нам бури мчались;
Великий вождь Наполеон
К нам двадцать вёл с собой народов.
В минувшем нет таких походов:
Восстал от моря к морю стон
От топа конных, пеших строев;
Их длинная, густая рать
Всю Русь хотела затоптать;
Но снежная страна героев
Высоко подняла чело
В заре огнистой прежних боев:
Кипело каждое село
Толпами воинов брадатых:

«Куда ты, нехристь?.. Нас не тронь!»
Все вопили, спустя огонь
Съедать и грады и палаты
И созиданья древних лет.
Тогда померкнул дневный свет
От курева пожаров рьяных,
И в небесах, в лучах багряных,
Всплыла погибель; мнилось, кровь
С них капала... И, хитрый воин,
Он скликнул вдруг своих орлов
И грянул на Смоленск... Достоин
Похвал и песней этот бой:
Мы заслоняли тут собой
Порог Москвы – в Россию двери,
Тут русские дрались, как звери,
Как ангелы! – Своих голов
Мы не щадили за икону
Владычицы. Внимая звону
Душе родных колоколов,
В пожаре тающих, мы прямо
В огонь метались и упрямо
Стояли под дождём гранат,
Под взвизгом ядер: всё стонало,
Гремело, рушилось, пылало;
Казалось, выхлынул весь ад:
Дома и храмы догорали,
Калились камни... И трещали
Порою волосы у нас
От зноя!.. Но сломил он нас:
Он был сильнее!.. Смоленск курился,
Мы дали тыл. Ток слёз из глаз
На пепел родины скатился...
Великих жертв великий час,
России славные години:
Везде врагу лихой отпор;
Коса, дреколье и топор
Громили чуждые дружины.
Огонь свой праздник пировал:

Рекой шумел по зрелым жатвам,
На селы змием налетал.
Наш бог внимал мольбам и клятвам,
Но враг ещё... одолевал!..
На Бородинские вершины
Седой орёл с детьми засел,
И там схватились исполины,
И воздух рделся и горел.
Кто вам опишет эту сечу,
Тот гром орудий, стон долин? –
Со всей Европой эту встречу
Мог русский выдержать один!
И он не отстоял отчизны,
Но поле битвы отстоял,
И, весь в крови, – без укоризны –
К Москве священной отступал!
Москва пустела, сиротела,
Везли богатства за Оку;
И вспыхнул Кремль, – Москва горела
И нагнала на Русь тоску.
Но стихли вдруг враги и грозы –
Переменилася игра:
К нам мчался Дон, к нам шли морозы
У них упала с глаз кора!
Необозримое пространство
И тысячи пустынных верст
Смирили их порыв и чванство,
И показался божий перст.
О, как душа заговорила!
Народность наша поднялась:
И страшная России сила
Проснулась, взвихрилась, взвилась:
То конь степной, когда, с натуги,
На бурном треснули подпруги,
В зубах хрустели удила,
И всадник выбит из седла!
Живая молния, он, вольный
(Над мордой дым, в глазах огонь),

Летит в свой океан напольный;
Он весь гроза – его не тронь!..
Не трогать было вам народа,
Чужезычны наглецы!
Кому не дорога свобода?..
И наши хмурые жнецы,
Дав сёлам весть и богу клятву,
На страшную пустились жатву...
Они – как месть страны родной –
У вас, непризнанные гости:
Под броней медной и стальной
Дощупались, где ваши кости!
Беда грабителям! Беда
Их конным выюкам, тучным ношам:
Кулак, топор и борода
Пошли следить их по порошам...
И чей там меч, чей конь и штык
И шлем покинут волосатый?
Чей там прощальный с жизнью клик?
Над кем наш Геркулес брадатый –
Свиреп, могуч, лукав и дик –
Стоит с увесистой дубиной?..
Скелеты, страшною дружиной,
Шатаясь, бредут с трудом
Без славы, без одежд, без хлеба,
Под оловянной высью неба
В железном воздухе седом!
Питомцы берегов Луары
И дети виноградных стран
Тут осушили чашу кары:
Клевал им очи русский вран
На берегах Москвы и Нары;
И русский волк и русский пёс
Остатки плоти их разнёс.
И вновь раздвинулась Россия!
Пред ней неслись разгром и плен
И Дона полчища лихие...
И галл и двадесять племен

От взорванных кремлёвских стен
Отхлынув бурною рекою,
Помчались по своим следам!..
И, с оснежённой головою,
Кутузов вёл нас по снегам;
И всё опять по Неман, с бою,
Он взял – и сдал Россию нам
Прославленной, неразделенной.
И минул год – год незабвенный!
Наш Александр благословенный
Перед Парижем уж стоял
И за Москву ему прощал!
(«1812-й год»)

Многие идеи «Писем к другу», особенно статья «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года», предвосхитили написание «Очерков Бородинского сражения». «Очерки...» были написаны в 1839 году, когда в России широко праздновалась 27 годовщина со дня знаменитого Бородинского боя. На историческом Бородинском поле были проведены большие маневры, целью которых было воссоздание великой битвы.

«Очерки Бородинского сражения» — поистине увлекательнейшее произведение военно-патриотического жанра в отечественной литературе. Великое сражение, во многом решившее исход Отечественной войны 1812 года, изображено Глинкой с поистине необычайной силой и убедительностью, изображено энергично и масштабно, хотя и не исключая многих мелких подробностей, имеющих свое значение в ходе всего сражения.

«К утру сон пролетел над полками. Я уснул, как теперь помню, когда огни один за другим уже снимались, а заря начинала заниматься. Скоро как будто кто толкнул меня в бок. Мнимый толчок, вероятно, был произведен сотрясением воздуха. Я вскочил на ноги и чуть было не упал опять с ног от внезапного шума и грохота. В рассветном воздухе шумела буря. Ядра, раскрывая и срывая наши шалаши, визжали пролетными вихрями над головами. Гранаты лопались. В пять минут сражение было уже в полном разгаре. Многие, вскочив от сна ночного, падали в сон вечный. Взрытая выстрелами земля, всклоченная солома, дым и вспышки огня рябили в глазах. Это вице-король Италиянский повел свою знаменитую атаку на Бородино. Таков был канун и начало великой битвы у нас. У французов было иначе» («Канун Бородина»).

Искусно чередуя первый и второй, общий и крупный планы, военный писатель с достоверной точностью воспроизводит все наиболее яркие и важные моменты исторического сражения.

«Французы дерутся жестоко, дерутся отчаянно, 700 пушек гремят на одной квадратной версте; бой кипит; спорные окопы облиты кровью, переходят из рук в руки и... остаются за неприятелем! Тогда раздается повсеместное «ура!» на линии русской, сам Багратион ведет свое *левое крыло в штыки*. Бой неимоверный! Люди олютели; пушки лопались от разгорячения; зарядные ящики взлетают на воздух. Кони без седоков ржут и бегают оседланными табунами. Все было кровь и сеча в огненной атмосфере этого сражения. Багратион ранен. Стадо остается без пастыря; но Коновницын собирает войска, это было уже в 1-м часу дня, и уводит на высоты, построив их между Семеновским каре Измайловского и Литовского полков, к которым Васильчиков пристроил остатки своей и Неверовского дивизий.

Тут же собрались остатки дивизий Воронцова и принца Мекленбургского. Измайловский и Литовский полки, став эшелонами в каре, отражают тяжелый натиск железных *людей (gens de fer)*: так называл Наполеон своих кирасир; а кирасиры Бороздина (генерал-майора) и Кретьева удачною атакою сгоняют с поля неприятеля, расстроенного батальным огнем гвардейских каре».

Профессиональная точность опытного военного сочетается в «Очерках...» с живыми картинами описаний, изобличающих истинного мастера слова. В «Очерках Бородинского сражения» настолько ярко передаются мельчайшие детали боя, краски и оттенки выписаны настолько осязаемо и пластично, что у читателя подчас возникает иллюзия его сиюминутного присутствия на Бородинском поле то в разгар сражения, то в минуты затишья.

«Предположим, что один из французских художников делал свои заметки для составления панорамических картин Бородинского сражения. Он, конечно, избрал срединный пункт во французской армии. Станем вместе с ним где-нибудь в центре, например, против деревни Семеновской, сперва разрушенной, потом сожженной. Будем смотреть по порядку, вооружаясь по временам зрительною трубою и переносясь иногда с места на место мысленно. Взгляните вправо: вам представляются на краю горизонта березовые рощи, разрезанные выющеюся полосой: это старая Смоленская дорога. По этой дороге двигался 5-й корпус. Его вел Понятовский; в нем были поляки. Теперь шли они, может быть, по той же самой дороге, по которой, ровно за 200 лет (в 1612 году), их прадеды и предки проходили к Москве от Смоленска. Но времена переменились! Корпус Понятовского, как мы уже знаем, составлял край правого крыла французского, сражался на краю левого русского.

Все силы и все усилия обратил неприятель на наше левое крыло, утолстив свое правое. Кутузов отрядил генерал-лейтенанта Тучкова 1-го на старую Смоленскую дорогу. Тучков стал и отстаивал...»

Необходимо отметить объективность и честность Глинки-писателя, Глинки-офицера в описании Бородинского сражения. Позиция беспристрастного наблюдателя, занятая автором, подкупает читателя. Следуя лучшим традициям русского офицерства, военный писатель Ф. Глинка наряду с прославлением стойкости и неустрашимости русских воинов, отдает дань мужеству французских солдат и военачальников, с уважением отзывается о таланте французских полководцев.

«Усмотрев всю важность позиции при деревне Семеновской, Наполеон поставил тут громадную батарею под начальством генерала Сорбье и назвал ее *адскою!* Он уверен был, что русские станут жестоко драться за деревню Семеновскую. И в самом деле, смотрите, смотрите! Русские в огромных массах несутся на этот заветный пункт. Но день погас. Красный клуб огня и дыма покатился по полю, и целая буря картечи засвистала навстречу наступающим. Нет мужества, которое могло бы идти против такого урагана! Отпорная сила батарей остановила наших. Но не ожидайте увидеть тыл их!.. Под самыми пушками французскими русские, при невозможности подвигаться вперед и с твердою решимостью не отступать назад, приросли к земле ногами, — как видно, что земля эта им родная! и падают, уничтожаемые неотразимым могуществом артиллерии. Однако ж, и в этих ужасных для нас обстоятельствах, некоторые из пушек французских вправо — сорваны наскоком кавалерии русской.

Пройдем скорее эту громоносную батарею Сорбье, эти метели картечи, эти сугробы мертвых и умирающих!.. Там, еще левее, поставлен корпус (2-й кавалерийский) генерала Коленкура. Блестящ и молод этот генерал! Число битв, в которых он находился, превышает число лет его жизни...»

«Очерки Бородинского сражения» представляют богатейший материал для историков, военных специалистов, поэтов, писателей, живописцев, словом, для всех, кто интересуется историей своей Отчизны.

«Очерки...» Ф. Глинки были весьма тепло встречены современниками. В.Г. Белинский, например, откликнулся на выход книги Глинки большой одобрительной рецензией, где, в частности, писал: «Она (книга Ф.Н. Глинки) не умрет вместе с умершим 1839 годом, она останется надолго и не утратит своего увлекательного интереса. Это история славной Бородинской битвы, отличающаяся строгою отчетливостью, какую только можно ожидать от действовавшего очевидца, живую увлекательностью рассказа, обличающего

поэтическую душу. Большая часть страниц в этой прекрасной книге горит мужественною жизнью и вполне достойна великого предмета. Бородинская битва так обаятельно действует на чувство народное, что она стала, наконец, для нас каким-то светлым очаровательным мифом».

Достоин внимания и тот факт, что много лет спустя, в другом веке, в годы другой войны — Великой Отечественной — военно-патриотические произведения Ф.М. Глинки приобрели вновь свое былое торжественное звучание. В «Библиотеке офицера», издававшейся в те суровые годы, вышла небольшая книжечка Федора Глинки, в которую были включены отрывки из «Писем русского офицера» и «Очерков Бородинского сражения». Словно бы через века писатель-воин протянул дружескую руку русским солдатам, подбодрил пламенным словом и вновь, как много лет назад, встал в ряды народа, сражающегося за свободу и независимость своей Родины.

Глинка — личный друг и Карамзина, и Шишкова, и Рылеева, и Пушкина, и многих других. И, несмотря на то, что сам он принадлежал скорее к почитателям «старого слога», чем к «Арзамасу», литературные разногласия обходят его стороною.

Слог Глинки-прозаика в батальных сценах лаконичен, беспристрастен, гол, прост и точен: «Колонны неприятельские роились в поле, 400 орудий покровительствовали им. Картечь наших 300 пушек не могла остановить их. Они падали, сжимались и шли! Тогда Багратион ведёт всё левое крыло в штыки. Сшиблись, освирепели и дрались до упаду! Багратион ранен. Реданты в руках французов».

Это пишет Глинка-офицер. Как будто сочиняет рапорт в штаб. Но тут же тяготеет к словесной игре и звукописи. То есть «втайне» остаётся поэтом: «...но всё ещё в разных частях линии французы свирепствовали, ноголюдствовали, губили и погибали. Многочисленная артиллерия гремела и громила». Или — «Багратион, схватя дивизию...», здесь ощущается не только накал битвы, но и характер Багратиона.

В стиле «Писем русского офицера» много традиционного, характерного для сентименталистской эпистолярной прозы XVIII века: обращения к «любезному другу», цветистые описания природы и погоды, отвлеченные рассуждения. Во всём этом чувствуется карамзинско-державинский дух. Однако рядом (и в первую очередь — в батальных сценах) появляются черты, вполне реализовавшиеся уже в классической прозе XIX века. Здесь редко встретишь пышные романтические сравнения. Автор склонен «прозаически» полагаться на собственный опыт. Вот как, к примеру, он передаёт современникам грандиозный масштаб Бородинской битвы: «Я был под

Аустерлицом, но то сражение в сравнении с этим — сшибка! Те, которые были под Прейсиш-Эйлау, делают почти такое же сравнение». А вот — описание пожара Москвы: «Я видел сгорающую Москву. Она, казалось, погружена была в огненное море. Огромная чёрно-багровая туча дыма висела над ней. Картина ужасная!..»

«Я был...», «я видел...» — встречаясь постоянно, эти обороты придают особую, непререкаемую достоверность и зримость изображаемым событиям. Фёдор Глинка дотошен и точен в описании самых малых мелочей военного быта. Он не останавливается и перед изображением жестокости войны. Тут его сентиментализм отступает в тень. Вот картина, достойная «Севастопольских рассказов» Л. Толстого: «На месте, где перевязывали раны, лужи крови не пересыхали. Нигде не видал я таких ужасных ран. Разбитые головы, оторванные ноги и размозжённые руки до плеч были обыкновенны. Те, которые несли раненых, облиты были с головы до ног кровью и мозгом своих товарищей...» И если последующая русская проза и не училась у Глинки, то, по крайней мере, пошла тем же путём, путём точности, краткости, реализма.

Уже после смерти Глинки в 1880 году жизнеописатель его А.К. Жизневский писал: «Великие события, коих Федору Николаевичу привелось быть очевидцем, и особенность его таланта сделали его народным писателем и истолкователем народных чувств. Вся Россия, читая его «Письма», не только видела перед собою, но и переживала вместе с их автором все важнейшие моменты Отечественной войны». То, что военная проза Глинки была по духу своему глубоко патриотичной, объясняется в конечном счете духом самой войны 1812 года — как и освободительная борьба двести лет тому назад, эта война была отечественной, народной, всесословной.

Истинные сыны отечества, отстаивавшие его свободу в грозные годы войн с Наполеоном, не могли равнодушно относиться к крепостной неволе, ужасам аракчеевских порядков в армии, подавлению всякой свободной мысли. Ф.Н. Глинка попадает в бурный водоворот политических событий. В 1816 году он вступил в одну из первых декабристских организаций — «Союз спасения», программа которого предусматривала введение конституционной монархии и уничтожение крепостного права мирным путём, исключая насильственное свержение правящей династии.

За свою долгую жизнь Фёдор Глинка сменил много профессий и увлечений. Он был офицером, чиновником, декабристом, литератором, этнографом, путешественником, археологом, даже спиритом. Но чем бы он ни занимался, им всегда руководило одно главное чувство — любовь к отечеству. Этим чувством дышат его военные и народные стихи.

...Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... всё красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздохнул по стороне родной... —

пишет он в стихотворении «Сон на чужбине».

Источники:

1. 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. — Москва: Правда, 1987. — 512 с.
2. Антонов, А.К. «Два я боролся во мне...» /А.К. Антонов // Народное образование. — 2012. - №9. — С.201-204.
3. Глинка, Ф.Н. Письма русского офицера: Проза. Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма / Ф.Н. Глинка ; [сост., вступ. ст., коммент. С. Серкова, Ю. Удереvского]. — Москва: Московский рабочий, 1985. — 336 с.
4. Глинка, Ф.Н. Сочинения / Ф.Н. Глинка ; [сост., послесл. и коммент. В.И. Карпеца]. — Москва: Советская Россия, 1986. — 352 с.
5. Шеваров, Д. Золотая шпага поэта / Д. Шеваров. // Российская газета. — 2012. - №123. — С.30.
6. Ястребова, Н. Своеобразие фольклоризма стихотворений Ф. Глинки об Отечественной войне 1812 года / Н. Ястребова. — Вопросы литературы. — 2012. - №3. — С.455-465.

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)

Военно-биографический очерк

5 апреля 1840 года военно-судное дело над поручиком лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым было закончено. В наказание за дуэль с сыном французского посланника Эрнстом де Барантом предполагалось «подсудимого поручика Лермантова разжаловать в рядовые впредь до отличной выслуги». Но 13 апреля рукой Николая I на докладе генерал-аудиториата по делу Лермонтова было начертано: «Поручика Лермантова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином». Тенгинский пехотный считался самым исправным из кавказских полков, а воспитание посредством настоящей армейской службы — общепринятым средством от пагубного легкомыслия и неприличной в «государстве порядка» ветрености.

10 июня 1840 года Лермонтов прибыл в Ставрополь. Командующий, граф П.Х. Граббе, косвенно причастный к декабризму и даже когда-то слегка пострадавший за это, понимал, что стоящий перед ним в ожидании решения

судьбы молоденький поручик имел самое прямое отношение к величию России, и он не мог закрыть на это глаза. Граббе, которому опальный поэт предъявил документы, вполне мог поступить, согласуясь с буквой закона, – то есть отправить его в Тенгинский пехотный полк, как было назначено высочайшим приказом. Но Граббе сделал вид, что произошло недоразумение. Лермонтов – отличный наездник. Что ему делать в пехотном полку? А отряд Галафеева нуждался в опытных, знакомых с местными условиями кавалеристах. Как раз в это время командующему кавказской линией П.Х. Граббе было предложено в ответ на беспрестанные набеги чеченцев предпринять на левом фланге решительные меры. На следующий же день Михаил Лермонтов был зачислен в кавалерийский отряд Галафеева. Поход Галафеева в Дагестан обещал успех. Это давало надежду на представление Лермонтова к награде, а значит и на помилование.

Шамиль довольно успешно действовал против русских, «...являясь с чрезвычайною быстротой всюду, откуда уходили войска наши, и с успехом увлекая за собою толпы плохо замиренных горцев». Поэтому решено было перенести Кубанскую линию на реку Лабу и заселить пространство между Кубанью и Лабой станицами казачьего линейного войска. Сначала предполагалось возвести на Лабе укрепления, а потом, под их прикрытием, — и станицы. На правом фланге действовал Лабинский отряд под командованием генерал-лейтенанта Засса, а на левом, под начальством генерал-лейтенанта Галафеева, — Чеченский. Общее наблюдение за обоими отрядами и осуществлял генерал Граббе.

18 июня Лермонтов был командирован на левый фланг Кавказской линии для участия в экспедиции, в отряде под начальством генерал-лейтенанта Галафеева. Он предпочел свободную от повседневной опеки должность адъютанта. Офицеры штаба — адъютанты, как их тогда называли, — прикреплялись заранее к какой-либо части боевого порядка, вели наблюдения за ее действиями, доносили об этом, а порой и сами организовывали действия этих частей. Служба таких адъютантов была сопряжена с большей опасностью, чем в строю. Так, в бою на реке Валерик потери в офицерах строевых частей составили 8 процентов, а среди адъютантов — около 20.

В самом начале июля Лермонтов находится в военном лагере под крепостью Грозной. Это был форпост царского командования на левом фланге Кавказской линии. Как и Владикавказская крепость, крепость Грозная, построенная Ермоловым в 1818 году, состояла всего лишь из земляного вала и рва, но должна была держать в подчинении весь раскинувшийся перед ней край.

Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз;
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядом, повеса нос;
У медных пушек спит прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам.

Край этот был Чеченская земля, пересечённая множеством рек. Она была покрыта вековыми лесами, на широких полянах раскинулись аулы, в чащах ютились хутора. Чеченцы были сильным, опасным врагом. Они следили за каждым шагом противника, хорошо зная местность, умели использовать её для обороны; устраивали засады на пути движения русских колонн, внезапно нападали и так же быстро скрывались в чащах своих лесов. Узнав о приближении русских, они прятали стариков, женщин и детей в непроходимых дебрях, в плен не сдавались, уносили тела убитых и до последней капли крови защищали свой родной край. Русским войскам приходилось вести здесь самую трудную лесную войну. Враг был невидим, а между тем каждое дерево, каждый куст грозил смертью. Во время похода связь командования с войсками, скрытыми лесом, временами поддерживалась лишь сигнальными рожками, и вся надежда была на сметку и находчивость солдата.

Весной 1840 года соединённые силы Чечни и Дагестана угрожали крепости Грозной, и сюда были стянуты русские войска. А каждый приезжавший в то время в Грозную офицер попадал в самый водоворот событий кавказской войны. Отряд Галафеева, расположившийся здесь лагерем, готовился в чеченскую экспедицию. «Отряд в составе двух баталионов пехотного его светлости, одного баталиона Мингрельского и 3-х баталионов Куринского егерского полков, двух рот сапер, при 8-ми легких и 6-ти горных орудиях, двух

полков Донских казаков №37 и 39-го и сотни Моздокского линейного казачьего полка, с 10-ти дневным провиантом и с полкомплектom запасных артиллерийских снарядов, выступив из лагеря при крепости Грозной, переправился с рассветом по мосту через реку Сунжу и взял направление через ущелье Хан-Калу на деревню Большой Чечень».

Отряд двигался живой крепостью: авангард и арьергард по ущелью или по долине, боковые прикрытия по горам на таком расстоянии, чтобы чеченские пули не могли бить по колонне, где были войска и обоз. Двигались медленно, иногда растянувшись на несколько вёрст. Чеченцы сравнивали русские экспедиции с грозовой тучей: вдруг нагрянет полосой, принесёт много бед и разорения, так же и уйдёт... Подобной тучей двинулся от Грозного 6 июля 1840 года и отряд генерала Галафеева.

При выступлении из крепости Грозной обращал на себя внимание один из отрядов. «Пестрою группою лежали люди в самых разнообразных костюмах: изодранные черкески порою едва прикрывали наготу членов, дорогие шемаханские шелки рядом с рубищами доказывали полное презрение владельцев к внешнему своему виду. На многих замечалось богатое и отлично держанное оружие... Лица загорелые и смуглые выражали бесшабашную удаль и при разнообразии типов носили общий отпечаток тревожной боевой жизни и ее закала... Принадлежали они к конной команде охотников, которою заведовал храбрец Дорохов. Бесшабашный командир сформировал эту ватагу преданных ему людей. Все они сделали войну ремеслом своим. Опасность, удальство, лишения и разгул стали их лозунгом. Огнестрельное оружие они презирали и резались шашками и кинжалами...» Этот самый отряд впоследствии и передал раненый Дорохов Лермонтову под начало.

Начало июля 1840 года — это сплошные перестрелки с горцами, походы и карательные экспедиции: сжигаются аулы, вытаптываются посевы. Чеченцы устраивали засады, вели обстрел из какой-нибудь рощи и скрывались, не вступая в бой. Обычно они старались не допускать русских к реке, и приходилось запасаться водой под обстрелом. Случалось, какой-нибудь отважный воин из горцев выходил и вызывал кого-нибудь из русских на поединок; несмотря на запреты, иногда находились охотники, которые принимали вызов.

Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показались значки
Там на опушке — два, и боле.
А вот в чалме один мюрид

В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет — где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий дым...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!.. — Ничего, безделка...
И завязалась перестрелка...
Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовались на них,
Без кроважадного волненья,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...

В подобных «забавах» прошло несколько дней. Из строя выбыло более двадцати человек. Однажды вечером, во время стоянки, Лермонтов предложил друзьям — Льву Пушкину, Глебову, Палену, Александру Долгорукову и нескольким другим — пойти поужинать за черту лагеря. Затея Лермонтова была небезопасной — собственно, такое вообще запрещалось: можно было погибнуть или попасть в плен.

Но компания удалцов взяла с собой несколько денщиков, нагрозила их припасами и расположилась в ложбинке за холмом. Лермонтов, «руководивший всем» (Лермонтов любил праздники и охотно их устраивал), уверял, что, «наперед избрав место, выставил для предосторожности часовых, и указывал на одного казака, фигура коего виднелась сквозь вечерний туман в некотором отдалении».

Развели костер и постарались скрыть огонь — не столько даже от возможного неприятеля, сколько от лагеря русских (чтобы начальство не узнало о проделке). «Лев Пушкин и Лермонтов сыпали остротами и комическими рассказами... Особенно в ударе был Лермонтов. От его выходок все каталось со смеху... Под утро, возвращаясь в лагерь, Лермонтов признался, что видневшийся часовой был не что иное, как поставленное им наскоро сделанное чучело, прикрытое шапкою и старой буркой».

Этот эпизод со всеми подробностями (предложение поужинать на виду у неприятеля, чучело вместо часового — точнее, тела убитых солдат, долженствовавшие изображать охрану) мы встретим в романе Дюма «Три мушкетера» (осада Ла-Рошели). Есть ли вероятность, что Дюма воспользовался историей, которую узнал о Лермонтове (а Дюма интересовался Россией и Лермонтовым в частности; ему писала о нем графиня Ростопчина)? Кстати, еще одна характерная деталь: официально Лермонтов был мушкетером, — командиром взвода 12-й мушкетерской роты Тенгинского пехотного полка...

10 июля 1840 года отряд Галафеева подошел к деревне Гехи. Все окрестные поля были сожжены; здесь русские разбили лагерь. Неприятель пытался подобраться ночью, но часовые обнаружили вылазку горцев, и она была отбита. На заре 11 июля отряд выступил из лагеря. В главной колонне следовал обоз под сильным прикрытием. В лесистой местности отряд растянулся. Неприятеля не было видно. Авангард вступил в густой Гехинский лес и двинулся по узкой лесной дороге. Пару раз горцы стреляли, но сами не показывались. Однако эти выстрелы ясно говорили о том, что впереди отряд ожидает опасность.

Раз — это было под Гихами,
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстился облаками;
И оживились леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.

Вышли на большую поляну в лесу. Впереди была видна река Валерик — «речка смерти», как ее называли в память кровопролитных стычек, проходивших на ней. Валерик протекал по самой опушке леса, в глубоких, совершенно отвесных берегах. Ее правый берег, ближний к отряду, был открыт. По левому тянулся лес, около дороги вырубленный. Настоящая природная

крепость с глубоким водяным рвом. Здесь было удобное место для вражеской засады. Подойдя к мосту, артиллерия открыла огонь.

Впереди же
Все тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;

Ни одного ответного выстрела; ни малейшего движения не было заметно. Местность казалась вымершею.

Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблестало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь все спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Не долго длилось оно,
Но в этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно...

Лермонтовские стихотворные описания военного быта и сражений всегда абсолютно точны и исключительно лаконичны; среди множества деталей и обстоятельств он неизменно отбирает наиболее выразительные и значимые, обозначает их двумя-тремя словами — и полная картина нарисована. Лермонтов показывает бой с точки зрения одного из многих его участников, и эта позиция открыла новые художественные возможности для правдивого, реалистического и психологически мотивированного изображения войны. Пафос приподнятой героики уступил место конкретным зарисовкам отдельных эпизодов. Таково, например, в «Валерике» описание смерти капитана:

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь

И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
Спасите, братцы. — Тащат в горы.
Постойте — ранен генерал...
Не слышат... Долго он стонал,
Но всё слабей и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый
Им вслед смотрел <я> недвижимый.

Небольшая поэма «Валерик» была написана на следующий день после «жаркого дела». На самом деле она без названия и обозначается по первой строке «Я к вам пишу случайно; право...» — и лишь наполовину посвящена сражению на «речке смерти». Другая половина — собственно, письмо, разговор с любимой, навек недоступной, потерянной для поэта женщиной.

После того как «пустили несколько гранат», ответа от неприятеля не последовало. На поляну выехал обоз. Отряд продвинулся еще немного вперед и наконец подошел к лесу на ружейный выстрел. Здесь было решено сделать привал, а пехоте предстояло проникнуть в лес и обеспечить переправу. В этот самый момент чеченцы внезапно со всех сторон открыли огонь.

Войска побежали к лесу и неожиданно были остановлены. На крутых берегах реки неприятель загодя поставил завалы — срубы из бревен, откуда и производил свой убийственный огонь. Стреляли по офицерам и солдатам, двигавшимся по открытой местности. Единственный выход был в том, чтобы как можно скорее подобраться к неприятелю вплотную, перебраться через завалы. (Про Лермонтова потом не без ехидства говорили, что он ради удалства кидался на эти завалы верхом на белом коне).

Начался рукопашный бой — в лесу и прямо в реке. Длился он часа два; это «дело» было не слишком большое, но очень кровопролитное.

Вдруг залп... глядим: лежат рядами
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелась в груди!

Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
Ура — и смолкло. — Вон кинжалы,
В приклады! — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

О собственном участии Лермонтов не пишет ни в стихотворениях, ни в письмах. Был один фрагмент в стихотворении, который Лермонтов вычеркнул.

Тогда на самом месте сечи
У батареи я прилег
Без сил и чувств; я изнемог,
Но слышал, как просил картечи
Артиллерист. Он приберег
Один заряд на всякий случай.
Уж раза три чеченцы тучей
Кидали шашки наголо;
Прикрытие все почти легло.
Я слушал очень равнодушно;
Хотелось спать и было душно.

Это описание предельно по своей правдивости и выразительности. Почему Лермонтов изъял его из окончательного варианта? Может быть, потому, что оно касалось слишком маленького, слишком незначительного эпизодика, да еще с личным участием самого поэта; может быть, оно нарушало общий внутренний ритм стихотворения... Нам оно дорого потому, что оно абсолютно искренне. И старая беспомощная рифма «душно — равнодушно» здесь почему-то не царапает, а вызывает теплое чувство.

Позднее, в начале осени, в письме Алексею Лопухину, Лермонтов кратко напишет об этом сражении (о себе — ни слова): «У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду... Вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью».

Зато генерал Галафеев отмечал в донесении генерал-адъютанту Граббе (8 октября 1840 года): «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы».

Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов выносят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин деревьев
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблистало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве.

Экспедиция длилась девять дней. 15 июля отряд генерала Галафеева вернулся в Грозную. Но уже через два дня выступили опять — в Северный Дагестан. Через крепость Внезапную отряд подошел к Мятлинской переправе и, простояв здесь лагерем, направился к Темир-Хан-Шуре, но при приближении войск горцы рассеялись. Галафеев закончил работы по укреплению Герзель-аула и вернулся 9 августа опять в Грозную. Лермонтов принимал участие во всех этих походах и участвовал в перестрелках. Он много наблюдал. Всё делалось совсем не так, как учили в военной школе в Петербурге. Лучшими учителями оказались сами противники — чеченцы. Быстрота, натиск, находчивость, изобретательность, безумная отвага. Знание местности или по крайней мере понимание, чего требуют условия лесной и горной войны, — вот

что было необходимо, чтобы добиться успеха. Его всесторонняя одарённость дала Лермонтову возможность быстро ориентироваться и овладеть методами партизанской войны.

Между походами Лермонтов побывал в Пятигорске. Встретил знакомого художника Гагарина, ученика Брюллова, прекрасного колориста. Показал ему свои походные зарисовки. Гагарин пришёл в восторг, многое они вместе раскрасили. Особенно поразил Гагарина эпизод сражения при Валерике: чеченцы борются за тела убитых. Рисунок полон экспрессии и драматизма. В центре благородная фигура чеченца на фоне родных гор. Прекрасно его лицо с глазами, полными страдания. Скорбно приподняты брови. Он держит на руках убитого брата или друга. Другие загораживают его от надвигающихся из глубины русских. Один из живых простирает к ним руку и как бы просит: оставьте нам хоть мёртвых! На земле тела убитых. Мёртвая рука убитого героя, защищавшего свой родной край, всё ещё сжимает кинжал. Русские солдаты идут сплочёнными рядами. Одни штыки, лица стёрты. Их движет внешняя непреодолимая, грубая сила, как вынуждает она и самого Лермонтова, поэта и художника, проливать кровь, как заставляет лучших русских людей воевать с горцами. Страшное противоречие – сражаться и сочувствовать врагам! Безвыходность – убивать или быть убитым. И мучительное желание уйти от этого кровопролития:

...небо ясно,
Под небом места много всем!

Кровь, пролитая при Валерике, кровь, превратившая горную реку в кровавый поток, не освящена высокой патриотической идеей. Это не священная война. Это бессмысленная «резня», страшная своей ненужностью. Не испытал участник этого «военного представления» ожидаемого «упоения в бою». Самым сильным впечатлением, вынесенным из боя, оказалось лицо смерти, увиденное вблизи:

...вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать...

В конце сентября отряд генерал-лейтенанта Галафеева выступил из крепости Грозной через Ханкальское ущелье к реке Аргуну. Лермонтов был прикомандирован к кавалерии отряда и вскоре «обратил на себя особенное внимание» отрядного начальника «расторопностью, верностью взгляда и пылким мужеством», как сказано в наградном списке (опять наград никаких не дали — высочайше не утвердили).

10 октября 1840 года выбыл раненым из строя Малороссийского казачьего полка юнкер Руфин Дорохов. Лермонтов принял от него начальство над «охотниками» (добровольцами), выбранными в числе сорока человек из всей кавалерии.

Так началась короткая, но славная и отчасти невероятная история «Лермонтовского отряда».

«Невозможно было сделать выбора удачнее: всюду поручик Лермонтов, везде первый подвергался выстрелам хищников и во главе отряда оказывал самоотвержение выше всякой похвалы. Я хорошо помню Лермонтова и, как сейчас, вижу его перед собой, то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откинутым назад воротником и переброшенной через плечо черкесской шашкой, как обыкновенно рисуют его на портретах. Он был среднего роста, со смуглым или загорелым лицом и с большими карими глазами. Натуру его постичь было трудно. В кругу своих товарищей гвардейских офицеров, участвовавших вместе с ним в экспедиции, он был всегда весел, любил острить, но его остроты часто переходили в меткие и злые сарказмы и не доставлявшие особого удовольствия тем, на кого они были направлены... Он был отчаянно храбр, удивлял своею удалью даже старых кавказских джигитов, но это не было его призванием, и военный мундир он носил только потому, что тогда вся молодежь лучших фамилий служила в гвардии. Даже в этом походе он никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, как блуждающая комета, бродила всюду, появляясь там, где ей вздумается. В бою она искала самых опасных мест, — и ... находила их чаще всего у орудий Мамацева».

Так вспоминал Лермонтова Константин Христофорович Мамацев, офицер-артиллерист, позднее — известный деятель грузинской культуры. Лермонтов познакомился с ним летом 1840 года. Тот самый артиллерист, который «просил картечи» и которого усталый поэт слышал сквозь сон («слушал равнодушно»), — это и есть Мамацев, как полагают.

Осенью 1840 года отряд генерал-лейтенанта Галафеева выступил в новую экспедицию. Военный историк В.А. Потто так передавал воспоминания участника похода К.Х. Мамацева о событиях 27 октября: «Арьергардный батальон, при котором находились орудия Мамацева, слишком поспешно вышел из леса, и артиллерия осталась без прикрытия. Чеченцы разом изрубили боковую цепь и кинулись на пушки. В этот миг Мамацев увидел возле себя Лермонтова, который точно из-под земли вырос со своею командой. И как он был хорош в красной шёлковой рубашке с косым расстёгнутым воротом; рука сжимала рукоять кинжала. И он, и его охотники, как тигры, сторожили момент,

чтобы кинуться на горцев, если бы они добрались до орудий. Но этого не случилось Мамацев подпустил неприятеля почти в упор и ударил картечью».

В октябре 1840 года, по воспоминанию Мамацева, Лермонтов со своим отрядом геройствовал. На фуражировке за Шали, «...пользуясь плоскостью местоположения, Лермонтов бросился с горстью людей на превосходного числом неприятеля и неоднократно отбивал его нападения на цепь наших стрелков и поражал неоднократно собственной рукою хищников». Затем «...с командою первый прешел шалинский лес, обращая на себя все усилия хищников, покушавшихся препятствовать нашему движению, и занял позицию в расстоянии ружейного выстрела от пушки. При переправе через Аргун он действовал отлично... и, пользуясь выстрелами наших орудий, внезапно кинулся на партию неприятеля, которая тотчас же усакала в ближайший лес, оставив в руках наших два тела».

27 октября отряд Галафеева выступил из крепости Грозной во вторую экспедицию по направлению к Алде. Лермонтов «первый открыл отступление хищников из аула Алды и при отбитии у них скота принимал деятельное участие, врываясь с командой в чащу леса и отличаясь в рукопашном бою с защищавшими уже более себя, нежели свою собственность, чеченцами».

На следующий день после ночевки под аулом Алды отряд двинулся по Гойте и Гойтинскому лесу и под вечер занял Урус-Мартан. При переходе через Гойтинский лес Лермонтов «первый открыл завалы, которыми укрепился неприятель, и, перейдя тинистую речку... выбил из леса значительное скопище». А за Гойтинским лесом - снова Валерик. Эта страшная речка смерти. 30 октября при речке Валерик «...поручик Лермонтов явил новый опыт хладнокровного мужества, отрезав дорогу от леса сильной партии неприятельской, из которой малая часть только обязана спасением быстроте лошадей, а остальная уничтожена». Отмечалась не только отличная храбрость, но и «знание военного дела».

Долоховский отряд очень быстро признал Лермонтова, который «умел привязать к себе людей, совершенно входя в их образ жизни. Он спал на голой земле, ел с ними из одного котла и разделял все трудности похода». Всегда был справедлив и солдаты прозвали его «правильный поручик». Лермонтов этим очень гордился.

Эти казаки-охотники всегда находились впереди отряда, первыми встречались с неприятелем, сражались бесстрашно и часто обращали в бегство превосходящего их по силе врага. Лермонтов был в восторге от происходящего. Куда подевался чистюля, у которого при себе всегда была «ослепительной белизны рубашка»? «Гарцевал Лермонтов на белом, как снег, коне, на

котором, молодецки заломив белую холщовую шапку, бросался на чеченские завалы. Чистое молодечество! — ибо кто же кидался на завалы верхом?! Мы над ним за это смеялись».

В свой последний приезд в Петербург Лермонтов рассказывал об этой своей команде Краевскому и подарил кинжал, которым, по его словам, он отбивался от трех горцев, преследовавших его около озера между Пятигорском и Георгиевским укреплением. Только прекрасный конь спас поэта. Из троих преследователей сумел догнать Лермонтова лишь один, но до кровопролития не дошло. Кинжал этот передан Краевским в Лермонтовский музей.

Лермонтову вообще доставляло удовольствие скакать с врагами наперегонки, увертываться от них, избегать тех, кто пытался идти ему наперерез. Достоевский видел в этой черте сходство между Лермонтовым и декабристом Луниным: «И тот и другой были страстные любители сильных ощущений... Уж таковы были эти люди и такова тогдашняя бесцветная жизнь, что натуры сильные и подвижные не выносили серенькой обыденности. Я уверен притом, что никто из них и не думал красоваться».

До зимы 1840 года Лермонтов остается в отряде. В начале декабря Галафеев отправляет в Петербург рапорт с приложением наградного списка и просьбой перевести Лермонтова «в гвардию тем же чином с отданием старшинства». Но никаких наград так и не последовало. Граф Клейнмихель пишет генералу Галафееву: «Государь император, по рассмотрении доставленного о сем офицере (Лермонтове) списка (к награждению), не позволил изъявить монаршего соизволения на испрашиваемую ему награду. При сем его величество, заметив, что поручик Лермонтов при своем полку не находился, но был употреблен в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил сообщить вам, милостивейший государь, о подтверждении, дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку».

Таким образом «вольница» для Лермонтова закончилась, его вернули в строй.

11 декабря, военный министр А.И. Чернышев сообщил командиру Отдельного кавказского корпуса о том, что «государь император, по всеподданнейшей просьбе г-жи Арсеньевой, бабки поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова, высочайше повелеть соизволил офицера сего, ежели он по службе усерден и в нравственности одобрителен, уволить к ней в отпуск в С.-Петербург сроком на два месяца».

Лермонтов возвращается в Петербург — в последний раз.

Александр Иванович Бибику (Биби), своему другу, также выпускнику Школы юнкеров, с которым Лермонтов состоял в родстве, вместе служил на Кавказе и жил в Ставрополе на одной квартире, поэт писал: «... Объясняю тайну моего отпуска: бабушка моя просила о прощении моем, а мне дали отпуск... 9-го марта отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку; из Валерикского представления меня здесь вычеркнули, так что даже я не буду иметь утешения носить красной ленточки, когда надену штатский сюртук». Галафеев представлял его к награде орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом; согласно мнению начальника штаба награда была снижена до ордена Святого Станислава 3-й степени (к этому-то ордену и полагалась красная ленточка с белой каймой). Затем поручика Лермонтова попросту вычеркнули из списка.

«Мой крест несу я без роптанья». Судьба поставила его сюда, на берег кровавой речки, заставила принимать участие в битве, заставила стать одним из тех, кто нарушает великий покой Кавказа. Так сложилось — вот и все.

Источники:

1. Висковатый, П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: биография / П.А. Висковатый. — Москва: Захаров, 2004. — 416 с.
2. Гусляров, Е. Лермонтов в жизни. Систематизированный свод подлинных свидетельств современников / Е. Гусляров, О. Карпунин. — Калининград: Янтарный сказ, 1998. — 405 с.
3. Иванова, Т. Лермонтов на Кавказе / Т. Иванова. — Москва: Детская литература, 1968. — 214 с.
4. Марченко, А. С подорожной по казённой надобности. Лермонтов: роман в документах и письмах / А. Марченко. — Москва: Книга, 1984. — 335 с.
5. Хаецкая, Е.В. Лермонтов / Е.В. Хаецкая. — Москва: Вече, 2011. — 480 с.
6. Чекалин, С.В. Лермонтов. Знакомься с биографией поэта... / С.В. Чекалин. — Москва: Знание, 1991. — 256 с.

Лев Николаевич Толстой (1828 – 1910)

Военно-биографический очерк

Лев Толстой впервые услышал слово «война», когда был ребенком. Много десятилетий спустя, размышляя о роли семейных традиций и преданий в деле воспитания юношества, писатель заметил в своем дневнике: «Мне в детстве внушено было всю энергию мою направить на молодечество охоты и войны». Прапрадед, прадед и дед писателя были военными. Прапрадед Петр Толстой был знаменитым послом в Константинополе. Его отец в семнадцатилетнем

возрасте добровольно поступил на военную службу, участвовал в Отечественной войне 1812 года. Старший брат писателя также добровольно вступил в действующую армию, был участником кавказской войны.

Следуя их примеру, двадцатидвухлетний Толстой становится военным человеком. Весной 1851 года он едет на Кавказ и сначала в качестве волонтера, потом — юнкера, затем младшего офицера, принимает участие в походах и боевых действиях русской армии.

Однако не только традиции рода побудили Толстого надеть военный мундир и почти на шесть лет связать себя с действующей армией. В письмах с Кавказа близким людям он признавался, что пошёл на войну для того, во-первых, чтобы испытать свою храбрость и, во-вторых, чтобы увидеть своими глазами, что такое война.

Н.Н. Толстой привез младшего брата в казачью станицу Старогладковскую, расположенную на левом берегу Терека. Здесь стояла артиллерийская бригада, в которой Николай Николаевич служил офицером. Прибыв сюда в мае 1851 года, Толстой лишь в начале 1852-го, после сдачи специальных экзаменов, был зачислен в уносные фейерверкеры (унтер-офицеры) 4-го класса и служил в этом чине около двух лет, пока его произвели в офицеры.

Почти три года жизни Толстого на Кавказе были богаты впечатлениями. События кавказской войны дали ему материал для рассказов «Набег», «Рубка леса», «Разжалованный», повести «Казачи».

В 1853 году началась русско-турецкая война. Николай I, полагаясь на нейтралитет Австрии и разногласия между Англией и Францией, решил освободить болгар, сербов и румын от турецкого ига и обеспечить России свободный выход через проливы из Черного моря в Средиземное. Война началась морским боем под Синопом, в котором адмирал Нахимов разгромил турецкий флот. Главнокомандующим Южной армией был назначен дальний родственник Толстого, князь М.Д. Горчаков, занявший Дунайские княжества, победоносно перешедший за Дунай и приступивший к осаде турецкой крепости Силистрия. Лев Толстой обращается с просьбой к брату М.Д. Горчакова Сергею Дмитриевичу о переводе в действующую армию. Его просьба удовлетворена, и в начале 1854 года Толстой переведен в Дунайскую армию и произведен в прапорщики. Некоторое время он служит при штабе армии, в Кишинёве, совершает поездки по Молдавии, Валахии и Бессарабии, наблюдает осаду крепости Силистрия.

Но в июне 1854 года неожиданно для Николая I терпит полный крах русская дипломатия. Австрия отказывается от нейтралитета, Франция и Англия вступают в войну на стороне Турции, высаживают войска на Крымский

полуостров и наносят русским сокрушительное поражение. М.Д. Горчаков вынужден снять осаду Силистрии и отступить за Дунай.

Будучи в Кишиневе и получив известие об осаде Севастополя, Толстой записывает в дневник: «Высадка около Севастополя мучит меня». И тут же, как бы размышляя о преступной нераспорядительности военного начальства, допустившего беспрепятственную высадку среди бела дня огромной армии противника на нашей земле, продолжает: «Самонадеянность и изнеженность: вот главные печальные черты нашей армии».

С этого времени Толстой не перестает пристально следить за судьбой Севастополя. «...Жизнь,— пишет он к Т.А. Ергольской 17—18 октября 1854 г. из Кишинева, — протекает в... ожидании известий из Крыма. С некоторого времени вести утешительные. Сегодня мы узнали о победе Липранди; он побил англичан, овладел 4 редутами и взял 4 пушки. Известие это вызвало во мне чувство зависти; ведь я приписан к 12 бригаде, которая участвовала в бою, и неделю тому назад я чуть было не уехал туда... Завидую тем, кто там... На бал приехал адъютант Липранди, и там он рассказывал подробности дела. Не знаю, с таким ли горячим интересом у вас относятся к происходящему в Крыму; здесь же приезд курьера из Севастополя составляет эпоху в жизни, и когда вести печальные — то всеобщее горе».

24 октября произошло несчастное сражение на Инкермановских высотах. Русские войска, почти вдвое превосходившие численностью противника и находившиеся притом на очень выгодных позициях, из-за плохой подготовки сражения и бездарного командования генерала Даненберга потерпели поражение. Крымская армия потеряла почти 10 000 человек убитыми и ранеными. Когда весть об этом дошла до Толстого, он записал в дневник: «...Дело предательское, возмутительное. 10 и 11 дивизия атаковали левый фланг неприятеля, опрокинули его и заменяли 37 орудий. Тогда неприятель выставил 6 000 штуцеров, только 6 000 против 30 тысяч. И мы отступили, потеряв около 6 000 храбрых. И мы должны были отступить, ибо при половине наших войск по непроходимости дорог не было артиллерии, и, бог знает почему, не было стрелковых баталионов. Ужасное убийство. Оно ляжет в душе многих!.. Известие об этом деле произвело впечатление. Я видел стариков, которые плакали навзрыд, молодых, которые клялись убить Даненберга».

В числе убитых под Инкерманом был и близкий Толстому офицер Камстодиус — один из передовых офицеров Крымской армии. «Его смерть,— пишет Толстой,— более всего побудила меня проситься в Севастополь. Мне как будто стало совестно перед ним». Мысль о переезде в Севастополь уже давно владела Толстым. Еще в июле он подал об этом два рапорта. Теперь он

решительно добивается перевода в Севастополь и немедленно уезжает туда. Очень заметна в нём потребность быть не наблюдателем, а прямым участником дела. В письме к брату Сергею от 3 июля 1855 г. Л.Н. Толстой так объяснил переезд в Севастополь: «Из Кишинева 1 ноября я просился в Крым, отчасти для того, чтобы видеть эту войну, отчасти для того, чтобы вырваться из штаба Сержпутовского, который мне не нравился, а больше всего из патриотизма, который в то время, признаюсь, сильно нашел на меня».

Действительно, большое патриотическое воодушевление чувствуется в дневниках и письмах Толстого, связанных с севастопольской обороной. Еще по дороге в Крым он жадно ловит вести из Севастополя и горячо обсуждает их в своем дневнике.

7 ноября 1854 г. Толстой приехал в Севастополь и сразу же окунулся в кипучую боевую жизнь осажденного города.

Настроение его — бодрое и непоколебимое. Осмотрев военные укрепления, возведённые вокруг города, он с горячей уверенностью записывает в дневнике: «Взять Севастополь нет никакой возможности». Мысли и поступки молодого писателя проникнуты в этот период особенно горячим чувством патриотизма. Это чувство лежит в основе его деятельности как офицера севастопольского гарнизона.

Первое время Толстой находился со своей батареей в небольшой деревушке Эски-Орда, в шести километрах от Симферополя. Но уже в начале января 1855 года его переводят в артиллерийскую бригаду, которая занимает позиции на реке Бельбек, вблизи Севастополя. Это позволяет ему чаще бывать в осаждённом городе, принимать участие в боевых действиях, более пристально наблюдать за всем происходящим.

Ещё находясь в Дунайской армии, Толстой задумывает вместе с группой передовых офицеров артиллерийского штаба Южной армии создать общество для просвещения солдат. Толстой горячо захвачен этой идеей, беседует о ней с друзьями, пишет проект общества. Создание подобного общества, однако, противоречит видам высокого начальства, и эта идея отвергается. Тогда у Толстого и его единомышленников возникает план издания прогрессивного военного журнала, целью которого было бы просвещение солдат и верное изображение военных действий.

Толстой пишет статью для пробного номера, хлопочет о разрешении на издание, берёт на себя финансирование журнала. Он готовится стать одним из его будущих редакторов. В Севастополе, в ожидании высочайшего разрешения, Толстой собирает вокруг себя группу офицеров-литераторов, горячо обсуждает с ними направление и содержание будущего журнала, готовит материал для

первых номеров. Однако и этому начинанию не суждено было претвориться в действительность. Прогрессивное направление журнала оказалось «не во взглядах правительства», и оно запретило его издание.

Военный журнал был не единственным из патриотических начинаний Толстого. Как офицер севастопольского гарнизона он развёртывает энергичную деятельность в доступных ему областях военного дела. Болея душой за военнотехническую отсталость русской армии, видя её слабость, вызванную, наряду с другими причинами, устарелостью форм организации войска, он пишет ряд проектов, направленных к улучшению различных родов войск и усилению боевой мощи русской армии. Одним из таких проектов является проект «О штуцерных батальонах», в котором Толстой предлагает увеличить количество нарезных ружей и создать специальные батальоны штуцерных стрелков. Это мероприятие, по мнению специалистов, безусловно содействовало бы усилению огневой мощи севастопольского войска.

Любопытна деятельность Толстого и в специально артиллерийской области. Чтобы усилить огневую силу артиллерии, он пишет проект «О переформировании батарей», который подаёт начальнику севастопольского гарнизона барону Д.Е. Остен-Сакену. Одновременно он работает над проектированием нового, более совершенного зарядного ящика для горной артиллерии.

Много думает в это время Толстой над теоретическими проблемами военного искусства. Анализируя стратегические планы русского командования в Крымской войне, он пытается сам наметить путь наискорейшей победы над врагом. Таков его план генерального наступления на противника от Симферополя через Байдарские ворота.

Примечательно и личное поведение Толстого в бою. Ещё находясь со своей батареей на реке Бельбек, он часто ездит в осаждённый Севастополь и ищет повода вступить в бой. По свидетельству очевидцев, он проявляет под огнём неприятеля большое мужество. «Иногда, — вспоминает один из его сослуживцев Ю.И. Одаховский, — Толстой куда-то пропадал и только потом мы узнавали, что он... находился на вылазках как доброволец». «Во многих делах он участвовал как доброволец и был храбр». Например, в ночь с 10 на 11 марта 1855 года Лев Николаевич вместе с солдатами, которыми командует его друг Столыпин, участвует в ночной вылазке, проявляя при этом, как всегда, большую храбрость.

С 5 апреля 1855 г., в течение полутора месяцев, Толстой находится на одном из самых опасных участков обороны — на Язоновском редуте четвёртого бастиона. О том, какому натиску подвергался Язоновский редут,

можно судить по тому, что во время бомбардировок по нему вели огонь 126 орудий. Вражеские пули и ядра буквально перепахивали это место. Лев Николаевич участвует во всех боевых операциях своего артиллерийского соединения, Он умело командует орудиями и чаще других офицеров дежурит на батарее. Среди солдат он пользуется репутацией беззаветного храбреца. Здесь Толстой урывками пишет свой первый севастопольский рассказ и повесть «Юность», совмещая литературную работу с обязанностями командира батареи.

«Постоянная прелесть опасности, — записывает он в дневник, — наблюдения над солдатами, с которыми живу, моряками и самым образом войны так приятны, что мне не хочется уходить отсюда, тем более, что хотелось бы быть при штурме, ежели он будет». Эти наблюдения над солдатами и над «образом войны» легли впоследствии в основу не только севастопольских рассказов, но и военных сцен романа «Война и мир».

Горячее чувство патриотизма и страстный интерес к делам обороны не заслоняют перед Толстым и вопиющих не порядков, царящих в севастопольском гарнизоне. Уже через две недели после первой восторженной записи в дневнике («Взять Севастополь нет никакой возможности»), мы читаем на его страницах: «Всё идёт на выворот, неприятелю не мешают укреплять своего лагеря, тогда как это было бы чрезвычайно легко, сами же мы с меньшими силами, ниоткуда не ожидая помощи, с генералами, как Горчаков, потерявшими и ум, и чувство, и энергию, не укрепляясь, стоим против неприятеля и ожидаем бурь и непогод, которые пошлёт Николай Чудотворец, чтобы изгнать неприятеля».

С чувством негодования встречает Толстой всякое новое известие о нераспорядительности и недомыслии севастопольского начальства. «Дух упадает ежедневно, и мысль о возможности взятия Севастополя начинает проявляться во многом», — отмечает он в дневнике 21 апреля 1855 г. Вместе с тем, писатель не перестаёт верить в конечное торжество русского народа над своим врагом. Горечь и гнев перемежаются у него с горячей верой в силу и могущество России и неизбежность социальных преобразований. Он записывает в дневнике: «Велика моральная сила Русского народа. Много политических истин выйдет наружу и разовьётся в нынешние трудные для России минуты. Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней».

Глубокая горечь и возмущение Толстого, вызванные отсталостью русской крепостной армии, нашли выражение не только и его дневниках и в севастопольских рассказах, но и в его известной «Записке» о состоянии русской

армии, которую Толстой намеревался вручить одному из великих князей в Севастополе. Это вдохновенное публицистическое произведение замечательно глубиной и остротой поставленных в нём общественных вопросов, близко по своему обличительному тону к лучшим страницам Герцена и Чернышевского. Толстой даёт в нём простор чувству негодования и беспощадно вскрывает основную причину всех бед — крепостное рабство миллионов крестьян.

Уже начало этой «Записки», составленной в торжественном тоне манифеста, говорит о том значении, которое придаёт ей автор. «По долгу совести и чувству справедливости, — пишет Толстой, — не могу молчать о зле, открыто совершающемся передо мною и влекущем за собою гибель миллионов людей, гибель силы и чести отечества. Считаю себя обязанным по чувству человека противодействовать злу этому по мере власти и способности своих».

Объяснив цель своей «Записки», Толстой с большой смелостью говорит далее о «скорбных и непостижимых» явлениях Крымской войны. «В России, — пишет Толстой, — столь могущественной своей материальной силой и силой своего духа, нет войска; есть толпы угнетённых рабов, повинующихся вора, угнетающим наёмникам и грабителям, и в этой толпе... есть с одной стороны дух терпения и подавленного ропота, с другой — дух угнетения и лихоимства».

Характеризуя этот общий порок николаевского войска, Толстой подробно анализирует состояние каждой из его составных частей — солдатской массы, офицерства, генералитета — и существующие между ними отношения. С убийственной меткостью подчёркивает он те причины, которые обуславливают эти губительные отношения. «Русский солдат, — пишет Толстой, — есть существо, законом ограниченное в удовлетворении жизненных потребностей до границ возможности, в действительности же получающее менее того, что нужно человеку сильного сложения, чтобы не умереть от холода и голода. Единственное наказание его есть физическое страдание, ограниченное законом, но в действительности доходящее иногда до мучительной смерти...» Жизненные условия солдата, подчёркивает писатель, невыносимы. Обстановка казённой муштры, мордобоя и голода, в которой он находится, исключает малейшую возможность его духовного развития.

Говоря о тяжёлом, беспросветном положении солдат в николаевской армии, Толстой далёк от отрицательной оценки военных качеств и боевого духа русской армии. Общаясь с солдатами и матросами, Толстой убеждается в том, что истинный патриотизм, глубокую любовь к родине следует искать не в высших сферах, не у адъютантов и штабных офицеров, а в среде простых людей, на плечи которых падает основная тяжесть войны. Он не устаёт

подчёркивать храбрость, героизм и мужество солдат, их высокую боеспособность и душевную цельность, их любовь к родине, проявляющиеся на войне, не смотря на крепостные порядки в армии. На Язоновском редуте укрепляется вера Толстого в духовные силы народа и совершается перелом во взглядах, аналогичный тому, какой переживут в ходе Отечественной войны 1812 года Пьер Безухов и Андрей Болконский – герои будущего романа-эпопеи «Война и мир». Резко изменяется в дневниках и письмах Толстого круг его симпатий и антипатий. Появляется презрительное отношение к адъютантам, офицерам-аристократам. Характерные в начале Крымской кампании честолюбивые мечты кажутся теперь Толстому эгоистическими. Начиная с апреля 1855 года он с завидным упорством преследует в себе это чувство, отмечая каждое его проявление: «тщеславился перед офицерами», «был тщеславен с батарейнными командирами».

Есть ещё одно севастопольское произведение Толстого, в котором критика николаевской армии и её генералитета доведена до большой остроты, – «Песня про сражение на речке Чёрной 4 августа 1855 г.». Эта песня, а также песня «Как восьмого сентября», составленная несколько раньше группой офицеров с участием Л.Н. Толстого, являются произведениями большой общественной значимости. В шутливой, но явно обличительной форме описаны в них два крупнейших сражения — Альминское и битва на речке Чёрной, которыми, по существу, началась и завершилась Севастопольская оборона.

Резко издевательский тон песен, меткие стрелы, направленные по адресу царя и его сыновей, убийственные характеристики царских генералов — всё это заставляет отрешиться от взгляда на песни, как на плод невинной шутки остроумных офицеров.

Лев Николаевич участвовал в сражении на речке Чёрной со своим взводом горной артиллерии. И хотя ему не довелось находиться в самом центре боя, все же, как человеку, разбирающемуся в военных делах, ему были хорошо видны все нелепости, творившиеся на поле сражения и приведшие русские войска к поражению.

Само сражение, не подготовленное и не обеспеченное достаточным количеством снаряжения и войск, было вызвано бессмысленным требованием сверху. Вдохновителем его был барон Вревский, присланный из Петербурга в качестве представителя военного министерства и одновременно в качестве тайного соглядатая за деятельностью главнокомандующего Горчакова. Все эти обстоятельства и нашли отражение в песне.

Начинается она обычным запевом в духе всех солдатских песен, но сразу же вводит в курс событий, точно указывает, о каком сражении идёт речь.

Как четвёртого числа
Нас нелёгкая несла
Горы отбирать.

«Четвёртого числа» — это 4 августа 1855 г., когда произошло тяжёлое для России сражение на речке Чёрной. Отмечая нелепость атаки, предпринятой русским командованием со слабыми силами на неприступные позиции неприятеля, песня тут же недвусмысленно указывает и на главного виновника затеи:

Барон Вревский генерал
К Горчакову приставал.
Когда под-шафе:
«Князь, возьми ты эти горы,
Не входи со мною в ссору,
Не то донесу».

Сражению предшествовал военный совет, на котором участвовали генералы, не отличавшиеся, по мнению Толстого, высоким умом. Чтобы подчеркнуть это обстоятельство, автор вводит в песню вымышленного персонажа — «полицмейстера Плац-бек-Кока» — олицетворяющего глупость и бездарность николаевского генералитета:

Собирались на советы
Все большие эполеты,
Даже Плац-бек-Кок,
Полицмейстер Плац-бек-Кок
Никак выдумать не мог,
Что ему сказать.

Атака на сильно укреплённые позиции неприятеля, расположенные на Федюхиных высотах и Гасфортовой горе — самых стратегически выгодных местах севастопольского плацдарма, не была подготовлена и топографически. Местность оказалась не изученной:

Долго думали, гадали,
Топографы всё писали
На большом листу.
Гладко вписано в бумаги,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить...

Несмотря на то, что на большой редут предварительно выезжали «князья, графы, а за ними топографы», обстановка на поле сражения была совершенно запутанной. Приказы от командования поступали с большими запозданиями и невпопад. В связи с этим генералы перепутали все диспозиции и, не веря в успех сражения, прямо отказывались выполнять распоряжения начальства.

Князь сказал: «Ступай, Липранди».

А Липранди: «Нет-с, атанде,
Нет, мол, не пойду.

Туда умного не надо,
Ты пошли туда Реада,
А я посмотрю»...

Предоставленные самим себе, без единого руководства, отдельные генералы действовали по собственному усмотрению, внося ещё большую путаницу в обстановку и ставя под удар соседние части. Были и такие генералы, как Ушаков, которые, вопреки здравому смыслу, просто уклонялись от боя, предпочитая во время атаки «тактику выжидания».

Генерал же Ушаков
Тут уж вовсе не таков:
Всё чего-то ждал.
Он и ждал да дожидался,
Пока с духом собирался
Речку перейти.

Благодаря этому атака, проводившаяся русскими солдатами с большой храбростью, была обречена на провал. Наступавшие части, во время не поддержанные своими соседями и резервами, откатывались назад, неся большие потери:

На уру мы зашумели,
Да резервы не успели,
Кто-то переврал.
А Белевцов генерал
Всё лишь знамя потрясал,
Вовсе не к лицу.

Не дождались солдаты и помощи из Севастополя:

Ждали — выйдет с гарнизона
Нам на выручку колонна,
Подали сигнал.
А там Сакен генерал

Всё акафисты читал
Богородице.

Так шаг за шагом воспроизводятся в сатирической форме перипетии этой несчастной битвы, показанной через восприятие простых солдат. Сквозь смешную сатирическую канву песни явственно проступают горечь и гнев солдат по поводу больших потерь русской армии.

На Федюхины высоты
Нас пришло всего три роты,
А пошли полки!..
Наше войско небольшое,
А француза было вдвое,
И сикурсу тьма.

Заканчивается песня типично солдатским — в духе того времени — проклятием по адресу виновников бессмысленного сражения.

Примечательно, что обе севастопольские песни получили широкое распространение как в военной среде, так и в среде передовой интеллигенции. По свидетельству многих офицеров-севастопольцев, песни переписывались, распространялись и распевались в офицерской и солдатской среде. Сам Толстой в письме к М.Н. Милошевич пишет, что эти песни «заучивались со слов и изменялись и добавлялись».

О том, насколько широко распространились эти песни и какое значение им придавалось в передовых кругах России, свидетельствует тот факт, что Н.А. Добролюбов, не зная автора, занёс их и свой нелегальный дневник «Закулисные тайны русской литературы и жизни». Дошли эти песни и до Герцена в Лондоне, и он, также не зная авторов, опубликовал их в «Полярной звезде» (книга третья за 1857 г.) как народные, солдатские песни.

Испытав тяготы Севастопольской осады с июня 1854 года по апрель 1855 года, Толстой решил показать Крымскую войну в движении, в необратимых и трагических переменах. Возник замысел изображения «Севастополя в различных фазах», воплотившийся в трех взаимосвязанных рассказах.

«Севастополь в декабре» — ключевой очерк севастопольской трилогии Толстого. В нем формируется тот эстетический идеал, тот общенациональный взгляд на мир, с высоты которого освещаются дальнейшие этапы обороны. Рассказ напоминает диалог двух разных людей. Один — новичок, впервые вступающий на землю осажденного города. Другой — человек, умудренный опытом. Первый — это и воображаемый автором читатель, еще не искушенный, представляющий войну по официальным газетным описаниям. Второй — сам автор, который, изображая первоначальные ощущения новичка, руководит его

восприятием, учит «жить Севастополем», открывает народный смысл совершающихся событий.

«Севастополь в декабре месяце» даёт картины первых дней осады, когда в городе почти нет ещё ни укреплений, ни гарнизона, но нет и сомнения, что он будет держаться против врага, это те первые дни, когда Корнилов, которого обступила толпа, сказал: «Умрём, ребята, а не отдадим Севастополя!» — и солдаты ответили: «Умрём! Ура!». Толстой ведёт нас на пристань, мы садимся вместе с ним лодку и плывём мимо затонувшего корабля. Маленький перевозчик показывает нам на «Константин», на котором ещё целы все орудия и которым командовал сам Корнилов. Лодка скользит мимо набережной, на которой царит пёстрая жизнь. Мы поднимаемся и входим в Собрание; где когда-то царило только веселье, теперь лежат жертвы войны, тяжело и легко раненные, за которыми заботливо ухаживают самаритянки. Здесь жена матроса; она несла мужу еду на бастион и была ранена осколком бомбы.

С одной стороны, «кровь, грязь, страдания и смерть». С другой — атмосфера какого-то оживления, которая царит в осажденном городе. Как согласовать друг с другом эти противоречивые факты?.. Толстой учит «сопрягать», сравнивать, связывать друг с другом разные впечатления бытия. Вначале он показывает новичку «фурштатского солдатика, который ведет поить какую-то гнедую тройку... так же спокойно и самоуверенно и равнодушно, как бы все это происходило где-нибудь в Туле или в Саранске». Затем проявление этого неброского, народного в своих истоках героизма Толстой подмечает «и на лице этого офицера, который в безукоризненно белых перчатках проходит мимо, и в лице матроса, который курит, сидя на баррикаде, и в лице рабочих солдат, с носилками дожидającychся на крыльце бывшего Собрания», превращенного в госпиталь.

Чем питается этот будничный, повседневный героизм защитников города? Толстой не торопится с объяснением, заставляет всмотреться в то, что творится вокруг. Вот он предлагает войти в госпиталь: «Не верьте чувству, которое удерживает вас на пороге залы, — это дурное чувство, — идите вперед, не стыдитесь того, что вы как будто пришли смотреть на страдальцев, не стыдитесь подойти и поговорить с ними...» О каком дурном чувстве стыда говорит Толстой? Это чувство из мира, где сочувствие унижает, а сострадание оскорбляет болезненно развитое самолюбие человека, это чувство дворянских гостиных и аристократических салонов, совершенно не уместное здесь. Автор призывает собеседника к открытому, сердечному общению, которое пробуждает в участниках обороны атмосфера народной войны. Здесь

исхудалый солдат следит за нами «добродушным взглядом, и как будто приглашает подойти к себе».

Вы заглядываете и в операционную, где врачи, отрезая по локоть руку, с серьёзным бледным лицом исполняют своё трудное дело. «Что значат смерть и страдания такого ничтожного червяка, как я, в сравнении с столькими смертями и столькими страданиями?» — вырывается вздох из груди рассказчика. Похоронное шествие; в розовом гробу под музыку, с развевающимися хоругвями несут на кладбище офицера. Потом мы идём в трактир. Офицеры разговаривают о дорогах и плохих котлетах, о деле 24-го, о смерти того или иного товарища и о четвёртом бастионе, где нынче опять плохо. На улицах, которые туда ведут, больше никто не живёт, здесь ужасно свирепствуют неприятельские батареи, ежедневно угрожая новыми смертями. И всё же везде царит порядок, спокойствие, настоящее мужество, так как все готовы идти на смерть за Отечество.

Есть что-то семейное, народное в стиле тех отношений, которые установились в декабрьском Севастополе. И по мере того как герой входит в этот мир, он освобождается от эгоизма и тщеславия. Толстой подводит читателя к пониманию основной причины героизма участников обороны: «...Эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, — любовь к родине».

Прошло шесть месяцев, тысячи ядер, бомб и меньших снарядов беспрестанно летали от бастионов в траншеи, от траншей в бастионы. Команды и население привыкли к вечному беспокойству и равнодушно несут свой крест. На бульваре, как в мирное время, играет полковой оркестр и группы женщин и солдат в праздничном настроении движутся вокруг него. Одна из этих групп — четыре офицера, которые, естественно, говорят не о чём другом, как о прошедших и предстоящих боях. К ним подходит капитан Михайлов; его в тринадцатый раз командировали на бастион, он добровольно вызвался идти, но от злого числа его плохие предчувствия увеличиваются. Им овладевает невыразимо мрачное настроение. Поэтому он, сидя в своей скромной, лишённой всяких удобств квартире, написал своему отцу прощальное письмо, поэтому его грубый, но верный денщик, который признаётся в верности и любви к своему господину, рыдая, целовал ему руки, когда тот покидал убогую комнату.

У адъютанта Калугина, которого мы также встретили в толпе, прелестная квартира, не лишённая даже некоторой роскоши, и офицеры сидят за его столом, как дома, в лучшие времена. Но во время веселья появляется взволнованный посыльный от генерала. Калугин выходит к нему и

возвращается с сообщением, что случилось что-то важное. И на улицах становится заметней приближающаяся катастрофа. Калугин и Гальцин заметили из окна бомбы, которые, как звёзды, сверкают на небосклоне, и слышен всё нарастающий орудийный грохот. Тут уж пришёл офицер, который просит выручить его оказавшуюся в затруднении команду. Гальцин покидает своих друзей и идёт через город, в котором полно печальных примет. От бастионов идут раненые, и лазарет переполнен. Как раз когда Гальцин входит, на руки врачам передают пятьсот тридцать второго. И Калугин предвидит плохое. Но осознание долга и чётостое приказывают робкому предчувствию смерти молчать, и он выбирает дорогу через стоны и охи раненых к блиндажу.

Михайлов и его друг Праскухин стоят на месте, куда их призвал долг. Тут в воздухе в сторону бастиона просвистела бомба. Оба упали на землю; Праскухин убит, а Михайлов легко ранен. Придя в себя, он спешит назад к другу, хочет убедиться, что его ещё можно спасти. Но тут он понимает, что Праскухин мёртв, и, пытаясь, тащится назад к своему батальону, который был уже почти вне выстрелов. Страшный день кончается перемирием; «на бастионе и на траншее выставлены белые флаги, цветущая долина наполнена смрадными телами, прекрасное солнце спускается с прозрачного неба к синему морю, и синее море, колыхаясь, блестит на золотых лучах солнца. Тысячи людей толпятся, смотрят, говорят и улыбаются друг другу. И эти люди — христиане, исповедующие один великий закон любви и самоотвержения, глядя на то, что они сделали, не упадут с раскаянием вдруг на колени перед тем, кто, дав им жизнь, вложил в душу каждого, вместе с страхом смерти, любовь к добру и прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, как братья?»

Сюжетные мотивы «Севастополя в декабре» неоднократно повторяются в «Севастополе в мае» и «Севастополе в августе»: общий план, посещение госпиталя, дорога на четвертый бастион, пребывание на переднем крае обороны. Во втором рассказе Толстой еще раз проводит по этим кругам своих героев-аристократов, чтобы подчеркнуть разительную перемену в настроении и поведении верхов на втором этапе Севастопольской обороны. В первом рассказе герой преодолевает страх смерти, не замыкаясь в себе, а открываясь миру. Он говорит с ранеными, присматривается к солдату, который со смехом бежит мимо. И по мере того как чувство солидарности с рядовыми защитниками города невольно распрямляет его грудь, исчезает мучительное чувство одиночества. Он видит, что все идут по дороге смерти, что солдаты и матросы под бомбами курят трубки, играют в карты, переобуваются, едят — живут. Он чувствует, наконец, «скрытую теплоту патриотизма»; объединяющую этих людей в минуты общенационального испытания, и поднимается над

своим эгоистическим «я» в иное измерение жизненных ценностей, где на первом плане, побеждая смерть, стоит чувство любви к родине, к России.

Историзм толстовского художественного видения жизни во втором рассказе проявился как в изображении отдельных героев, так и в создании целостного образа севастопольского гарнизона и – шире – самой войны. Рассказ «Севастополь в мае» знаменует новую фазу этой войны, не оправдавшей надежд на единство нации. Тщеславие, а не патриотизм оказалось решающим стимулом поведения в кругу людей, стоящих у власти, подвигающихся в штабах армий и полков. И Толстой беспощадно осуждает такую войну, которая ради крестиков-наград, ради повышений по службе требует новых и новых жертв, новых и новых гробов да полотняных покровов. Имевшая священный, патриотический смысл в первый период обороны, когда еще помнили Корнилова и жил любимый народом Нахимов, война все более и более этот смысл теряла, по мере того как на первый план в ней выдвигались карьеристские соображения и тщеславные побуждения «маленьких наполеонов».

В «Севастопольских рассказах» впервые в творчестве Толстого возникает «наполеоновская тема». Писатель показывает, что офицерская элита не выдерживает испытания войной, что в поведении офицеров-аристократов эгоистические, кастовые мотивы к маю 1855 года взяли верх над иными мотивами, патриотическими. Вместо сплочения нации целая группа людей, возглавлявших государство и армию, обособилась от высших ценностей жизни миром, хранителем которых был простой солдат.

Героями «Севастополя в августе» не случайно оказываются люди не родовитые, принадлежащие к мелкому и среднему дворянству: к августу 1855 года бегство аристократов и штабных офицеров из Севастополя под любыми предлогами стало явлением массовым. Время перед последним неприятельским штурмом севастопольских твердынь по-своему рассортировало людей. В критические для России минуты между разными группами внутри офицерского круга растет взаимная отчужденность. Если штабс-капитан Михайлов еще тянулся к аристократам, то Михаилу Козельцову они глубоко несимпатичны. Ход событий заставляет Михаила Козельцова отречься от офицерской верхушки, принять народную точку зрения на жизнь, прислушаться к мнению рядовых участников обороны. «Севастополь в августе» - это своеобразное возвращение к «Севастополю в декабре». Но только в августе вместе с народом оказываются лишь единицы из офицерского сословия, что придает заключительному рассказу трагический оптимизм.

Всё хуже становится положение защитников Севастополя. Уже одиннадцать месяцев длятся лишения; всё быстрее исчезает надежда на успешный отпор врагу, всё меньше мужества, всё равнодушнее становятся некоторые как к себе, так и к смерти своих товарищей. 10 августа опять был бой. Офицер Козельцов был ранен осколком гранаты в голову. Он ушёл с места сражения, но, едва поправившись, едва отдохнув, в конце августа возвращается опять в Севастополь. Это кошмарный день, борьба разворачивается всё стремительнее. В здании почты татарской деревни Дуванки толпятся солдаты и офицеры. За столом сидит несколько молоденьких офицеров, добровольцев, которых только что выпустили из Пажеского корпуса и которые хотели попасть в свой полк. Козельцов спрашивает их о своём брате, а тот, семнадцатилетний Володя, как раз сидит в группе добровольцев. Он не вступил в гвардию, чтобы быстрее попасть в Севастополь. «Главное, я затем просил, что всё-таки как-то совестно жить в Петербурге, когда тут умирают за Отечество». И его, однако, охватывает дрожь при мысли теперь «сразу ехать в Севастополь под бомбы».

В бараке, в «новом маленьком городе» (ряд дощатых барачных, построенных матросскими семьями) оба брата застали интенданта-комиссионера, который как раз считал огромную кипу ассигнаций. От него они наконец узнали, где стоит Володина батарея и полк старшего Козельцова. Вместе с опытным братом Володя отправляется опасной дорогой на бастион. Они расстались у перевязочного пункта, где сегодня опять, как всегда в дни ожесточённых боёв, разыгрывались страшные сцены. Это было их последнее прощание, так как молодой офицер стоит на самом опасном месте в блиндаже Малахова кургана. Козельцов в схватке был так тяжело ранен французом, что врачи его не спасли. Умирая, с крестом в руке, он ещё спросил священника: «Что, французы выбиты везде?» — и священник, который не хотел говорить умирающему, что французское знамя развевается на Малаховом кургане, ответил ему спасительной ложью: «Везде победа за нами осталась». — «Слава Богу», — проговорил раненый, и в этот момент ему в голову пришла мысль о его брате. «Дай Бог ему такого же счастья!» — подумал он. Володя в это время ещё командовал своей ротой, когда французы атаковали укрепления. Они стреляли картечью; не помогала никакая защита. Володя упал лицом в землю на то же место, где стоял.

Третий рассказ «Севастополь в августе 1855 г.» посвящённый трагическому финалу 11-месячной героической борьбы — последним дням осады, решающему штурму русских укреплений союзниками и отступлению наших войск из Севастополя, как и предыдущие, написан Толстым по личным

впечатлениям и переживаниям, а потому и производит на читателя столь сильное впечатление. Это как торжественный реквием по Севастополю, по его мужественным защитникам.

Толстой в день решающего штурма, 27 августа, находился в самом Севастополе. Хотя батарея его стояла в это время вне города и участия в последнем бою не принимала, он не мог в этот трагический день остаться пассивным наблюдателем. По рассказу артиллерийского полковника Порфирия Николаевича Глебова, Толстой, приехав в город, обратился к нему с просьбой поручить ему какое-нибудь боевое дело. И так как потери среди офицерского состава были к этому времени очень велики, полковник Глебов поручил ему командование пятью батарейными орудиями, чем Толстой и был занят во время решающего штурма.

На глазах у Толстого прошёл этот полный драматизма день. Вместе с русской армией писатель сражался в течение многих месяцев за Севастополь. Вместе с ней он отходил от Севастополя, где каждый камень был полит кровью героев. Город, где он в короткий срок вырос и возмужал как художник и воин, где впервые ощутил во всём величии моральную силу народа, где столько передумал и пережил, Толстой оставлял с тяжёлым чувством. Вместе с тем его не покидало глубокое убеждение, что уроки Севастополя не пройдут даром, что неизбежны социальные преобразования, которые искупят позор поражения новым движением страны вперёд. С этим чувством приехал Толстой в Петербург, где он окончательно отделял третий севастопольский рассказ.

В этом рассказе, как и в первых двух, Толстой стремится прежде всего передать читателю живое ощущение Севастополя.

Мы помним этот город по первому рассказу, в начале обороны: оживление на его пристанях, толчею на набережных, строгий и размеренный порядок на бастионах. Мы помним его по второму рассказу, через шесть месяцев, в мае 1855 г., когда суровое дыхание войны уже опалило его, но он всё ещё стоял, как утёс, твёрдый и непоколебимый. Севастополь в августе, в последние дни обороны, выглядит уже иначе. Возвращаясь в эти дни из госпиталя, Михаил Козельцов улавливает на этом не сдающемся, но уже обречённом городе «печать тяжёлого ожидания, усталости и напряжённости».

Героическая оборона приближается к концу. Тают силы защитников города. Оставленный командованием без серьёзных подкреплений, гарнизон Севастополя истекает кровью...

И всё же среди солдат нет моральной подавленности, как нет и чувства обречённости. Боевой дух защитников Севастополя всё ещё очень высок. Когда

начался последний решающий штурм города, солдаты не дрогнули, а встретили смертельную опасность спокойно и деловито, с верой, что и на сей раз неприятель будет отбит. Даже покидая город, отходя по мосту на Северную сторону, солдаты Севастополя были убеждены, что они вскоре вернутся сюда и враг будет изгнан. Толстой с большим мастерством передаёт это глубокое убеждение, владевшее каждым солдатом и матросом.

«Разве он тут разгуляется? — воспроизводит он солдатский разговор. — Как же! Гляди, наши опять отберут. Уж сколько б нашего брата ни пропало, а, как бог свят, вели амператор — и отберут. Разве наши так оставят ему? Как же! На вот тебе голые стены; а шанцы-то все повзорвали... Небось, свой значок на кургане поставил, а в город не суется. Погоди, ещё расчёт будет с тобой настоящий — дай срок, — заключил он, обращаясь к французам.

— Известно, будет! — сказал другой с убеждением».

Страницы, в которых Толстой рисует последний штурм Севастополя и отход русских войск, полны драматизма и принадлежат к числу лучших мест в рассказе. Они согреты жаром сердца писателя, окрашены его собственными переживаниями, наполнены его страстью и тоской.. Падение Севастополя Толстой пережил как личную тяжёлую трагедию, и это нашло яркое отражение в рассказе.

Севастополь пал, но русский народ вышел из него непобежденным духовно. «Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставшийся Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам».

В то время как войска с беспримерным мужеством переживали ужасные страдания, восхищённая Россия читала об их героических подвигах, описанных их боевым товарищем. Вся читающая Россия видела в рассказах графа Толстого не одни любопытные факты, сообщаемые очевидцем, не одни восторженные рассказы о подвигах, способных воодушевить самого беспристрастного рассказчика. Но всякий читатель, одарённый здравым смыслом видел и знал, что на небольшом клочке земли, приковавшем к себе взоры всего света, находился настоящий русский, военный писатель, одарённый зорким глазом, слогом истинного художника, писатель, который делится с публикой историей всего им виденного и пережитого во время осады Севастополя.

Даже император Николай был восхищён произведением молодого офицера. Он тут же отдал приказ перевести его с четвёртого бастиона, где он проявлял редкое бесстрашие и был награжден орденом Св. Анны с надписью «За храбрость» и медалями «За защиту Севастополя», чтобы защитить жизнь будущего таланта. Но он оставался в войсках и все тяготы осады пережил на своём посту. С 5 (17) августа враг почти без перерыва продолжал атаки. Чтобы у

защитников не было времени на восстановление разрушенных укреплений. С 25 августа (5 сентября) ужасная, продолжавшаяся день и ночь бомбардировка нанесла страшные опустошения. Ночью судьба города была решена. Главнокомандующий отдал приказ об эвакуации Севастополя. То, что ещё оставалось от крепостных укреплений в руках русских, князь Горчаков приказал взорвать. Гарнизон Севастополя двигался медленно, прикрытый непроницаемой темнотой, прочь от того места, где они оставляли так много своих храбрых братьев, от того места, которое они держали одиннадцать месяцев подряд против вдвое превосходящего их неприятеля и теперь по приказу без боя должны оставить. Лев Толстой отступил вместе с командами, которые должны были покинуть город.

От командующего артиллерией Кружановского он получил приказ составить из сообщений офицеров всех бастонов общее донесение, которое сам потом доставил в столицу. После кровавых событий 28 августа он был направлен в ракетную батарею и как курьер послан в Петербург.

То, о чём пишет Толстой в своих военных рассказах, он пишет не понаслышке, не со стороны, а как человек, сам всё переживший и по собственному опыту всё знающий. Лев Николаевич стремился противопоставить «сухим и лживым» описаниям войны живую правду о войне. «Вы увидите, – обращается автор очерка к читателям, – как острый кривой нож входит в белое здоровое тело; увидите, как с ужасным, раздирающим криком и проклятиями раненый вдруг приходит в чувство; увидите, как фельдшер бросит в угол отрезанную руку; увидите, как на носилках лежит, в той же комнате, другой раненый и, глядя на операцию товарища, корчится и стонет не столько от физической боли, сколько от моральных страданий ожидания, – увидите ужасные, потрясающие душу зрелища; увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, в смерти...»

Нельзя сказать, что до Толстого никто так не показывал войну, он и в изображении войны имел предшественников. В первую очередь это Лермонтов и его «Валерик». Отвергая принципы «парадного» изображения войны, Толстой отнюдь не отвергает величия и героизма, напротив, он даёт почувствовать особенную и всегда высокую героическую правду.

В «Севастополе в мае» в своём стремлении показать правду Толстой пошёл ещё дальше, нежели в предшествующем очерке «Севастополь в декабре». В этом рассказе он не просто говорит правду о войне и человеке на войне, но всеми средствами вскрывает, обнажает её. Н. Некрасов писал

Толстому об очерке «Севастополь в мае»: «Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда – правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе».

В очерке «Севастополь в мае» есть сцена, которая позволяет увидеть, каким неоднородным и несхожим может быть героическое в действительности. Один из героев очерка, самолюбивый, «одарённый деревянными нервами» блестящий офицер Калугин оказывается в опасном месте. «Поднявшись в гору, он повернул в траншею налево и, пройдя по ней несколько шагов, очутился совершенно один. Близехонько от него прожужжал осколок и ударился в траншею. Другая бомба поднялась перед ним и, казалось, летела прямо на него. Ему вдруг сделалось страшно: он рысью пробежал шагов пять и упал на землю. Когда же бомба лопнула, и далеко от него, ему стало ужасно досадно на себя, и он встал, оглядываясь, не видал ли кто-нибудь его падения, но никого не было.

Уже раз проникнув в душу, страх не скоро уступает место другому чувству; он, который всегда хвастался, что никогда не нагибается, ускоренными шагами и чуть-чуть не ползком пошел по траншее. «Ах, нехорошо! — подумал он, спотыкнувшись, — непременно убьют», — и, чувствуя, как трудно дышалось ему и как пот выступал по всему телу, он удивлялся самому себе, но уже не пытался преодолеть своего чувства.

Вдруг чьи-то шаги слышались впереди его. Он быстро разогнулся, поднял голову и, бодро побрякивая саблей, пошел уже не такими скорыми шагами, как прежде. Он не узнавал себя. Когда он сошелся с встретившимся ему саперным офицером и матросом и первый крикнул ему: «Ложитесь!», указывая на светлую точку бомбы, которая, светлее и светлее, быстрее и быстрее приближаясь, шлепнулась около траншеи, он только немного и невольно, под влиянием испуганного крика, нагнул голову и пошел дальше.

— Вишь, какой бравый! — сказал матрос, который преспокойно смотрел на падавшую бомбу и опытным глазом сразу расчел, что осколки ее не могут задеть в траншее, — и ложиться не хочет».

Чувства, которые испытывает в виду опасности признанный за храбреца Калугин, даются как бы в «анатомическом» разрезе. Благодаря этому, видно, что стоит за мужеством Калугина, из каких составляющих оно складывается. Но при этом мужество Калугина как таковое не подвергается сомнению. Но сопоставление Калугина с матросом далеко не в пользу первого.

«Эта Севастопольская эпопея, героем которой был весь русский народ, надолго оставила глубокий след в России». Писатель говорит об этом с патриотическим воодушевлением, но он воспринимает это в глубоком

убеждении так же, как боль. Ибо большая смерть Севастополя научила его, как мала жизнь одного по сравнению со страданиями общества, по сравнению с вечной всемирной идеей. Разве война не заблуждение народов? Ненавидят друг друга, и то, что они выступают друг против друга, что люди одной веры, одного мировоззрения дают повод для противостояния, является ошибкой заблуждающихся вождей. Во время перемирия русские и французы общались по-дружески друг с другом. Эти люди, которые встречались в цветущей долине, где в домах лежали обезображенные трупы, мёртвые русские и французы, разговаривали, как в мирное время.

- А вы из гвардии?
- Нет... Из шестого линейного.
- А это где купили? — спрашивает офицер...
- В Балаклаве...
- Прелестная вещица, — замечает офицер.

«Вы меня обяжете, если оставите себе эту вещь на память о нашей встрече. — И учтивый француз подаёт офицеру сигарочницу с маленьким поклоном. Офицер даёт ему свою, и все присутствующие в группе, как французы, так и русские, кажутся очень довольными и улыбаются».

Показать человека на войне — задача огромнейшей трудности для художника. Раскрыть во всей сложности внутренний мир человека, поставленного в необычные и суровые условия военных действий, показать его идейные побуждения, «услышать» его сокровенные думы и ощущения и даже проникнуть в душу героя в его предсмертные мгновения, — это дано не всем даже самым крупным художникам.

Толстой выполнил эту художественную задачу колоссальной трудности, причём выполнил её с замечательным мастерством и свойственной ему точностью и правдивостью.

В толстовских описаниях человеческого поведения на войне прежде всего поражает исключительно меткая и острая наблюдательность. Но он не ограничивается только наблюдениями. Он стремится проникнуть во внутренний мир каждого своего персонажа, уловить его индивидуальные, лишь ему одному свойственные переживания в боевой обстановке. А через эту индивидуализацию мы постигаем и общие типические черты поведения и переживаний человека на войне.

Чертами новаторства отмечена батальная живопись севастопольских рассказов. Толстой писал войну, виденную собственными глазами, и поэтому он отбросил все устарелые каноны военных описаний. На собственном опыте он убедился, что война — не такова, как изображали её многие поэты и

писатели, что сущность её составляет не парадная мишура, не внешняя её эффектная сторона, а, наоборот, повседневный тяжкий труд простых людей, сопряжённый с опасностью смерти. Вот откуда та беспощадная правда, с которой написаны у Толстого все картины войны.

В своих рассказах Толстой прежде всего верен действительности в описании внешней обстановки войны. Однако в батальных описаниях Толстого нет и тени ущербности, любования страданиями, изображения ужасов ради ужасов. Мрачные картины войны переплетаются у него со сценами народного героизма, озаряются светом мужества и благородства простых людей. Батальная живопись Толстого при всей её правдивой суровости, оптимистична, отмечена печатью жизнеутверждения и человечности. Вместе с суровой правдой о внешней обстановке войны мы находим в рассказах Толстого правдивые, новаторские по своим средствам описания самих битв. В севастопольских рассказах нет описаний крупных сражений; автор больше показывает обстановку и последствия войны, чем её боевые схватки. Но те батальные сцены, которые нашли место в рассказах, исполнены бесстрашной жизненной правды. Автор показывает всю сложность и многообразие боя, его живое кипение, взаимодействие факторов, решающих исход сражения. Вот как в рассказе «Севастополь в августе 1855 года» описана последняя атака французов на батарею Володи Козельцова:

«Вдруг поразительный крик отчаяния, повторённый несколькими голосами, послышался слева: «Обходят! Обходят!» Володя оглянулся на крик. Человек 20 французов показались сзади. Один из них, с чёрной бородой, в красной феске красивый мужчина, был впереди всех, но, не добежав шагов на 10 до батареи, остановился и выстрелил и потом снова побежал вперёд. С секунду Володя стоял, как окаменелый и не верил глазам своим. Когда он опомнился и оглянулся, впереди его были на бруствере синие мундиры и даже один, спустившись, заклёпывал пушку. Кругом его, кроме Мельникова, убитого пулей подле него, и Вланга, схватившего вдруг в руки хандшпуг и с яростным выражением лица и опущенными зрачками бросившегося вперёд, никого не было. «За мной, Владимир Семёнович, за мной! Пропали!» — кричал отчаянный голос Вланга, хандшпугом махавшего на французов, зашедших сзади. Яростная фигура юнкера озадачила их. Одного, переднего, он ударил по голове, другие невольно приостановились, и Вланг, продолжая оглядываться и отчаянно кричать: «За мной, Владимир Семёнович! Что вы стоите! Бегите, бегите!» — подбежал к траншее, в которой лежала наша пехота, стрелявшая по французам. Вскочивши в траншею, он снова высунулся из неё, чтобы посмотреть, что делает его обожаемый прапорщик. Что-то в шинели ничком

лежало на том месте, где стоял Володя, и всё это пространство было уже занято французами, стрелявшими в наших». В этой картине боя, данной сквозь восприятие одного из его участников, младшего Козельцова, всё предельно просто, точно, правдиво. Ощущение единства боя, ведущегося на большом пространстве, дано, очевидно, только полководцам. Рядовой же участник боя способен, в меру своего возбуждения, видеть только то, что происходит на его глазах. Вот почему бой в глазах его рядового участника всегда – калейдоскоп каких-то отдельных быстро сменяющихся картин, стремительных, подвижных и как бы между собой не связанных. Таким и изображено восприятие боя юным Козельцовым.

Рассказы молодого писателя, активного участника героической обороны Севастополя, настолько возвышались в художественном отношении над военными произведениями большинства его современников, что произвели на читателей неизгладимое впечатление. Многие передовые писатели России — Тургенев, Гончаров, Островский и другие — не создали произведений, посвященных Крымской войне. Подавленные неудачами русской армии и царившими вокруг беспорядками, далекие от театра военных действий, они не смогли живописать военную действительность, которую своими глазами не видели. Но зато тема народного героизма, народных страданий, а вместе с ней и тема обличения самодержавия звучали в этот период во весь голос в поэзии Н.А. Некрасова. Одним из лучших поэтических произведений Н.А. Некрасова, посвященных Крымской войне, является стихотворение «Внимая ужасам войны».

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна –
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы –
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,

Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

Интересна та идейно-творческая перекличка, которая ощущается между этим стихотворением и рассказом Толстого «Севастополь в августе». Толстой как бы подхватывает мысль Некрасова о матерях, которым «не забыть своих детей, погибших на кровавой ниве», и дает в своем рассказе трогательный образ одного из них — юного героя Володи Козельцова, павшего на севастопольской земле. Со своей стороны Некрасов откликается на создание этого образа словами восторга и печали: «Володе Козельцову, — пишет он в «Заметках о журналах», — суждено долго жить в русской литературе, может быть, столько же, сколько суждено жить памяти о великих, печальных и грозных днях севастопольской осады. И сколько слез будет пролито и уже льется теперь над бедным Володею! Бедные, бедные старушки, затерянные в неведомых уголках обширной Руси, несчастные матери героев, погибших в славной обороне! вот как пали ваши милые дети, — по крайней мере, многие пали так, — и слава богу, что воспоминание о дорогих потерях будет сливаться в вашем воображении с таким чистым, светлым, поэтическим представлением, как смерть Володи! Счастлив писатель, которому дано трогать такие струны в человеческом сердце!»

Источники:

1. Лёвенфельд, Р. Первая биография Льва Толстого: разговоры о Толстом и с Толстым. Лев Николаевич Толстой, его жизнь, его творчество, его мирозерцание / Р. Лёвенфельд. — Ростов-на-дону: Феникс, 2011. — 412 с.
2. Маймин, Е.А. Лев Толстой / Е.А. Маймин. - Москва: Наука, 1978. — 192 с.
3. Толстой, Л.Н. Сборник статей / Л.Н. Толстой; под ред. Д.Д. Благого. — Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1955. — 466 с.
4. Толстой, Л.Н. Севастопольские рассказы / Л.Н. Толстой. — Ленинград: Детская литература, 1980. — 126 с.
5. Шифман, А.И. Страницы жизни Льва Толстого / А.И. Шифман. — Москва: Советская Россия, 1983. — 336 с.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
БОЙ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ. РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ – УЧАСТНИКИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ. ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА	11
ИСТОЧНИКИ.....	106
ПРИЛОЖЕНИЕ. ВОЕННО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ	107
Константин Николаевич Батюшков (1787–1855)	107
Всеволод Михайлович Гаршин (1855–1888)	125
Федор Николаевич Глинка (1786/84 – 1880).....	139
Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841).....	162
Лев Николаевич Толстой (1828 – 1910)	176